

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 1(1) 2025

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 1(1) 2025

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
<i>Теоретические и методологические проблемы ономастики</i>	
<i>Ковалев Г.Ф.</i> К исследованиям ономастики в Воронежской ономастической школе.....	7
<i>Васильева Н.В.</i> Ономастика и автоэтнография: точки соприкосновения.....	22
<i>Супрун В.И.</i> Три формы имени в русской лингвокультуре (на материале национального корпуса русского языка).....	27
<i>Попов С.А.</i> Роль топонимики в энциклопедическом исследовании региона.....	33
<i>Воронова Т.А.</i> Имя в контексте этикета: о некоторых современных тенденциях.....	38
<i>Попова Е.А.</i> Ономастическое пространство провинциального сверттекста как аксиологический ресурс.....	42
<i>Региональные ономастические исследования</i>	
<i>Верховых Л.Н.</i> Основные принципы лингвокраеведческих исследований.....	48
<i>Разумов Р.В.</i> Региональные особенности систем урбанонимов (на примере Воронежской области)...	56
<i>Недоступова Л.В.</i> Россошанские антропонимы в речи диалектоносительницы Воронежской области...	61
<i>Гапонова Ж.К.</i> Мифологический код в антропонимах Ярославля XVII века.....	66
<i>Меркулова И.А.</i> Есть ли прозвище у города?.....	73
<i>Имя в пространстве художественного текста</i>	
<i>Калинкин В.М.</i> Содержательность и поэтика списков и перечислений имен.....	78
<i>Бугакова Н.Б.</i> Индивидуально-авторские особенности ономастической лаборатории А. Платонова....	83
<i>Бородин Н.А.</i> «Небесный охотник с кровавой звездой на плече»: визуализация космонима Орион в художественных, публицистических и автодокументальных текстах XIX-XXI вв.	89
<i>Петрачкова И.М.</i> Поэтонимия трагикомедии Александра Михайловича Галина «Наваждение».....	93
<i>Вязовская В.В.</i> Имена Варя и Вера как вехи биографии Н.С. Лескова	99
<i>Скуридина С.А.</i> Микропонимы в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы".....	103
<i>Прагматический аспект имятворчества</i>	
<i>Денисова М.А.</i> Специфика наименования мороженого.....	111
<i>Онимная периферия</i>	
<i>Кульпинов Ю.А.</i> Культурное своеобразие зоонимов.....	116
<i>Баркалова А.К.</i> Освоение антропонимов в социолектах.....	119
<i>Правила оформления статей</i>	123

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>Theoretical and methodological problems of onomastics</i>	
<i>Kovalev G.F.</i> Towards Onomastics research at the Voronezh onomastic school.....	7
<i>Vasilyeva N.V.</i> Onomastics and authoethnography: points of contact.....	22
<i>Suprun V.I.</i> Three forms of names in Russian linguoculture (based on the material of the National corpus of the Russian language).....	27
<i>Popov S.A.</i> The role of toponymy in the encyclopedic study of the region.....	33
<i>Voronova T.A.</i> Personal name in the etiquette context: some modern trends.....	38
<i>Popova E.A.</i> Onomastic space of provincial supertext as an axiological resource.....	42
<i>Regional onomastic studies</i>	
<i>Verkhoviykh L.N.</i> Basic principles of regional linguistic studies.....	48
<i>Razumov R.V.</i> Regional features of urbanonymic systems (using the example of the Voronezh region).....	56
<i>Nedostupova L.V.</i> Rossosh antroponyms in the speech of a dialect native of the Voronezh region.....	61
<i>Gaponova J.K.</i> Mythological code in the antroponyms of Yaroslavl in the 17 th century.....	66
<i>Merkulova I.A.</i> Does a city have a nickname?.....	73
<i>Name in the literary text space</i>	
<i>Kalinkin V.M.</i> The content and poetics of lists and encumbrations of names.....	78
<i>Bugakova N.B.</i> Individual-author's features of A. Platonov's onomastic laboratory.....	83
<i>Borodina N.A.</i> "A sky hunter with a bloody star on his shoulder": visualization of the cosmonym Orion in fiction, journalistic and self-documentary texts of the XIX-XXI centuries.....	89
<i>Petrachkova I.M.</i> Poetonymy of the tragic comedy of Alexander Mikhailovich Galin "Obsession".....	93
<i>Vyazovskaya V.V.</i> Names Varya and Vera as milestones in the biography of N.S. Leskov.....	99
<i>Skuridina S.A.</i> Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel «The Karamazov Brothers ».....	103
<i>Pragmatic aspect of name creation</i>	
<i>Denisova M.A.</i> Specificity of ice cream naming.....	111
<i>Onym periphery</i>	
<i>Kulpinov Yu.A.</i> Cultural peculiarities of zoonyms.....	116
<i>Barkalova A.K.</i> Mastering anthroponyms in sociolects.....	119
<i>Layout of the articles</i>	123

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей первый выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на I Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2025 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает статьи, рассматривающие специфику исследований Воронежской ономастической школы (*Г.Ф. Ковалев*), выявляющие точки соприкосновения ономастики и автоэтнографии (*Н.В. Васильева*), анализирующие существование трех форм имени в русской лингвокультуре (на материале национального корпуса русского языка) (*В.И. Супрун*), определяющие роль топонимики в энциклопедическом исследовании региона (*С.А. Попов*), исследующие имя в контексте этикета (*Т.А. Воронова*) и представляющие ономастическое пространство провинциального сверткста как аксиологический ресурс (*Е.А. Попова*).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи, выявляющие особенности представлений о предметах быта в воронежской антропонимии (*Л.Н. Верховых*), региональную специфику урбанонимов (*Р.В. Разумов*), рассматривающие росошанские антропонимы в речи диалектоносительницы Воронежской области (*Л.В. Недоступова*) представляющие мифологический код в антропонимах Ярославля XVII века (*Ж.К. Гапонова*), призывающие поразмышлять, есть ли прозвище у города (*И.А. Меркулова*).

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, описывающие поэтику списков и перечислений имен (*В.М. Калинин*), выявляющие индивидуально-авторские особенности ономастической лаборатории А. Платонова (*Н.Б. Бугакова*), рассматривающие визуализацию космонима *Орион* в художественных, публицистических и автодокументальных текстах XIX-XXI вв. (*Н.А. Бородинна*), представляющие поэтонию трагикомедии Александра Михайловича Галина «Наваждение» (*И.М. Петрачкова*), имена *Варя* и *Вера* как вехи биографии Н.С. Лескова (*В.В. Вязовская*), обращающиеся к микропонимам в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (*С.А. Скуридина*).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работу, выявляющую специфику наименования мороженого (*М.А. Денисова*).

В разделе «Онимная периферия» описывается культурное своеобразие зоонимов (*Ю.А. Кульпинов*) и пути освоения антропонимов социолектами (*А.К. Баркалова*).

Содержащиеся в выпуске 1(1) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 81'373

Г.Ф. Ковалев

*Независимый исследователь
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

**К ИССЛЕДОВАНИЯМ ОНОМАСТИКИ
В ВОРОНЕЖСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ**

Традиция языкового осмысления региона практически существует почти у всех жителей населенных пунктов. Уровень интереса к истории местной топонимии и атропонимии зависит от временной долготы проживания в данной локализации. Изучение Воронежской губернии начинается с XVIII века в основном священниками и владельцами земель. В XIX веке к этому процессу подключилась и местная интеллигенция, создав определенную базу для уже научных лингвокраеведческих исследований любителей и ученых Воронежской ономастической школы. За период с 1945 года по наше время эта школа мощно исследовала свой край с позиций истории местной топонимии, гидронимии, антропонимии, а также обратилась к ономастикону художественных текстов, в которых имя собственное приобретает дополнительные функции, становясь маркером автобиографизма и хронотопа. За это время школа вырастила свою когорту ученых, включая исследователей профессорского уровня, которые в своей научной деятельности используют принцип поиска следов «автобиографически направленного воображения» (по В.С. Листову) в ономастическом наследии творчества русских писателей. О достижениях Воронежской ономастической школы и рассказывается в настоящей работе.

Ключевые слова: Воронежская ономастическая школа, Ономастическая энциклопедия Воронежской области, региональная топонимия, гидронимия, антропонимия, литературная ономастика, методы исследований.

G.F. Kovalev

*Independent researcher
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

**TOWARDS ONOMASTICS RESEARCH
AT THE VORONEZH ONOMASTIC SCHOOL**

The tradition of linguistic understanding of the region practically exists among almost all residents of settlements. The level of interest in the history of local toponymy and atropyonymy depends on the time length of residence in a given location. The study of the Voronezh province began in the 18th century, mainly by priests and landowners. In the 19th century, the local intelligentsia joined this process, creating a certain base for scientific linguistic and local studies by amateurs and scientists of the Voronezh Onomastic School. During the period from 1945 to the present, this school has powerfully explored its region from the standpoint of the history of local toponymy, hydronymy, and anthroponymy, and also turned to the onomasticon of literary texts in which the proper name acquires additional functions, becoming a marker of autobiography and chronotope. During this time, the school has grown its cohort of scientists, including researchers at the professorial level, who in their scientific work use the principle of searching for traces of "autobiographically directed imagination" (according to V.S. Listov) in the onomastic legacy of Russian writers. The achievements of the Voronezh Onomastic School are described in this work.

Keywords: Voronezh Onomastic School, Onomastic Encyclopedia of the Voronezh region, regional toponymy, hydronymy, anthroponymy, literary onomastics, research methods.

Когда речь заходит об ономастике, то одни думают: «Ну, имена! Что там исследовать!» Другие подходят к ономастике профессионально и спрашивают: «А как вы думаете, чего в мире больше – обычных слов или имён собственных? И получают стандартный ответ даже филологов (чаще литературоведов): «Конечно, обычных слов гораздо больше, вон какие многотомные словари...» Однако такое мнение говорит лишь об обыденном значении имён, дескать: «Дураков много, а имя Иван – одно!» И будут глубоко не правы. Потому что каждое имя имеет свою индивидуальную историю, да еще и владельцы или объекты именованья совершенно разные, кроме того, относящиеся к разным эпохам человечества. Пройдите по кладбищу, прочитайте имена на могилах, и вы поймёте, что мир имён бесконечен! Сколько же их! Миллиарды за время человечества! И это еще не всё: многие люди меняли имена, многие, еще будучи детьми в семье, имели совершенно неканонические формы имен, имели различные прозвища и т.д., и т.п. Тогда становится понятным, насколько важны имена в различные периоды истории, часто бывает, что стираются даты и эпохам даются имена. Поэтому настоящие историки и даже археологи очень ценят историческую ономастику, понимая, что иногда имена прошлого дают более содержательную информацию, нежели раскопанные древности.

Ономастический пласт существует во всех языках мира, но не в каждом наименовании максимально распространены. Дело в том, что ономастическая лексика всегда вторична по отношению к её предшественникам – апеллятивам, то есть самым обычным словам. Только тогда, когда имя собственное приобретает свой собственный смысл, тогда и появляются особые слова – онимы, имена собственные.

И этих имён, как это ни парадоксально, гораздо больше чем слов обычных. Казалось бы: пересчитай все личные имена и ... их окажется меньше, чем слов даже в школьном словаре. Ведь одно и то же имя могло принадлежать миллионам людей в истории! И у каждого имени своя судьба, как судьба каждого человека. А имена могут порождать варианты, причем различающиеся в семейном быту! И сколько их!

Практически почти все направления и ветви ономастики как науки получили достойное отражение в научной деятельности ученых Воронежской ономастической школы. Это топонимия и микропонимия, ойконимия и гидронимия; антропонимия всех типов именованья (становление и развитие имени, отчества, фамилии), в том числе региональная антропонимия; астрономия, зоонимия и даже инсектономия. Наибольшее число публикаций посвящено, конечно же, ономастическому изучению родного края. Одним из важных компонентов научного планирования кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета является направление «Ономастическая энциклопедия Воронежской области», которое объединило не только ученых госуниверситета, но и исследователей педагогического, а также технического университетов.

Еще до формирования этой школы, уже в XIX веке, появлялись попытки местных краеведов изучить топонимию родного края. Спорадически в статьях историков, священников и просто любителей освещались какие-то местные названия. Чаще всего фиксировались так называемые топонимические легенды, в которых проглядывалась лишь народная этимология осмысления региональной топонимии. Важнейшее место занимает здесь работа Е. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». В 1800 году в Воронежской типографии был напечатан этот замечательный труд (переиздан в 1912 и 1992 гг.) – первое исследование по светской и церковной истории Воронежского края. Прав был Е. Болховитинов в вопросе о дате возникновения Воронежа. Именно наш Воронеж упоминается в XII веке. Да и орда Батыева прошла по воронежской земле, почему и Млечный Путь в народной воронежской речи именуется *Батыевой дорогой* (из *Батыева дорога*) [подробнее см.: 20, с. 391-397].

Однако впервые топонимия региона была представлена довольно полно лишь в 1973 году словарём ойконимии В.А. Прохорова «Вся Воронежская земля» (Воронеж, 367 с.). Сло-

варь опирался на исследования священнослужителя Е. Болховитинова, а также на различные административные списки населенных пунктов Воронежской губернии, а потом области. В.А. Прохоров был радиожурналистом и во многом пользовался информацией радиослушателей с мест. Активно использовал и районную прессу, в которой иногда проходили топонимические заметки. Эту работу продолжил выпускник ВГУ С.А. Попов, слегка обновивший словарь В.А. Прохорова, но предложивший свою концепцию в монографии «Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин» (Воронеж, 2003, 285 с.). Он фундаментально занялся проблемой названий исчезнувших поселений Воронежской области. Это громадная работа с архивами исторических документов, но, кажется, и эта работа подходит к защите докторской диссертации, благодаря многим работам С.А. Попова:

Попов С.А. Топонимические исследования в трудах Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 134-141.

Попов С.А. Современное состояние и перспективы исследования топонимии Воронежской области // Воронежский краеведческий вестник. Вып. 22. – Воронеж : Библ-ка им. И.С. Никитина, 2022. С. 26-50.

Попов С.А. Вклад учёных филологического факультета ВГУ в развитие Воронежской ономастической школы // Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность: Сб-к науч. ст. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2019. С. 24-30.

Попов С.А. Основные направления Воронежской ономастической школы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 69-74.

Одним из первых ономастов Воронежского университета был Н.К. Фролов. Он защитил в Воронеже кандидатскую диссертацию по местному казачьему антропонимикону, но уехал на повышение в Тюмень, где долго был и заведующим кафедрой, и деканом филфака Тюменского университета. Он и стал зачинателем Тюменской ономастической школы.

Затем появились ученики профессора Г.Ф. Ковалева, которые активно занимались исследованием воронежской микротопонимии и гидронимии, которые завершили защитой кандидатских диссертаций: Семушкин В.А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты. Воронеж, 9.03.2000; Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области. Особенности номинации. Воронеж, 18.09.2003.

Ономастических аспектов касались в кандидатских диссертациях и такие исследователи, как: Фролова В.П. Типология русских катойконимов на фоне германских языков. Воронеж, 18.06.1999; Ююкин М.А. Древнерусская ойконимия IX-XIII в. Воронеж, 26.12.2003; Дмитриева О.П. Ономастическое пространство Россошанского р-на Воронежской обл. Воронеж, 14.05.2009; Чэнь Цзыди. Микротопонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области. Елец, 21.09.2021. Завершили эти исследования изданием трехтомного Словаря микротопонимии Воронежской области, автор – профессор ВГУ Г.Ф. Ковалев (Воронеж, 2023).

Всё это подготавливалось в рамках научного направления «Ономастическая энциклопедия Воронежской области». Далее шли работы по региональной антропонимии, также защищенные в кандидатские диссертации: Верховых Л.Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского р-на и Красное Новохоперское р-на Воронежской области. Воронеж, 19.06.2008; Горелова Л.Д. История фамилий жителей с.Чигорак Борисоглебского р-на Воронежской обл. 02.05.2011. Была защищена и докторская диссертация: Верховых Л.Н. Лингвокраеведческая субпарадигма в изучении русского языка (на материале воронежского ономастикона). Воронеж, 428 с. Елец, 13.09.2022.

Она же создала свой вариант методологии регионального лингвокраеведческого исследования в таких трудах:

Верховых Л.Н. Геннадий Филиппович Ковалев – продолжатель дела И.С. Никитина (К 75-летию профессора Г.Ф. Ковалева) // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 4. Регио-

нальный сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет. – 2020. – С. 52–54.

Верховых Л.Н. Воронежское лингвокраеведение в XXI веке: направления исследований, перспективы развития // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №1. С. 89–94.

Верховых Л.Н. Основные проблемы лингвокраеведческого анализа регионального ономастического материала // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №2 (45). С. 100–105.

Имя всегда интриговало и писателей, и читателей своей загадочностью и соответствием или несоответствием тому, кому оно было дано при рождении. Многие даже ошибочно полагали и среди них прежде всего отец П. Флоренский и др. [подробнее см.: Флоренский 1998], что имя предопределяет судьбу человека. Однако это было закономерным явлением в основном в языческую эпоху, поскольку отражало древнейшую сакрализацию личного имени практически у всех народов. Если в жизни имя неспособно определить характер человека (хотя бы из-за случайности выбора имени), то в литературных произведениях имя персонажа как раз отражает или характер героя, или его место в системе персонажей, или ономастические вкусы писателя. Поэтому авторы по-разному трактовали имя.

Раньше ономастику изучали только лингвисты, а вот теперь она требует изучения не только в лингвистике, но и в литературоведении, истории, этнографии, географии, да и во многих других науках. В русской литературе изучение литературной ономастики началось уже тогда, когда термина «ономастика» еще не было в отечественной лингвистике, поскольку зачинателями выступили литературные критики. И в первой трети XIX века их в основном интересовала взаимозависимость имени и образа, имени и персонажа, имени и прототипа персонажа и т.д. Часто такие критики выступали анонимно.

Если говорить об ономастике литературной, то, конечно же, наибольшая количественная массивность употребления в ней отмечается за антропонимией. Значительно уступают здесь, как и в жизни, топонимы, гидронимы, астронимы и т.д.

Для того, чтобы понять суть произведения, не достаточно лишь знать его содержание, как обычно требуется в обычной школе. Необходимо понять самого автора и только через его понимание внедриться в систему его образов. И в этом смысле необходимо предельно хорошо знать биографию писателя и его близкого окружения, поскольку в творчестве автора обязательно проникнут нотки автобиографизма! А куда же от них деться, если это жизнь автора, которая и породила и самого автора, и его творчество. Поэтому автобиографизм – весьма интересная штука, ведь он во многом он соткан из нюансов характера, поведения, интеллекта самого автора, что потом тонкими нитями, или жирными мазками отразится в его произведениях. Но существует рядом с биографизмом менее заметная сторона творчества, которая сама воздействует со своей железной логикой на психику, интересы, даже поступки автора в его творчестве. Это – хронотоп. Хронотоп в литературе – неразделимые время и пространство, описываемые автором, но это и рамки жизни автора.

Можно с уверенностью говорить, что уже со времен А.С. Пушкина в отечественной литературе выбор имени персонажа был обусловлен:

1) авторским сознанием, авторским выбором, даже если автор не всегда осознает свой выбор и якобы полагается на случайность;

2) значением онима, поскольку литературный оним имеет только два типа значения: этимологическое и коннотативное; на их основе формируется стилистический потенциал имени собственного в художественном тексте;

3) системностью имени в самом произведении. Имена в любом произведении составляют систему. Они системны уже по условию самого авторского включения их в произведение. Например, фамилия Онегин для А.С. Пушкина была хороша тем, что она входила в цикл имен с амфибрахическим ритмом: Татьяна, Владимир, Евгений, Прасковья, Полина, Акулька,

Селина. Такой тип имен создает в тексте дополнительную именную (почти неощутимую) рифму и ритм. Имя Дубровского – Владимир – было дано Пушкиным также из-за его тяги к амфибрахическим именам, поэтично укладывающимся в систему русского словоизменения, ср., с одной стороны: Влади́мир Дубро́вский, Кири́ла Петро́вич, Шабáшкин; с другой, хоть в именительном падеже и Андре́й, Дефо́рж, Архи́п, Анто́н – это ямбическая структура, но в остальных-то падежах (а уж тут употреблений их гораздо больше!) всё равно оказывается амфибрахий: Андре́я, Дефо́ржа, Архи́пу, Анто́ном и т.п.

4) системностью хронотопа. Термин хронотоп (с греч. χρόνος – время, τόπος – место) – понятие, которое ввел в сферу гуманитарных наук, эстетики и поэтики, в литературоведение М.М. Бахтин, он предложил называть так гармонию времени и пространства, художественно освоенных в литературе. М.М. Бахтин понимал хронотоп как формально-содержательную категорию литературы, называл хронотопом существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. В литературно-художественном хронотопе имеет место «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [3, с. 234]. Правда, до М.М. Бахтина это понятие было разработано фольклористом Д.Н. Медришем. Он трактовал это явление поэтики и фольклоризма как художественное время [27, с. 75-77].

В докладе на IV Международном съезде славистов в 1958 году «Наука о языке художественной литературы и ее задачи» академик В.В. Виноградов сетовал: «Изучение языка художественной литературы еще не оформилось в самостоятельную филологическую дисциплину» [7, с. 3]. А уже в 1963 году он же писал: «... вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях <...> не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [8, с. 38]. Показательно, что именитый академик, поставив некие задачи, практически даже и не обратился к ономастике литературного произведения.

В Воронеже это направление ономастики начинал, уже будучи профессором после защиты докторской диссертации по славянской этнонимии, Г.Ф. Ковалев. Им были написаны книги, в которых трактовалась теория и материалы литературной ономастики:

Ковалёв Г.Ф. Ономастические этюды. Писатель и имя. Воронеж, 2002, 275 с.

Ковалёв Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж, 2004, 340 с.

Ковалёв Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, «Научная книга», 2014, 440 с.

Ковалёв Г.Ф. Именной каламбур русских писателей. Воронеж, «Истоки», 2014, 180 с.

Ковалев Г.Ф. Ономастика поэм А.Т. Твардовского. Воронеж, НАУКА-ПРЕСС, 2018, 124 с.

Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики творчества М.А. Булгакова. Воронеж, 2019, ВГУ, 186 с.

Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2024, 458 с.

Ученые Воронежской ономастической школы активно участвуют в создании постоянно издаваемой Библиографии ономастики отечественных писателей:

Ковалёв Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы. Воронеж, ВГУ, 2006, 212 с.;

Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж, "Научная книга", 2014, 346 с.;

Ковалев Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы. 2010-2020 годы. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2023, 351 с.

Вот уже на протяжении более трех десятилетий основными критериями ученых Воронежской ономастической школы при исследовании литературных онимов являются: прекрасное знание текста, вплоть до черновиков и отдельных заметок; серьёзное понимание эпохи создания того или иного произведения; основательное изучение биографии автора как на основе его же текстов, так и текстов родственников, а также знакомых и писателей его времени. Только тогда восстанавливаются в именах собственных их тонкие нити, связывающие эти именованья с творчеством автора. Правда, имена могут и сами диктовать автору свою текстовую оболочку или возбуждать интерес автора к той или иной теме или сюжету. Вспомним выбор А.П. Чеховым ударения в названии пьесы «Вишнёвый сад».

Таким образом, кроме ономастического краеведения, конечно же, большое место в Воронежской ономастической школе и до сих пор занимают исследования по литературной ономастике. Была подготовлена целая плеяда исследователей литературной ономастики. Это защищённые кандидатские диссертации: Устьянцева О.Ю. Антропонимия романов М.А. Булгакова. Воронеж, 4.04.2002.; Скуридина С.А. Ономастика романов Ф.М. Достоевского «Подросток» и «Братья Карамазовы». Воронеж, 27.09.2007; Вязовская В.В. Ономастика романа Н.С. Лескова «Соборяне». Воронеж, 8.11.2007; Обухова Е.С. Принципы составления Словаря ономастических единиц творчества А.С. Пушкина. Воронеж, 10.12.2009; Бунеев Г.А. Ономастическое пространство романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга». Воронеж, 14.04.2011; Бунеева Е.В. Ономастическое пространство поэм С.А. Есенина. Воронеж, 30.05.2011; Страхов И.И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М.М. Пришвина. Воронеж, 28.04.2016; Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и биографические произведения). Воронеж, 16.01.2020.

А вот моя ученица С.А. Скуридина не только защитила докторскую диссертацию «Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского». Воронеж (Елец, 22.12.2020), но и подвела итоги ономастического достоевсковедения в следующих работах:

Скуридина С.А. Современные ономастические школы: от Воронежа до Иркутска // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 41-46;

Скуридина С.А. Методология М.С. Альтмана в исследованиях воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 1. С. 97-103;

Скуридина С.А. Аспекты изучения литературной ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 127-133.

Да и сама профессор С.А. Скуридина уже подготовила доктора наук Н.Б. Бугакову, которая первой защитила докторскую диссертацию по ономастике творчества А. Платонова «Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова. Воронеж (Ярославль, 11.04.2024) и продолжает работать в рамках ономастического платоноведения:

Бугакова Н.Б. Онимы как репрезентанты евангельского кода художественных текстов А.П. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 273-283;

Бугакова Н.Б. Структурное своеобразие антропонимикона пьесы А. Платонова «Ученик лица» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3 (54). С. 123-130.

Исходя из профессионального опыта, начинаешь осознать, что для понимания значения авторских имен, выбора этих имен, все же, кроме чтения изучаемых текстов, нужно хорошо знать, откуда у этого человека пошло так называемое АВТОРСТВО, то есть его инди-

видуальный текст с подбором его имён. Для этого нужно знать быт его эпох (включая региональный быт, или даже семейный). Нужно знать, что породило его страсть к авторству, что помогало, а что мешало, противодействовало. Ведь всё это и рождает АВТОРА!

Поэтому одним из главных уровней исследований по литературной ономастике в Воронежской ономастической школе является *проблема автографизма* или биографизма. То, что биография писателя с необходимостью накладывает отпечаток на все его творчество, не вызывает никаких сомнений. Собственно, это и составляет суть автобиографизма писательской ономастики. Частным случаем автобиографизма являются мемуары самих писателей и собственно автобиография. Писательских автобиографий в истории отечественной литературы было написано довольно много. Например, первой, самой первой в Древней Руси оказалась автобиография, написанная князем-писателем Владимиром Мономахом.

Однако нужно еще и поставить вопрос: что же действительно составляет биографию писателя? Справедливо об этом писал А.И. Рейтблат: «Биография невозможна без биографа, т.е. человека, который, исходя из своих представлений о мире, о мотивах человеческой деятельности, должен придать смысл жизни своего персонажа, «собрать» его уникальную личность. В жизни человека происходит масса «микрособытий», от нее остается много разнообразных «следов» – вещи, записи его самого и о нем, фотографии и т.д. Биограф лишь очень немногие из них принимает во внимание и считает биографическими фактами, остальное он не включит в биографию. Так что, как ни парадоксально это звучит, биография не в меньшей мере зависит от биографа, чем от персонажа» [32, с. 439-440].

Поэтому, конечно, если есть хоть какие-то документы (не важно, это заметки, черновики самого автора или воспоминания других людей, контактировавших с ним), касающиеся того, каковы были планы автора, как он сам понимал тот или иной образ, кто мог послужить прототипом или протономеном его персонажа, они обязательно прольют определенный свет и приоткроют завесу тайн творческой лаборатории автора.

А.А. Ахматова же полагала, что мемуаристика не может быть признана за документ: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя: 20% мемуаров так или иначе фальшивки. Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в [серьезные] почтенные литературоведческие работы и биографии. Непрерывность тоже обман. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать» [16, с. 555]. Н. Гончарова попыталась объяснить такую позицию великой поэтессы: «Для Ахматовой личные записи – это разрыв в броне личности, через который досужему и часто недоброжелательному глазу легко проникнуть к самым глубинам творческого, да и просто человеческого сознания. Дневник в ее понимании – лазейка, по самой своей природе предающая своего создателя, обнажающая его тайны» [13, с.328].

А вот мнение писателя И.А. Гончарова: «То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, – то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний – и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, – словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало» [18, с. 193].

Ю.Н. Тынянов прозорливо писал: «Биография и даже «родословная» у поэтов не только существует, но «вызывается» и даже меняется в итоге смены лирического героя: освещается часть биографии, важная в этом смысле. Так, Лермонтов долго воссоздавал и менял свою генеалогию, переходя от шотландца Лермонта к испанцу Лерме» [36, с. 142].

Анализ многих терминов и понятий, касающихся тем биографии и автобиографизма писательского творчества привел нас к триединой формуле, найденной на основе длительной работы над творчеством А.С. Пушкина В.С. Листовым: «В поле нашего зрения должно попасть самое широкое пограничье между тремя основными стихиями мира Пушкина – твор-

чеством, реальным жизненным путем и автобиографически направленным воображением. Последнее можно было бы назвать «биографией души» [25, с. 11].

Характерно, что юный Николай Гумилев крайне заинтересовался тюремными записками Оскара Уайльда, в частности таким фрагментом: «Мне не нужно напоминать вам, что только выражение своей жизни – для художника высший и единственный способ жить. Мы живем, поскольку воплощаем жизнь в слове» [26, с.32].

О единстве героя и самого писателя в сознании И.А. Бунина говорит эпизод, разговора между Буниным и его «учеником» В.П. Катаевым:

«Но скажите: неужели вы бы смогли – как ваш герой – убить человека для того, чтобы завладеть его бумажником?

– Я – нет. Но мой персонаж...

– Неправда! – резко сказал Бунин, почти крикнул: – не сваливайте на свой персонаж! Каждый персонаж – это и есть сам писатель.

– Позвольте! Но Раскольников...

– Ага! Я так и знал, что вы сейчас назовете это имя! Голодный молодой человек с топором под пиджачком. И кто знает, что переживал Достоевский, сочиняя его, этого самого своего Раскольникова. Одна фамилия чего стоит! Я думаю, – тихо сказал Бунин, – в эти минуты Достоевский сам был Раскольниковым. Ненавижу вашего Достоевского! – вдруг со страстью воскликнул он» [19, с. 301].

Говоря о персонажах А.С. Грибоедова, М.О. Гершензон настаивал: «... есть два способа приблизиться к пониманию художественного смысла, руководившего поэтом; прямой путь – это путь непосредственного изучения его образов и творческих средств; но ценные услуги в этом деле может оказать и косвенный путь – ознакомления с той действительностью, которая служила художнику прообразом его создания. Самое малое, что мы можем добыть на этом втором пути – осязательность минувшей жизни, непосредственное погружение в ее быт и психику, – уже большая и притом самостоятельная ценность» [10, с. 4].

Обозреватель газеты «Культура» М. Бударегин в статье, посвященной творчеству Беллы Ахмадулиной, слишком примитивно проиллюстрировал и объяснил факты биографизма в творчестве других писателей: «Так называемый «донжуанский список» Пушкина не поможет понять «Маленькие трагедии». Как же, скажет любитель биографического подхода, автор существует на земле, он ест и пьет, ходит в гости и пишет друзьям письма, читает газеты и вообще – такой же, как и мы. Просто еще и сочиняет. Правда же?

Нет, неправда. Конечно, писать в тетрадку что-нибудь о любви – занятие хорошее, уж лучше, чем по подворотням шляться. Однако графомания «сама по себе» никому, кроме трех твоих знакомых, неинтересна. Писатель большого дара обязан прямо и честно рассказывать о том, чего не видел. Александр Сергеевич лично не был знаком с Емельяном Пугачевым, одним из героев «Капитанской дочки», Станислав Лем не ступал на поверхность планеты Солярис, а Владимир Маяковский придумал «опожаренный песок». Такова суть творчества – жить поверх собственной биографии» [12, с. 12].

Марсель Пруст категорично полагал, что творчество писателя и его же биография – это абсолютно независимые сферы. Однако, анализируя роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», Л.Я. Гинзбург отметила, что его создатель смело интерпретирует документально-биографическую основу и активно «деформирует реально-бытовой пласт». Больше того, она уточняет, что в романе «не только автопсихологичен рассказчик, но и для каждой черты и детали этого романа, для любых его элементов может быть найден источник в жизненном опыте автора» [12, с. 13].

Писатель С. Есин на возражения Пруста о биографизме его произведений писал: «А вот Марсель Пруст всю жизнь описывал своих родных, мать, теток» [15, с. 24]. Это ли не биографизм?

И наоборот, А. Колесников в рецензии на издание писем матери И.С. Тургенева («Твой друг и мать Варвара Тургенева»: Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838-1844), Тула, 2012, 584 с.), как нам кажется, верно подметил: «Именной указатель книги 30 страниц, в нём примерно 1800 имён. Вот Школа!

Бесконечное мелькание лиц – эпизодично или подробно потом встанут они на страницах романов, повестей и драм. Встаёт и уклад жизни, имеющий самостоятельное историко-культурное значение. Ясно, как страшный русский быт становился грандиозной прозой, какое образное значение приобретал он у творцов. Понимая, кто пишет и кому, даже к бытовым деталям писем – а они в основе таковы – возникает наше невероятное внимание. Бесчисленные подробности ткнут художественную реальность. На них вырастает словесность. «... из деревни что можно писать интересного?» – спрашивает она (Варвара Петровна. – Г.К.). Оказывается, всё содержательно, или почти всё» [21, с. 14]. О матери великого писателя и ее характере директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Елена Левина справедливо заметила: «Она была сложной, противоречивой натурой, но умным и ярким человеком. По мнению ряда литературоведов, она стала прототипом не только хозяйки Герасима, но и жестокой помещицы Глафиры Ивановны Гагиной в романе «Два поколения». Да и жена Лаврецкого в «Дворянском гнезде», судя по всему, названа в ее честь. При этом художественный язык писателя несет в себе воздействие, своеобразие ментального и речевого строя Варвары Петровны. К примеру, ее мысли, замечания, эпистолярная фразеология нашли отражение в рассказах и очерках «Записок охотника». Вообще в Спасском Тургенев многое почувствовал – и горечь, и радость. Он говорил, что лучшие годы он провел здесь» [24, с. 5]. Та же Е. Левина отмечает черты биографизма в творчестве И.С. Тургенева: «На самом деле многие его произведения – родом отсюда: «Фауст», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Новь». Даже находясь далеко от Спасского, Тургенев мысленно возвращался в родные места, вспоминал детство, юность, людей, которые ему были дороги, и тех, к кому сложно относился...» [Там же].

Показательны свидетельства воспоминаний Е.В. Панаевой-Дягилевой о Тургеневе в Париже: «Он особенно настаивал на том, что природа лишила его всякого воображения, что он никогда не был способен сочинить что-нибудь, что всех лиц, им описанных, он знал лично... «Вот Базаров, например...» – и он рассказал встречу с молодым человеком, послужившим ему образцом для Базарова. Он познакомился с ним в вагоне, едучи из Москвы в Петербург, и всю дорогу пробеседовал с ним, увлеченный его умом и крайне заинтересованный новым типом, только что появившимся в нашем быту. Приехавши в Петербург и прощаясь со своим спутником, Иван Сергеевич осведомился об его имени и адресе.

– А на что Вам? – был ответ.

– Желал бы продолжить приятно начатое знакомство.

– А я так совсем этого не желаю.

Иван Сергеевич, предполагая, что молодой человек не знает, с кем имеет дело, назвал себя: «Я Тургенев». – «Знаю, что же из этого?» – отрезал нигилист и удалился, вероятно, торжествуя (это уже мое замечание), что удалось ошеломить «великого человека».

О том, что он тем не менее не терял из виду своего спутника и перевоплотил его в Базарова только тогда, когда узнал об его смерти, – Тургенев прибавил в конце рассказа как-то неопределенно и нехотя» [29, с. 122].

Аналогично выразил свою мысль и критик В. Бондаренко, только относительно не ментальности и быта, а именно «героя своего времени»: «...почему же все и сегодня боятся сказать, что многое в своём герое Лермонтов брал из себя. В этом откровенно не раз признавался поначалу и сам Михаил Юрьевич. Это впечатление выразил тот же Виссарион Белинский: «Печорин – это он сам как есть». Как-то, даря свой роман княгине Одоевской, будучи у неё в гостях, Михаил Лермонтов на заглавном листе романа после печатных слов «Герой нашего времени» добавил запятую и дописал: «упадает к стопам её прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать».

Он как бы приравнял себя к «герою нашего времени». Конечно, это не слепок с автора, скорее, он высмеивает ту одержимость злом, красотой зла, которая присутствует в Печорине. Но ведь и сам Михаил Лермонтов всю жизнь боролся в себе самом с тем же любованием красотой зла. Печорин – это издевательская карикатура автора на самого себя» [4, с.15]. Однако это тоже автобиографизм!

В работах по литературной ономастике следует прислушаться и к словам Романа Якобсона: «Нельзя, естественно, впасть ни в вульгарный биографизм, рассматривающий литературное произведение как воспроизведение ситуации, из которой оно возникло, и выводящее из текста произведения то или иное событие, ни в вульгарный автобиографизм, догматически отрицающий любую связь между литературным произведением и жизненной ситуацией» [38, с. 146].

Правда, выдающийся славист, как нам кажется, дав точные дефиниции, все же подобрал в качестве антонимов неудачную пару терминов. Между биографизмом и автобиографизмом нет китайской стены. Их содержание взаимопроницаемо и за счет этого взаимообогащается. Биографизм, на наш взгляд, во многом совпадает по содержанию с хронотопом писателя. Это та информация, которая независимо от воли автора внедряется в его память, но это память жизни общества эпохи автора. В эту память автор вбирает все, что его хоть как то заинтересовало. Память автора индивидуальна и выборочна, поэтому, когда ее запасы переплавляются в художественные произведения, выбирается не все, а только то, без чего не сложится ткань произведения. Причем автор считает эту память только своей, поэтому факты и их трактовка могут варьироваться вплоть до фантастики. А вот автобиографизм – это уже только то, что случается только с автором или с его сознанием. Вот поэт Юрий Энтин рассказал, как ему в голову пришло название Чунга-Чанга. Он никак не мог придумать текст и имя. И вдруг, на улице: «Иду, поднимаю глаза и вижу огромную афишу, на которой большими буквами написано: «Балет на льду. Балетмейстер Е. Чанга». Тут мне в голову и пришло название Чунга-Чанга [30, с. 19].

А.Т. Твардовский говорил в письме поэту В.Н. Орлову (13 янв. 1961 г.) о важности такого элемента художественного произведения, как автобиографизм, впрочем, с той позиции, что читатель вряд ли догадывается об этом элементе, упакованном в сугубо индивидуальном образе: «Я смотрел, отдаляясь, на вьюжный восток» (нужно знать биографический момент, а то опять же не добраться ни до какого смысла)» [35, т.6, с.159].

А вот к каким размышлениям по поводу автобиографизма пришел А.Т. Твардовский, рецензируя повесть Е. Марьенкова «Записки краскома»: «Бывает, что автобиографическая основа произведения обнаруживает его идейно-художественный диапазон, сводит повествование к частному случаю или цепочке таких случаев, к «послужному списку» данной судьбы, преподнесенному в облегченной для восприятия форме. Но и тогда это хотя бы частное свидетельство привлекает нас – в ряду многих других свидетельств о жизни, ушедшей в прошлое, об исторических событиях, к которым мы не можем быть безразличны. Отсюда, например, все возрастающий читательский интерес к мемуарной литературе.

Но если писатель окидывает этапы своей биографии подлинно художническим оком, распознавая и выявляя в них моменты главные, знаменательные не только с точки зрения личной судьбы, – вовсе, однако, не монтируя факты в желательном для него порядке, а тем более не выдумывая их, но оставляя их как бы в натуральном и даже «случайном» сцеплении, – тогда автобиографическая основа выступает в значительном преимуществе перед иными, пусть самыми искусными построениями «чистой художественности» [35, т.5, с.152]. Удивительно, но лучше об этом и не скажешь!

Так что же составляет автобиографизм автора в его творчестве? Да практически всё: все тексты автора порождены его жизнью, его начитанностью, его наблюдательностью.

Интересны мысли, которые высказал С.Д. Довлатов по поводу связи биографии и творчества Ф. Кафки: «Разумеется, Кафка не выдумал для себя такую скромную биографию, но

если бы она была иной, то и Кафка был бы совершенно другим явлением – ведь писатель и его биография нерасторжимы. Отсутствие внешних потрясений в личной жизни Франца Кафки с избытком возмещается неослабевающим напряжением «приключений» внутренних» [14, с. 153].

Крайне важна в литературной ономастике и работа с писательской перепиской. Здесь открываются возможности документировать ономастические факты [28, с. 241-245].

Т.П. Акимова просчитала повторяющиеся имена у ряда отечественных авторов и пришла к выводу: «ПИ имеют разную частотность в эпистолярной анализируемых авторов. Так, в письмах А.С. Пушкина отмечено 60 прецедентных имен, у В.П. Астафьева – 57, у А.П. Чехова – 47, у Л.Н. Толстого – 26, у М. Горького – 18, у М.А. Шолохова – 8. Как видим, в письмах А.С. Пушкина, А.П. Чехова и В.П. Астафьева прецедентные онимы употребляются более активно, чем у остальных писателей. Предполагаем, что частотность ПИ представляет собой одну из характеристик эпистолярного идиостиля автора» [1, с.16].

Кажется, можно найти общие направления у автобиографизма и хронотопичности. Прав был А.Ф. Одоевский, когда в своих «Психологических заметках» отмечал взаимосвязанность эпохи и социума: «Напыщенный XVII век любил идиллическую поэзию, нежных пастушков и пастушек. Век грубого терроризма гонялся за придворным утонченным волокитством; наш коммерческий век – век расчета и сомнения – требует в литературе кровавых страстей и фанатизма. «Луcreция Боргиа» на сцене – и газеты, такие, которые наполняются известиями, например, о том, каким образом однажды поутру банкир Ротшильд, завертывая пакет, засунул куда-то сверток ассигнаций, – эти явления отвечают друг другу, они не могли случиться в разные века» [31, с. 398].

Принято считать, что писатели придумывают имена своим героям. Это отчасти действительно так, однако гораздо чаще писатели лишь выбирают фамилию или имя персонажа из того богатого наследия, что составляет национальную и мировую антропонию. Например, А.С. Пушкин 14 ноября 1821 г. написал свою знаменитую «Черную шаль» (в черновиках – «Молдавская песня»). Текст был навеян молдавской народной песней, которую поэт услышал от кишиневской девушки Мариулы, прислуживавшей в «Зеленом трактире» (Известия Отд. русск. яз. и словесности, 1906, кн.4, с.372). Потом имя Мариулы перекочевало в поэму «Цыганы». То же утверждал и Вяч. Иванов: в сборнике 1909 г. «По звездам» он опубликовал статью, посвященную «Цыганам» Пушкина, где предположил, что последняя романтическая поэма воссоздает кишиневские впечатления поэта, в частности звуковую и эмоциональную образность румынских песен, одну из которых он услышал от молдаванки Мариулы, другую – в исполнении дворовых цыган [17, с.143-151].

Нет гарантий, что Ф.М. Достоевский не использовал готовых имен и фамилий, взятых из его будничной жизни и переписки. Если говорить о романе «Идиот», то необходимо напомнить о том, что муж сестры Федора Михайловича – Куманин – владел банком (отсюда деньги перепадали великому писателю), а в банке работали и некий Рогожин, и некая Настасья Филипповна [22, с. 3].

Л.Б. Сукина более подробно изучила связи Ф.М. Достоевского с семейством Куманиных. Куманины были старинным переславским купеческим родом. Нам же важен наиболее известный Куманин Алексей Алексеевич: «В Москве он стал купцом первой гильдии, коммерции, дворянином, бургомистром Московского магистрата (1792-1795) и московским городским головой (1811-1813) <...> В 1814 году в семью Куманиных вошла старшая сестра матери Федора Михайловича Достоевского, ставшая женой Александра – среднего сына Алексея Алексеевича. Отец писателя М.А. Достоевский был домашним врачом в семьях Куманиных и их близких.

Федор Михайлович Достоевский с раннего детства стал бывать в фамильном доме Куманиных на Ордынке, а позднее описал его в романе «Идиот» как дом купцов Рогожиных, перенеся место действия в Петербург. Родная тётка писателя стала в романе матерью Парфёна Рогожина. Основой сюжета романа послужила история личной жизни племянника Алек-

сея Куманина – Константина Константиновича. Даже имена героев романа Достоевский позаимствовал из окружения куманинской семьи. Управляющим московской конторы Государственного Коммерческого банка был Е.Г. Рогожин, а его жену звали Настасья Филипповна. Чета Рогожиных была вхожа в дом К.А. Куманина, бывшего директора банка» [34, с. 3].

Интересно, что зачастую авторы стараются уйти как бы от историзма в своих произведениях, то есть оставить как можно меньше исторических, читай – автобиографических помет. Так воспринимается, например, роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Автор постарался изъять из текста ряд исторических подробностей, которые оказались излишними для содержания романа и концепции автора. Поэтому в черновых вариантах мы находим, видимо, актуальные споры:

...о Манюэле,
О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини.

А это французский политик Жан-Антуан Манюэль (1775-1827), франко-швейцарский генерал на русской службе Генрих Жомини (1779-1889) и, конечно же, известный французский поэт Эварист Дезире де Форж Парни (1753-1814). Однако в окончательном виде сохранилась лишь фраза, которая характеризовала Онегина как человека светского, способного «Хранить молчанье в важном споре».

Или ушедшие из окончательного текста романа строки, которые обнаруживались в черновике:

О, страх! О горькое мгновенье
О ... когда твой сын
Упал в сражении, и ты один.
Забыл ты Славу и сраженье. (т.VI, с.412).

Долгое время эти стихи так и печатали с пропуском. Юрий Тынянов поставил на месте пропуска фамилию Строганов: «Отец и сын, вместе сражающиеся. И горькое мгновенье, которое поразило поэта. О ком, о чем эти стихи? Быть может, это о древних героях, о богатырях? И чужая слава, другой богатырь враждебный? Нет, эти стихи были слишком живы, в них чувствовалась близость временная или пространственная к поэту. Отец и сын были где-то близко.

И, изучая богатырей других – богатырей двенадцатого года, я, наконец, с полной ясностью обнаружил имя, еще пропускавшееся во всех изданиях. Я писал тогда о лицейских годах Пушкина. Имя, которое еще не было разгадано, – это было непрочтенное имя Строганова» (Ю. Тынянов. «Гражданин Очер»).

Действительно, в битве при Краоне был убит 19-летний Александр Строганов (ему ядром оторвало голову), сын генерал-адъютанта графа П.А. Строганова

Пушкин хорошо знал семейство Строгановых. Эти его строки говорили о трагедии П.А. Строганова, который в 1814 г. после известия о гибели сына сложил с себя командование дивизией, а через 3 года скончался. А вся «Слава» в этом сражении досталась графу М.С. Воронцову, которого Пушкин по известным причинам не терпел.

Павел Басинский на вопрос корреспондента «Литературной газеты»: «А как часто в текстах Толстого встречается его супруга?» – ответил значительно шире: «Ее нигде нет, если не считать финала "Войны и мира", где Наташа Ростова превращается в этакую Софью Андреевну, многодетную мать. Вообще, роман весь состоит из толстовской родни: Николай Ростов списан с отца Льва Николаевича, Марья Болконская – с матери, старый князь Болконский – вылитый дед Толстого, в Анатоле Курагина узнается дальний родственник автора... Но Пьер Безухов – безусловно, выдуманный персонаж» (Лит. газ., 2019, №14, с.8).

А вот, что писал П. Басинский о взаимоотношениях Л.Н. Толстого и героев его произведений: «Лев Николаевич не мог писать, отстранившись от своего героя. Так он был устро-

ен. Его герои – это всегда немножко сам Толстой. Пишет «Войну и мир» – становится Пьером и Андреем, взялся за «Анну Каренину» – и сам становится Анной» [2, с.14].

Сам Л.Н. Толстой признавался: «В молодости я вел очень дурную жизнь, а два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня... Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни до моей женитьбы, – на это есть намек в моем рассказе «Дьявол». Второе – это преступление, которое я совершил с горничной Гашей, жившей в доме моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнил, ее прогнали, и она погибла», – как Катюша Маслова в «Воскресении» [6, т.9, с.108-109].

В.А. Гиляровский в беседе с краеведом казачества Иваном Ивановичем (фамилию его он забыл) выяснил: «У Л.Н. Толстого в «Казаках» есть Ерошка. На самом деле это был удалец, герой, старый казак Епифан Сехин, но его из почтения звали дядя Епишка.

Когда его племянник, сын его брата Михаила, Димитрий Сехин, войсковой старшина, был в гостях в Ясной Поляне и назвал Льва Николаевича графом, – тот обиделся. Тогда Сехин стал звать его «Лев Николаевич».

«Нет, вы меня попроще, по-гребенскому. Как бы меня, старика, там вы звали?»

«Как самого почтенного человека – дядя Левка».

«Ну, вот и хорошо, дядя Левка и зовите» [11, т.3, с. 43].

Литературный критик А.М. Скабичевский о писателе Г.И. Успенском вспоминал: «Так, однажды, когда все находились в летнем разъезде, он пригласил на свои именины меня и нашего метранпажа Чижова. Он проживал в то лето с семьей не на своей дачке, которая ремонтировалась, а верстах в семи от нее, в усадьбе своего знакомого помещика К-ского. Усадьба была расположена в глухом лесу и, за отсутствием хозяев, управлялась одной крестьянской семьей. Эта крестьянская семья была предметом наблюдений Успенского в продолжение всего того лета (1881 год), и наблюдения эти привели Успенского к весьма важным результатам. Они до такой степени овладели им, что и по дороге в Чудово, и дома, и в именины, и после них Успенский только и говорил, что о них. И вот в результате этих наблюдений и появился в «Отечественных Записках» в скором времени его рассказ «Власть земли». Когда я принялся читать его, я был удивлен, найдя в нем слово в слово все, что говорил Успенский мне и Чижову» [33, с. 305].

Фамилия и отчество Захара Васильевича Астахова из повести «Ямская слобода» полностью совпадают с фамилией и отчеством хозяина Сергея Васильевича Астахова, у которого семья писателя долго снимала комнатку [23, с.28]. Эта фамилия возвращает нас из XVIII века в век XX и говорит нам об элементе автобиографизма в данном произведении А. Платонова.

И еще мы встречаемся с явным элементом автобиографизма у А.Платонова. Автор с неприязнью рисует вечно мрачного Спиридона Матвеича Сухорукова. Ему принадлежал колодец, из которого бадьями вычерпывалась вода и сливалась в большой чан. В свое время О.Н. Ласунский справедливо обратил внимание на отчество Матвеич, которое, может быть, связано с именем Матвея Ильича Еремина, собственностью которого была водочка в реальной жизни Андрея Климентова [23, с.29].

Подведем итог словами писателя Евгения Водолазкина из его интервью газете «Культура»: «У любого автора главный источник – он сам. <...> Думаю, что значительную часть чувств, событий, описаний каждый автор берет из своей жизни, но все это помещается в другие обстоятельства. Представьте, мы говорим что-то на кухне, а потом вставляем это в пьесу. Те же слова – но во мраке зрительного зала их слушают нарядные люди, пришедшие в театр» [Водолазкин 2018, с. 9].

Исходя из нашего опыта, работая в рамках Воронежской ономастической школы, мы и мои коллеги используем, как один из принципов (по В.С. Листову) принцип поиска следов «автобиографически направленного воображения» в ономастическом наследии творчества русских писателей.

Библиографический список

1. Акимова Т.П. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности (на материале писем русских писателей XIX-XX вв.) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языко-знание. 2015. № 3 (27), с.15-25.
2. Басинский П. «Если воплощать все, что придумал Толстой, утвердится анархия» // Культура. 2016. №36. С. 14.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. Бондаренко В. Звёздный мальчик // Литературная газета. 2013. №8.
5. Бударагин М. По улице ее который год // Культура. 2016. №45.
6. Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собр. соч. в 9 т. М., 1967, т.9, с.108-109.
7. Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи (На материале русской литературы). М., 1958.
8. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
9. Водолазкин Е. Интервью в газете «Культура» в связи с выходом романа «Брисбен» // Культура, 2018, №45.
10. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. Мудрость Пушкина. М., 2016.
11. Гиляровский В.А. Собр. соч. в 4 т. М., 1997. Т. 3. С. 43
12. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель (Ленингр. отд.), 1979.
13. Гончарова Н. О так называемых «Дневниковых записях» Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 2011. №3.
14. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. СПб., Азбука-Аттикус, 2016. С. 153
15. Есин С. Дневник. 1998 год. // Нижний Новгород, 2000, №3, с. 24.
16. Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). Москва – Torino, 1996.
17. Иванов В.В. О «Цыганах» Пушкина // Иванов В.В. По звездам. СПб.: «ОРЫ», 1909.
18. И.А. Гончаров – критик / Вступ. статья и коммент. Е. Краснощековой. – М., 1981, с. 193.
19. Катаев В.П. Трава забвения. М., 1999.
20. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр.центр «Научная книга», 2014. 447 с.
21. Колесников А. Любовь и деньги Варвары Петровны Тургеневой // Литературная газета. 2013. №4.
22. Кувалдин Ю. Книжная лавка в «Ахматовском центре» // Литературная газета. 1996, №44.
23. Ласунский О.Г. Житель родного языка. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899-1926. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007.
24. Левина Е. «Дворянские гнезда китча не выносят» // Культура. 2017. 27. С. 5
25. Листов В. Пушкин: жизнь в воображении // Пушкинский сборник / Сост. И. Лощилов, И. Сурат. М.: «Три квадрата», 2005.
26. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта пр материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
27. Медриш Д.Н. Художественное время как стилистическая категория // Сюжет и композиция в изучении и преподавании художественной литературы: Тез. докл. 8 меж-вуз. науч.-метод. конф., май 1965 г. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1965.
28. Михеичева Е.А. Письма как комментарий к роману И.Бунина "Жизнь Арсеньева" // Метафизика И.А. Бунина. Воронеж, 2008.
29. Мурыгин – Воспоминания Е.В.Панаевой-Дягилевой о Тургеневе (Публикация Г.И.Мурыгина) // Русская литература. 1972. №4.

30. Оберемко В. «До сих пор летать охота» // Аргументы и факты, 2021, №29, с. 19
31. Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006.
32. Рейтблат А.И. Биография и литературоведение // Новое литературное обозрение, 2009, №95.
33. Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 1928.
34. Сукина Л.Б. Писатель Достоевский и купцы Куманины // «Коммунар», Переславль-Залесский, 1990, 1 дек.
35. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6 т. М., «Худ. лит.», 1976-1983.
36. Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. СПб., 2001.
37. Флоренский П.А. Имена.М.-Харьков, 1998.
38. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Ковалев Геннадий Филиппович,

доктор филологических наук, профессор;

независимый исследователь;

SPIN-код: 2855-2430;

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Kovalev Gennady Filippovich,

Doctor of Philology, Professor; independent researcher;

SPIN-code: 2855-2430;

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

УДК 81'373.231 + 316.77

Н.В. Васильева
Институт языкознания РАН
(Москва, Российская Федерация)
e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru

ОНОМАСТИКА И АВТОЭТНОГРАФИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В статье рассматривается взаимодействие ономастики и автоэтнографии – относительно нового направления в социологических и антропологических исследованиях. Автоэтнографический подход характеризуется совпадением в одном лице исследователя и исследуемого. Такой подход представляется перспективным для социоономастики при рассмотрении проблемы ономастической идентичности. Его применение и результаты продемонстрированы в статье на примере текстов, отражающих ономастическую рефлексию четырех разных авторов, возникающую в различных коммуникативных ситуациях и средах.

Ключевые слова: социоономастика, ономастическая идентичность, ономастическая автобиография, автоэтнография, автоэтнографическая ономастика.

N.V. Vasilyeva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru

ONOMASTICS AND AUTOETHNOGRAPHY: POINTS OF CONTACT

The article examines the interaction of onomastics and autoethnography, a relatively new trend in sociological and anthropological research. The autoethnographic approach is characterized by the coincidence of the researcher and the subject in one person. This approach seems promising for socionomastics when considering the problem of onomastic identity. Its application and results are demonstrated in the article using the example of texts reflecting the onomastic reflection of four different authors that arise in various communicative situations and environments.

Keywords: socio-onomastics, onomastic identity, onomastic autobiography, autoethnography, autoethnographic onomastics.

– Называй меня любым именем, – сказал Чапаев.
– Хоть Чапаевым.
(Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота)

Ономастика представляет собой дисциплину, открытую для междисциплинарных контактов. Хорошо известно плодотворное содействие географических наук и ономастики, литературоведения и ономастики, истории и краеведения и ономастики. Взаимодействие ономастики и социальных наук сформировало внутри дисциплины особое направление – социоономастику. Именно социоономастика ближе всех ономастических направлений связана с проблемой идентификации и самоидентификации человека в обществе, с проблемой формирования **ономастической идентичности**. Не возникает сомнений в том, что ономастическая идентичность носит динамический характер и определяется совокупностью языковых и социокультурных параметров, ср. [4; с.113-114]. Немаловажным является и **аксиологический** параметр номинации, привносимый различными точками зрения участников социальной коммуникации. Обсуждая тему «имя и идентичность», Э. Альдрин резонно замечает, что «создатель, носитель и пользователь имени могут придерживаться различных взглядов на

идентичность, связанную с тем или иным именем» [9; с. 383], подробнее см. [5; с. 210]. Таким образом, собственное имя, проходя вместе с человеком «между разными мирами и пространствами» [1; с.326], являет свою множественность и вариативность. И лучше всего это отследить может сам носитель имени, раскрыв свою личную ономастическую историю. Исследуя данную тему, я обратилась к такому жанру, как **ономастическая автобиография** [2]. Настоящая статья продолжает сделанные в предыдущей работе наблюдения. Ниже я остановлюсь на проблеме ономастической идентичности в рамках относительно нового направления в социологических и антропологических исследованиях, которое называется **автоэтнография**.

Автоэтнография в настоящее время имеет различные определения – от метода социального исследования, для которого характерна связь личного опыта этнографа с социальными, культурными и политическими концепциями, до методик качественного исследования рынка, когда потребитель и исследователь существуют в одном лице. Совпадение исследуемого сознания и сознания исследователя составляет ту особенность подхода, которая представлена компонентом *авто-* в самом термине *автоэтнография*. В обзоре под названием «Как работает автоэтнография?» социолог Д. Рогозин, выделяя главные параметры этого подхода, пишет: «...автоэтнография работает как спланированная, хорошо структурированная и соотнесенная с внешним миром исповедь» [8; с. 224].

Рефлексии может подвергаться и имя собственное, и в этом случае автоэтнография в социальном и личностном поле взаимодействует с ономастикой. Я рассмотрю четыре случая такого взаимодействия, обозначив их как 1) «идеальный»; 2) «конфликтный»; 3) «поэтический»; 4) «межкультурный». Кавычки призваны показать, что эти названия условны. Определяющими для всех четырех случаев будут следующие параметры: 1) именованный и рефлектирующий субъект – одно лицо; 2) субъект не является носителем профанного сознания, т.е. в рефлексию включен профессиональный и/или творческий (поэтический) компонент.

1. Идеальным примером такого рода взаимодействия является ономастическая автобиография британского ученого немецкого происхождения Билла Николайсена (1927-2016), филолога широкого профиля, диалектолога и – что самое для нас важное – ономаста. Николайсену принадлежит и сам термин **ономастическая автобиография**, и образец текста/жанра ономастической биографии. Более подробно историю и анализ этого текста и его роль для ономастики см. [2]. Здесь я коротко перечислю главные пункты. Статья профессора Николайсена, опубликованная вскоре после его 70-летнего юбилея и впоследствии переизданная в книге [10], носила название «An Onomastic Autobiography, or, In the Beginning was the Name». Линию своей жизни ученый представил как путь, состоящий из множества ономастических станций. Возможных миров и разнообразных пространств выпало на долю этого человека много. Родился в Германии в 1927 г., учился сначала в Киле, потом в Англии, ученую степень получал в Тюбингене, вторую в Глазго, жил в Шотландии, был лектором в университетах Америки. Отец четверых детей. Очень харизматическая личность. Прожил 88 лет. При рождении он получил имя *Wilhelm Fritz Hermann*, но в зрелые годы, живя в Великобритании, для всей интернациональной научной и ненаучной публики он был *Bill*. Данное при рождении имя, которое сам носитель называл своим *ономастическим триплетом* (onomastic triplet), сохранилось в виде инициалов *W. F. H.* на страницах научных трудов. Ономастическая автобиография Билла Николайсена это путешествие длиной в жизнь, начиная с метрики, полученной при рождении. Отмечу, что впервые в отечественной филологии на это сочинение Николайсена обратил внимание С.И. Гарагуля [4], занимаясь личным именем в аспекте идентичности на материале английского языка. Приведу те **аллонимы** (allonyms), которые Николайсен перечисляет в завершающей части статьи [10; с. 16]:

Bill, Bill Nicolaisen, Uncle Bill, Willi, der kleine Willi, Onkel Willi, Willi Nicolaisen, Wilhelm, Wilhelm Nicolaisen, W.F.H. Nicolaisen, Nicolaisen, Nico, Nicola, Guardian, Dr. Nicolaisen, Willie Nick, Professor Nicolaisen, Professor, Dad, Daddy, Opa, а также, согласно метрике о рождении, *Wilhelm Fritz Hermann Nicolaisen*.

В этом списке основными номинациями, которые можно назвать **антропонимическими маркерами** соотнесенности с жизненными периодами и пространствами, будут следующие: детство, семья, школа – *Willi*; окончание школы, начало работы, а потом учебы в Германии – *Wilhelm*; учеба в Англии, среда студентов и преподавателей – *Billy* (гипокористика от англ. *William*, что соответствует нем. *Wilhelm*); жизнь и работа в Великобритании и других англоязычных странах (известность в международном сообществе) – *Bill*. Как пишет Николайсен, даже для немецких коллег, которые знакомились с ним после 1951 года, он был исключительно Биллом [Nicolaisen 2011: 13]. При этом для научных публикаций всегда оставалась форма *W. F. H. Nicolaisen*.

Какие частные и общие выводы можно сделать, рассмотрев образец текста ономастической автобиографии? Бесспорно то, что ономастическая идентичность определяется совокупностью языковых и социокультурных параметров. Много- и разноименность (полионимия) являет собой культурную норму, необходимое условие достижения личностью социального баланса.

Ономастическая идентификация и самоидентификация несимметричны и могут быть для личности конфликтны. Счастье Билла Николайзена в том, что у него никогда не было внутреннего психологического конфликта с номинациями себя Другим. Ономастическая автобиография Билла Николайсена может быть рассмотрена как первый шаг ономастики в направлении автоэтнографии, которая в принципе больше внимание уделяет категории конфликта; в ономастическом ее изводе это будет конфликт ономастической идентификации и самоидентификации.

2. «Конфликтным» можно назвать результат взаимодействия ономастики и автоэтнографии для исследователя так называемых «трудных» имен, т.е. имен, выпадающих из привычного ряда либо из-за особой длины, либо из-за особенностей фонетики. Если носителем такого имени является социальный антрополог или этнолог, который желает именно в «правильной» форме слышать от других и воспринимать свое «трудное» имя, то из сочетания таких условий возникает научный труд. Весьма колоритный пример являет собой научное творчество Сары Л. Уилер, двуязычного этнолога из Уэльса. Ее имя *Sara* для носителей английского языка является «трудным», поскольку, в отличие от англ. *Sarah*, валлийское имя *Sara* содержит два кратких “А” и раскатистое “R”. Уилер даже включила указание на этот факт в название своей статьи [11]. Попытки убедить англоязычных коммуникантов произносить имя «правильно» ни к чему позитивному исследовательницу не приводили. Именно Сара Уилер предложила термин **автоэтнографическая ономастика**. Подробнейшим образом в двух статьях она описывает собственные ощущения, возникающие в борьбе за имя, и показывает, насколько травматичным является для человека «неправильное» произнесение его личного имени Другим. Таким образом, автоэтнографическую ономастику в исполнении Сары Уилер, а это ключевое словосочетание ее второй статьи [12], характеризует иной, чем у ономастической автобиографии Билла Николайсена, генезис: не здоровое любопытство, усиленное научным знанием, а ономастическая травма, онимический абьюз и – как следствие – желание обо всем профессионально рассказать, поместив в рамку автоэтнографического нарратива.

3. Для примера «поэтического» взаимодействия обращусь к М.И. Цветаевой. Точнее, к Г.Ф. Ковалеву, внимательно исследовавшему восприятие имени поэтическим гением и собравшему настоящую антологию мыслей М. Цветаевой, посвященных имени [6; с. 146-174]. Далее я буду опираться на эту главу («Цветаева и имя») из книги Г.Ф. Ковалева и выберу из всего блистательного собрания те ценнейшие заметки, которые покажут, как чутко реагирует сознание Поэта на свое имя, произносимое Другим. Говоря прозаическим языком, речь пойдет об антропонимической формуле. Марина Цветаева, как пишет Г.Ф. Ковалев, осознавала мифологичность своего имени, которое было редким в ее поколении. Она любила свое имя и

ее коробило, «когда далекие ей люди называли ее фамильярно Мариной, будто не было у нее отчества. Мариной была она для мужа, дочери, очень близких друзей, кто знал ее в Москве в годы юности» [6; с. 148]. Вот еще характерная цитата, приводимая в тексте: «Имя (без отчества), на которое я прежде была так щедра, – имя ведь тоже затрепывается <...>» [6; с. 150]. Однако приведенные мысли характеризуют отношение к имени в бытовой коммуникации. Обращение к Поэту должно быть другим. Цитирую дальше: «Как и А.А. Ахматова, М. Цветаева считала обращение по имени-отчеству как бы отчуждением или восприятием ее не как поэта. Вот как она отбрила любимого ею А.С. Штейгера: “Первое (и единственное) разочарование – как Вы могли называть меня по имени-отчеству – как все (нелюбимые и многоуважающие). Ведь мое имя *было* из каждой строчки, и если я, написав мысленно – зовите меня М<ариной> – этого не написала письменно – то только из нежелания явности (грубости), как часто – не забудьте – буду умалчивать – *вопиюще*. <...> Я знала, что Вы напишете – М<арина>” (Цветаева, т. 7, с. 565» [6; с. 149-150]. Сложность баланса внутри одного сознания, не прекращающегося быть сознанием Поэта и в бытовой жизни, но одновременно чувствующего зыбкую грань перехода, – вот что прочитывается из отношения Цветаевой к формуле ее имени, вложенной в уста Другого. Собранная Г.Ф. Ковалевым коллекция цветаевских мыслей об имени представляет собой ценное свидетельство того, как воспринимает имя Поэт, как устроено его поэтическое мышление и – в том числе – как оно «работает» с ономастической идентичностью.

4. «Межкультурное» взаимодействие покажу далее на художественном тексте [7]. Его особенность для привлечения здесь в качестве примера состоит в следующем. Автор романа, молодая писательница, переводчица и актриса Полина Панасенко (1989 г.р.), написала сначала на французском, а потом перевела на русский роман-автофикшен, названный критиками «непослушным, ностальгическим и трогательным». Героиня романа, которая выступает под своим собственным именем *Полина*, в 1990-е годы совсем ребенком переехала с родителями во Францию. Главная коллизия романа, бросающая отсвет на все действия и размышления, заключается в том, что, достигнув совершеннолетия, героиня хочет сохранить в документах форму имени *Полина* (Polina), а не предлагаемую французскими бюрократическими инстанциями и, как оказалось, обязательную при «натурализации» форму *Полин* (Pauline). Автоэтнографическим «наблюдателем» в данном случае является писательское сознание, способное точно и филологически тонко «ухватить» экзистенциальные ощущения от двуязычного бытия, рождающиеся сначала у ребенка, а потом у взрослого человека, и выразить их словами. Ср.: «Русский – внутри. Французский – снаружи. Ничего сложного. Когда выходишь на улицу, надеваешь свой французский. Когда приходишь домой – его снимаешь» [7; с. 126]; «Теперь я официально Полина внутри, Полин снаружи» [7; с. 172] Непрерывающаяся борьба героини за свое русское имя оказывается не только и не столько борьбой за ономастическую идентичность, за «одну букву», как считали ее друзья, но борьбой за собственное «я», за утверждение человеческого достоинства и свободы.

Подведем итог. Представленную здесь эскизно автоэтнографическую ономастику можно рассматривать как одно из возможных направлений ономастических исследований, которые проводятся в приграничном научном пространстве (фронтире, см. [3]) с использованием методов и техник, не всегда осознаваемых как специализированные. Материал для таких исследований пока штучный. Но поскольку интроспекция не перестает быть одним из главных приемов анализа в гуманитарных науках, представляется возможным в дальнейшем получать отражающий рефлексивный материал, например, с помощью психолингвистических экспериментов, и тем самым развивать междисциплинарность и более глубокое, «трансферное», взаимодействия концептуальных полей лингвистической ономастики и ее старых и новых соседей.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Васильева Н.В. Человек в разных мирах и пространствах: ономастическая автобиография как антропограмма // Логический анализ языка. Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: «Канцлер», 2024. С. 28-36.
3. Васильева Н.В., Гордова Ю.Ю. Коммуникация на границах наук: терминологические фронтиры в ономастических исследованиях [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. № 3. С. 48-59.
4. Гарагуля С.И. Имя личное как знак идентичности индивида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 108-114.
5. Горяев С.О., Спиридонов Д.В. Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд из Оксфорда. Рец. на кн.: The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. 771 p. // Вопросы ономастики. 2016 Т. 13 № 2 С. 190–218.
6. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
7. Панасенко П. Язык за зубами: роман [пер. с фр. П. Панасенко]. М.: Лайвбук, 2025. 224 с.
8. Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. № 1 (14). С. 224-273.
9. Aldrin E. Names and Identity // The Oxford Handbook of Names and Naming /Edited by Carole Hough. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 382-394.
10. Nicolaisen W.F.H. An Onomastic Autobiography, or, In the Beginning Was the Name // In the Beginning was the Name. Selected Essays by Professor W.F.H. Nicolaisen. [n. p.]: Scottish Place-Name Society, 2011. P. 1-17.
11. Wheeler S.L. Two Short “As” and a Rolling “R”: Autoethnographic Reflections on a “Difficult” Names // SAGE Open, July 2016.
12. Wheeler S.L. Autoethnographic Onomastics: Transdisciplinary scholarship of personal names and ‘our-stories’ // Methodological Innovations. 11 (1). 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Васильева Наталия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор;
главный научный сотрудник отдела при-
кладной лингвистики;
Институт языкознания РАН;

SPIN-код: 9462-8760;
e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru

Vasilyeva Natalia Vladimirovna,
Doctor of Philology, Professor;
Chief Researcher of the Department of Applied
Linguistics;
Institute of Linguistics of the Russian Academy
of Sciences;
SPIN-code: 9462-8760;
e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru

УДК 81'373

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

(Волгоград, Российская Федерация)

e-mail: suprun@vspu.ru

ТРИ ФОРМЫ ИМЕНИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Русская антропонимическая система претерпела полную замену набора личных имён после Крещения Руси: вместо славянских имён в антропонимикон вошли заимствованные единицы греко-латинского, древнееврейского и иного происхождения. Однако древнерусская тенденция создания кратких форм имени путём членения композитных антропонимов по морфемному шву нашла продолжение в создании гипокористических форм на основе фонетического членения полного имени. При этом закон эстетико-эмоционального расширения речи отразился в создании уменьшительно-ласкательных дериватов. В результате русское личное время стало использоваться в трёх формах: полной, официальной, отмеченной в документах; гипокористический, краткой, вычлененной из полного имени и отражающей закон экономии речевых усилий; суффиксальной, в основном с деминутивно-мелиоративной коннотацией, в которой проявляется закон эстетико-эмоционального расширения речи. Национальный корпус русского языка позволяет проследить частотность каждой из форм, их гендерные и темпоральные характеристики.

Ключевые слова: антропоним, личное имя, закон экономии речевых усилий, закон (тенденция) эмоционального расширения речи, гипокористика, деминутив, мелиоратив, Национальный корпус русского языка.

V.I. Suprun

Volgograd State Socio-Pedagogical University

(Volgograd, Russian Federation)

e-mail: suprun@vspu.ru

THREE FORMS OF NAMES IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The Russian anthroponymic system underwent a complete replacement of the set of personal names after the Baptism of Rus: instead of Slavic names, the anthroponymicon included borrowed units of Greek-Latin, Hebrew and other origin. However, the Old Russian tendency to create short forms of the name by dividing composite anthroponyms by morphemic seam was continued in the creation of hypocoristic forms based on the phonetic division of the full name. At the same time, the law of aesthetic and emotional expansion of speech was reflected in the creation of diminutive derivatives. As a result, the Russian personal tense began to be used in three forms: full, official, marked in documents; hypocoristic, short, isolated from the full name and reflecting the law of economy of speech efforts; suffixal, mainly with a deminutive-meliorative connotation, which manifests the law of aesthetic and emotional expansion of speech. The national corpus of the Russian language allows us to trace the frequency of each of the forms, their gender and temporal characteristics.

Keywords: anthroponym, personal name, law of economy of speech efforts, law (tendency) of emotional expansion of speech, hypocoristics, deminutiv, meliorative, National corpus of the Russian language.

Наличие в языках имён собственных является языковой универсалией, поскольку «под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства» [13, с. 10]. Нет ни одной лингвокультуры в мире, в которой не было бы онимов, прежде всего антропонимов и топонимов. У всех народов отмечается стремление преобразовать антропоним в ходе коммуникации, внести в него экспрессивно-эмотивные коннотации, показать с помощью различных языковых средств отношение адресанта к адресату, однако это можно считать скорее внеязыковой, поведенческой универсалией.

ей, поскольку реализация этой тенденции проявляется в разных языках специфическими языковыми средствами. Это явление отражается, прежде всего, во внутрисемейной коммуникации, когда старшие члены семьи стремятся выразить в форме имени своё отношение к младшим. Строй языка обуславливает выбор средств для выражения этого отношения. Так, в китайской лингвокультуре используются редупликация, слова (морфемы) со значением ‘младший’, ‘ребёнок’, иероглифические замены: полное имя 金玲 Цзиньлин – домашние формы имени 玲玲 Линлин, 小玲 Сяолин (小 [xiǎo] ‘маленький’), 玲子 Линцзы (子 [zǐ] ‘ребёнок’); полное имя с конечным иероглифом 实 [shí] ‘честный’ в домашней форме используется в виде иероглифа 石 ‘камень’ [11, с. 76].

Имя человека предназначено не только для номинации субъекта, но и для использования его в вокативной функции. Имя, состоящее из нескольких слогов, неудобно для обращения к адресату, особенно в затруднённых ситуациях коммуникации: при неблагоприятных погодных условиях, в шумном помещении и пр. В таких случаях особенно отчётливо начинает действовать закон экономии речевых усилий. Последовательно закон языковой и речевой экономии в западной лингвистике сформулировал французский лингвист Андре Мартин (1908–1999). Он считал, что главной движущей силой языковых изменений является стремление человека свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность, это стремление он назвал «принципом экономии». «Гермин “экономия” включает всё: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [2, с. 130]. Советский филолог Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938) в статье «Где лежат причины языковой эволюции?» (1931) определил в качестве фактора языкового прогресса стремление к экономии трудовой энергии: «Как это ни странно, но тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: “лень человеческая” или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии» [6, с. 81].

Следует отметить, что экономия языковых средств касается не только экономии речевых усилий говорящего, но и минимизации потерь при расшифровке поступающей информации у слушающего [12, с. 87]. Французский учёный Поль Пасси (1859–1940) противопоставлял «принцип эмфазы», выделения главного в речи [16, с. 228] «закону наименьшего усилия», «принципу экономии»: «Если говорящий в процессе говорения пренебрегает важным элементом речи, то его плохо понимают, и он вынужден начать снова. Отсюда необходимость точно артикулировать всё то, что является важным» [16, с. 122].

Наиболее пригодным для передачи необходимого объёма информации при коммуникации является двусложное слово, состоящее из 4–5 фонем: оно содержит достаточное количество элементов для составления комбинаций, способствующих различению единиц друг от друга, и экономно использует потенциал языка для обеспечения коммуникативных потребностей говорящего / слушающего. Многие слова, которые можно отнести к начальному лексическому фонду славянских языков, состоят из двух слогов: *рука, нога, око, ухо, жена, мжжь, сынъ, сестра, братръ, рѣка, гора, море, небо, лѣсъ, днь, сънь, жити, пити, быти, рѣчи, лѣнь, добръ* и мн. др.

Это стало в славянских языках причиной и стимулом сокращения антропонимов в неофициальном (домашнем) употреблении до двух слогов. Мы не знаем, как сокращались протяжённые, состоящие из одного корня имена типа *Четверуха*, однако в источниках зафиксировано деление композитных имён по морфемному шву с добавлением форманта -а/-я (в других языках и русских диалектах также -о). Многие из этих имён дошли до нас с дополнительной суффиксацией: Путимирь, Путиславъ – *Путя – Путята, Святославъ, Святополкъ – *Свята – Святоша, Жьдиславъ, Жьдимирь – *Жидя – Жидята и др. Это правило было общеславянским, первая фиксация краткого имени, вычлененного из двусоставного, относится к

789 году: князь западнославянского племени велетов (вильцев) Драговит, живущий в крепости Civitas Dragowiti [17, с. 110], записан в летописи как Drogo. Похожее имя было у правящего по соседству в племени ободритов князя Дражко, зафиксированного в тех же анналах в 789 году как Thrasco. Остаётся неизвестным его полное имя (Драгослав, Драгомир, Драговит, Драголюб?), антропоним имеет уменьшительный суффикс -ько с первой палатализацией перед ним. Его отец также имеет сокращённый вариант композитного имени с суффиксацией: Вышан (Вышеслав, Вышемир, Вышелюб?) [18, с. 49]. Похожее имя было у Вышаты, сына новгородского посадника Остромира [7, с. 25–26].

Закон экономии речевых усилий чётко проявил себя в славянской антропонимии: композитные имена делились по морфемному шву, возникали двусложные краткие имена. Однако вскоре произошла антропонимическая революция: после принятия славянами христианства у восточных славян полностью, а у южных и западных – в значительной степени сменился набор бытующих в коммуникации имён. Новые заимствованные антропонимы закрепились в официальном общении в полной форме, которая обычно является многосложной: Александр, Константин, Екатерина, Аполлинария, Антонина и др. В исходном языке многие из них имели сложную структуру: Александр ‘защитник мужей (людей)’, Филипп ‘любитель лошадей’, Иоанн ‘Бог милует’, Елизавета ‘Бог – моя клятва’ и т. п., но в языке-реципиенте они теряли членение, были односоставными.

Однако тенденция к двусложности вокативной формы антропонима сохранилась, но теперь уже невозможно было делить заимствованное имя по морфемному шву. И тогда начал действовать фонетический принцип: из полного имени вычленялись 3 (у имён с начальным гласным – 2) звука, к которым добавлялся всё тот же формант -а/-я. Выбор звуков для кратких форм был относительно произволен, в силу вступали афerezис, апокопа, синкопа, важным было соблюдение эвфонии славянского слога и слова. Так возникла новая славянская гипокористика [5, с. 69]: *Иван – Ваня, Василий – Вася, Николай – Коля, Ольга – Оля, Ирина – Ира, Татьяна – Таня* и мн. др. Происходило упрощение групп согласных: *Константин – Костя, Виктор – Витя* и др. Из некоторых имён (возможно, и из апеллятивов) вычленились суффиксоиды, которые вслед за Н. В. Подольской [Там же] можно назвать нейтральными: *Саша, Гриша, Маша, Даша, Маня, Люся, Тося* и др. Некоторые славянские имена, включённые в святцы благодаря христианским подвигам их носителей, продолжали делиться по морфемному шву: *Людмила – Люда, Мила*; в гипокористической форме имени *Владимир* сохранилось древнерусское звучание корня: *Володя*. В число принятых сообществом гипокористик вошли единицы из лепетного языка, имеющего в период первого года жизни ребёнка хореический размер, поэтому «большинство русских уменьшительных имён имеет размер хорея» [1, с. 52]: *Ляля, Лёля, Тата, Кока, Вова* и др.

Однако не менее важным, чем экономия речевых усилий, для коммуникации является поиск говорящим / слушающим и коллективом (этносом) новых средств речевого воздействия, реализации эмотивного кода и расширения эмотивной валентности единиц, описанный талантливым волгоградским лингвистом Виктором Ивановичем Шаховским (1939–2022), стремление к усилению эмоциональной окраски и желание сделать речь красивой, эстетически яркой [15]. Закон (принцип) эстетико-эмоционального оформления речи, расширения языковых единиц и форм в процессе общения проявляется на всех языковых уровнях. В фонетике он отражен в возникновении некоторых звуков, которые своей необычной артикуляционно-акустической формой способствовали повышению воздействующей функции текста и дискурса [8], привлекали и обостряли своим звучанием внимание слушающего.

Экономические и эстетические законы конкурируют друг с другом, являются противоположностями и, согласно закону гегелевской диалектики, находятся в единстве и борьбе друг с другом, но при этом друг без друга существовать не могут. Homo communicantus стремится использовать как можно меньше ментальных, артикуляционно-акустических и иных физиологических усилий для передачи с помощью языка информации, что в конечном итоге приводит к уменьшению речезыковых средств, но он же желает, чтобы его речь была

эстетически красивой и эмоционально воздействующей, что способствует увеличению единиц языка на всех его уровнях.

В антропонимии это, прежде всего, проявляется в образовании деминутивно-мелиоративных (реже аугментативно-пейоративных) форм имён с помощью разнообразных суффиксов. В русском языке наиболее употребительными являются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-очка/-ечка*, *-онька/-енька*, *-уша/-юша*. Первый из них является универсальным, а следующие два из-за эвфонических запретов обычно не используются после основ на [н'] и [ш] соответственно. Общеславянский ласкательный суффикс *-ка* у восточных славян приобрёл фамильярно-уничижительное значение: *Танька*, *Ванька*, *Машка*, ср. чеш. *Lenka*, *Peťka*, *Jiřka* aj. Суффикс *-ушка/-юшка* является либо ласкательными с ударением на основе (*Тáнюшка*, *Вáнюшка* и пр.), либо представляет собой бисуффиксальную единицу, в которой суффикс *-ка* снижает положительную коннотацию ударного суффикса *-уша/-юша* и переводит дериват в фамильярные формы (*Таню'шка*, *Ваню'шка* и пр.).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) был открыт 29 апреля 2004 года. Позже в нём появились исторический корпус церковнославянских, древнерусских (XI–XIV века) и среднерусских (XV – начало XVIII века) текстов. С 2010 года в составе исторического подкорпуса доступен текстовый корпус берестяных грамот с полной морфологической разметкой. Основной корпус на сегодняшний день содержит 133 тысячи текстов, 389 миллионов словоупотреблений. Весь корпус включает 342 тысяч текстов, 32 миллиона предложений, 364 миллиона словоупотреблений. Но только 1,5 % текстов снабжены морфологической и семантической разметкой со снятой вручную омонимией (так называемый «дезамбигуированный подкорпус» < англ. *disambiguated* ‘с устранённой двусмысленностью’) [3; 4].

Имена собственные вплетаются в текстовую ткань художественного или публицистического произведения, в устную речь говорящего как организующий компонент, они взаимодействуют с другими компонентами текста, демонстрируют свои текстообразующие и изобразительные возможности в пределах широкого и узкого контекстов [11, с. 118]. Поэтому они, как и прочие элементы НКРЯ, включены в корпус. Благодаря материалам НКРЯ мы можем определить частотность того или иного имени и его дериватов.

Таблица 1. Частотность имени *Александр* и его форм в НКРЯ

Имя	Количество текстов	Количество примеров	Первая фиксация
Александр	12 496	50 174	1706
Саня	322	3122	1870
Саша	2700	22 613	1810
Сашура	25	78	1870
Шура	704	4408	1862
Шурик	253	1739	1913
Шурка	203	1898	1860
Санёк	49	234	1923
Санька	172	3813	1869
Шурочка	144	990	1859
Сашуня	9	56	1953–1955
Сашка	674	5141	1825
Сашук	6	416	1901

Искусственный интеллект, эксцерпирующий из текстов примеры для НКРЯ, несмотря на постоянное совершенствование его возможностей, нуждается в ручной проверке включённого в поисковые системы материала. Наблюдаются ошибки в распознании букв [9], не-

правомерное вычленение морфем из композитных единиц (обычно при дефисном оформлении), произвольное сокращение контекста, не позволяющее определить семантические и стилистические особенности единицы, включение онимов и апеллятивов в одну систему поиска и пр. Так, в качестве первой фиксации имени *Саня* приведена цитата из произведения К. А. Скачкова «Мой политический журнал» (1855), в которой дважды упомянуто имя китайского деятеля Юань Цзя-сяня; на запрос *Шура* приводятся примеры названий поселений в Молдавии (1792) и на Кавказе (1850), *Шурка* – название застёжки на рубашке у мокшанок, зафиксированное И. И. Лепёхиным в 1768–1769 годах во время его путешествия «по разным провинциям Российского государства», *Шурик* – деревня Шурик в Иране [14, с. 578] и т. п. Поэтому цифры в приведённой выше таблице нуждаются в корректировке, однако в целом они убедительно отражают тенденции в использовании имени *Александр* и его форм в русской лингвокультуре.

Стремление русских писателей показать в тексте полное, документальное, крёстное имя героя и широкая представленность в НКРЯ текстов официального содержания отразились на частоте употребления официальных (полных) форм имени по сравнению с гипокористическими и уменьшительно-ласкательными. При этом суффиксальные формы антропонимов по частоте употребления уступают кратким, гипокористическим. Прослеживается постепенно угасающая тенденция закрепления за формами имени гендерных характеристик. Так, имя *Саня* в XIX веке относилось чаще к женщинам: Г. И. Успенский. Растеряевские типы и сцены (1877), П. И. Чайковский. Дневники (1886, 1889), Е. А. Салиас. Владимирские Мономахи (1891), П. Д. Боборыкин. Василий Тёркин (1892), М. П. Старицкий. Молодость Мазепы (1898), Леся Украинка. Голубая роза (1898) и др. Но: *Из всего вопроса я вывел одно – что ко мне хотят привязаться и сделать меня во что бы то ни стало виноватым, – заключил Александр Васильич. <...> Молчи, Саня! – заметила ему мать, – ужо вот я сама поеду, попрошу генерала, так тогда...* И. В. Омулевский. Шаг за шагом (1870).

Итак, русский антропоним используется в трёх формах: полной, официальной, отмеченной в документах; гипокористический, краткой, вычлененной из полного имени и отражающей закон экономии речевых усилий; суффиксальной, в основном с деминутивно-мелиоративной коннотацией, в которой проявляется закон эстетико-эмоционального расширения речи. НКРЯ позволяет проследить частотность каждой из форм, их гендерные и темпоральные характеристики.

Библиографический список

1. Винарская Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии: Периодика раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка: Книга для логопеда. Москва: Просвещение, 1987. 159 с.
2. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с фр. А. А. Зализняка; ред. и вступ. статья В. А. Звегинцева. Москва: Изд-во иностр. лит., 1960. 261 с.
3. Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Сб. статей / Отв. ред. В. А. Плунгян. Москва: Индрик, 2005. 343 с.
4. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В. А. Плунгян. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 502 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Отв. ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1988. 192 с.
6. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. Москва: Наука, 1968. С. 75–89.
7. Прозоровский Д.О родстве св. Владимира по матери // Записки Императорском академии наук. Т. V. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1864. С. 17–26.

8. Супрун В. И. Деаффрикация как фонетическое явление и её отражение в языках и говорах // В созвездии слов и имён: Сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 516–529.

9. Супрун В. И. Корпусная ономастика: имена собственные в Национальном корпусе русского языка // Ономастика Поволжья: Матер. XXII Междунар. научной конф. Саратов: Изд-во СГМУ, 2024. С. 72–76.

10. Супрун В. И. Крещение Руси и русские имена: антропонимическая революция // Язык, культура и общество в современном мире: матер. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Б. А. Жигалев. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. С. 195–197.

11. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

12. Супрун В. И., Данилов А. В. Эстетико-эмоциональное оформление речи личности и расширение коммуникативных возможностей языка // Язык – текст – дискурс: сб. науч. ст. по матер. VIII междунар. науч. конф. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. академии, 2022. С. 83–90.

13. Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. Вып. V: (Языковые универсалии) / Пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Москва: Прогресс, 1970. С. 5–30.

14. Чириков Е.И. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 / Под ред. и с предисл. М. А. Гамазова. Санкт-Петербург: Тип. О. И. Бакста, 1875. – 10+CI+803 с.

15. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 97–103.

16. Passy P. Etudes sur les changements phonétique et leurs caracteres. Paris: Firmin-Didot, 1890. 270 p.

17. Riché P. The Carolingians: A Family Who Forged Europe / Transl. by M. I. Allen. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. 398 p.

18. Turasiewicz A. Dzieje polityczne Obodryców: od IX wieku do utraty niepodległości w latach 1160–1164. Kraków: Nomos, 2004. 311 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Супрун Василий Иванович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания;
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
SPIN-код: 2563-5967
e-mail: suprun@vspu.ru

Suprun Vasily Ivanovich,
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods;
Volograd State Socio-Pedagogical University
SPIN code: 2563-5967
e-mail: suprun@vspu.ru

УДК 81.373.21

С.А. Попов
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru

РОЛЬ ТОПОНИМИКИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНА

В статье на примере субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального и Уральского федеральных округов, рассматривается роль топонимики в энциклопедическом исследовании региона. Автор приходит к выводу, что топонимическая информация в региональных энциклопедиях представляет собой сложное сочетание различных культурных и исторических влияний, поскольку она отражает многовековую историю регионов, их природные особенности и этническое разнообразие.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топонимия, ойконимия, урбанонимия, гидронимия, микротопонимия, лингвокраеведение, регионалистика.

S.A. Popov
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru

THE ROLE OF TOPONYMY IN THE ENCYCLOPEDIA STUDY OF THE REGION

Using the example of the subjects of the Russian Federation, which are part of the Central and Ural Federal Districts, the article examines the role of toponymy in the encyclopedic study of the region. The author concludes that the toponymic information in regional encyclopedias is a complex combination of various cultural and historical influences, as it reflects the centuries-old history of the regions, their natural features and ethnic diversity.

Keywords: onomastics, toponymy, toponymy, oikonymy, urbanonymy, hydronymy, microtoponymy, local linguistics, regionalism.

Топонимика, являясь одним из ключевых направлений ономастики, изучает происхождение, структуру и функционирование географических названий, или топонимов. Этот раздел лингвистики имеет особое значение для энциклопедического исследования региона, так как топонимы содержат богатую информацию о его истории, культуре, природно-географических особенностях и этнокультурном составе населения.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать роль топонимических данных в процессе создания энциклопедического описания региона, рассмотреть методологические аспекты их использования и привести примеры практического применения топонимической информации в региональных энциклопедиях.

Географические названия зачастую сохраняют память о событиях прошлого, культурных традициях, религиозных верованиях и даже языке исчезнувших народов. Так, например, топонимы могут содержать следы древних языков, указывая на места проживания различных племен и народов. Кроме того, топонимы могут отражать изменения в политической и экономической жизни региона, свидетельствуя о колонизации, миграции населения, изменении административных границ и т.п.

Энциклопедическое исследование региона направлено на создание комплексного описания его истории, природы, экономики, социальной структуры и культуры. Оно включает в себя сбор и систематизацию разнообразных данных, полученных из разных областей знания: истории, географии, экономики, этнографии, статистики, культуры,

лингвокраеведения и многих других. Важным компонентом такого исследования является использование топонимической информации, которая позволяет уточнить хронологию событий, установить связи между различными элементами ландшафта и культурно-историческим контекстом.

Топонимическое знание играет важную роль в формировании содержания региональных энциклопедий. Географические названия служат ориентирами в пространстве и времени, позволяя читателям лучше понимать контекст описываемых событий и явлений. Кроме того, топонимическая информация способствует созданию целостного образа региона, раскрывающего его уникальность и своеобразие.

Для эффективного использования топонимической информации в энциклопедическом исследовании региона необходимо классифицировать топонимы по различным признакам. Основными критериями классификации являются: тип объекта (город, река, гора, озеро и т.д.), этимологическое происхождение (славянские, финно-угорские, тюркские и другие языки), исторический период возникновения (древние, средневековые, современные топонимы), функциональная нагрузка (административные центры, транспортные узлы, культовые объекты, водные пути и т.п.). Такая классификация позволяет структурировать материал и облегчает его восприятие читателями.

При включении топонимической информации в региональную энциклопедию применяются различные методы анализа: этимологический (установление происхождения топонима, его значения и связи с определенными языковыми группами), историко-культурное исследование (сопоставление топонимов с историческими событиями и культурными традициями региона), картографирование (визуализация распределения топонимов на карте региона), статистический анализ (выявление закономерностей в распространении топонимов определенного типа или возраста). Указанные методы позволяют не только описать сами топонимы, но и раскрыть их глубинные связи с историей и культурой региона.

При составлении региональных энциклопедий следует учитывать ряд принципов включения топонимической информации: критерии отбора (включение наиболее значимых и информативных топонимов, которые представляют интерес для понимания истории и культуры региона), структура статей (разделение информации по типам топонимов и предоставление подробного описания каждого из них), оформление (использование таблиц, схем и карт для наглядности и удобства восприятия материала).

Рассмотрим несколько примеров использования топонимической информации в уже существующих региональных энциклопедиях Центрального федерального округа (Воронежская область) и Уральского федерального округа (Свердловская и Челябинская области).

Воронежская область расположена на пересечении важных торговых путей и имела стратегическое значение на протяжении веков. История заселения региона начинается еще с древних времен, когда на его территории проживали скифы, сарматы, готы и славяне. Все эти этапы нашли отражение в топонимах региона. Большинство топонимов Воронежской области имеют славянские корни, что связано с массовым расселением восточных славян на этих землях начиная с IX века, включая массовые переселения малороссов в XVII-XVIII веках.

Многообразная информация о Воронежском крае собрана в двухтомной «Воронежской энциклопедии» – универсальном справочно-информационном издании, в котором в алфавитном порядке опубликованы сведения об административном устройстве Воронежской области, ее истории и культуре, общественно-политической жизни, экономическом развитии и природных условиях. Здесь же содержатся краткие биографии людей, трудом и творчеством которых создавались духовные и материальные ценности региона. Первое издание увидело свет в 2008 году [1], второе – в 2024 году [2].

Топонимическая информация в данных изданиях в основном представлена в статьях о населенных пунктах, названных по именам или фамилиям первопоселенцев (с. *Артюшкино* (названо по имени одного из первопоселенцев – *Артюх, Артюшка (Артем)*), с. *Архиповка* (названо по фамилии крестьянина-первопоселенца *Архипенко*)), владельцев (г. *Бутурлиновка* (возник как слобода во 2-й половине XVIII в. на землях *А.Б. Бутурлина*; позднее уже по имени следующего владельца назывался сл. Петровская), с. *Воронцовка* (основано в середине XVIII в. как усадебный центр имения на землях, купленных графом *Р.И. Воронцовым*)), с. *Елизаветовка* (первоначальное название – Гаврильская Слобода; основано во 2-й половине XVIII в., названо по имени владелицы – *Е. Воронцовой*), с. *Лизиновка* (первоначальные названия – хут. Меловатский, Маловатский, Меловатская Свинуха, Свинухин, Свинюха; основано в 1760-е гг. на р. Свинуха первопоселенцем Н. Маловатским; принадлежало С.И. Тевяшову, затем Чертковым. Современное название получило в 1848 г. по имени помещицы *Е. Чертковой*, владевшей селом в середине XIX в.) и членов их семей (с. *Екатериновка*, первоначальные названия – Стрижковка, Стрыжкова, Старуновка; возникло в середине XVIII в., первопоселенцем был П. Стрижков; принадлежало полковнику С.И. Тевяшову, затем Чертковым, Сонцовым, князьям Мещерским; после постройки в 1812 г. деревянной (с 1847 г. – каменной) церкви в честь святой Екатерины село стало называться Екатериновкой; возможно, названо так раньше в честь дочери владельца имения, Екатерины Дмитриевны Чертковой, жены П.А. Сонцова), православным культовым сооружениям (с. *Абрамовка* (в 1870 г. построена церковь во имя преподобного *Авраамия*, архимандрита Ростовского), с. *Архангельское* (первонач. назв. – Голышевка, Голышовка; в 1671 г. в селе построена *Архангельская церковь*, в 1875 г. – новая деревянная церковь. Позднее Ст. Голышовка и Новоголышовка соединились и получили название по церкви), г. *Борисоглебск* (основан при слиянии рек Ворона и Хопёр как военная крепость в 1698 г.; Первоначально назывался Новопавловск, с 1704 – Борисоглебск, в честь святых *Бориса и Глеба*), с. *Петропавловка* (основана в начале XVIII в. казаками Острогжского полка и выходцами с Украины; в 1745 г. построена Петропавловская церковь (в 1993 г. восстановлена по проекту архит. М.К. Чернова)), с. *Рождественская Хава* (основано в начале XVIII в. на береговом мысе р. Хава при впадении в нее р. Правая Хава; в 1724-36 гг. построена деревянная *Рождественская церковь*), с. *Рождественское* (первоначальные названия – Поворино, Рождественское Поворино; в 1756 г. построена деревянная *Христорождественская церковь* (перестроена в 1800 г.), в 1888 г. – деревянная Архангельская церковь; в 1871 г. вблизи р. Хопёр появилась ж.-д. станция, названная по соседнему с. Поворино; последнее стало называться Рождественским).

Отличительная особенность «Воронежской энциклопедии» по сравнению с аналогичными изданиями в других регионах состоит в том, что в ней есть отдельная содержательная статья историка, журналиста и краеведа П.А. Попова «Историческая топонимика Воронежского края» [2, I, с. 509-510], в которой он излагает основные итоги изучения воронежской топонимии В.П. Загоровским, В.А. Прохоровым («В их работах был замечен социальный уклон исторической топонимики: на второй план отодвигался природно-географический смысл топонимов; преобладали этимологии, связанные с миграцией населения, с именами поселенцев и владельцев, с экономической жизнью региона»), географом Ф.Н. Мильковым, самим П.А. Поповым и другими исследователями. Автор отмечает: «На рубеже 20 и 21 вв. начинается новый этап исторической топонимики: отказ от излишней социализации и антропологизации этимологий; комплексный подход в изучении географических названий. Этому способствовал новый уровень данных во всех смежных научных дисциплинах, в т.ч. каталоги рек и населенных пунктов, карты местностей, оцифрованные планы генерального межевания 18-19 вв.» [2, I, с. 509] и отмечает, что топонимии Воронежского края свойственно сочетание топонимических пластов, оставленных разноязычными народами на протяжении тысячелетий, выделяя девять пластов.

Еще одна особенность «Воронежской энциклопедии» – наличие статей об исчезнувших населенных пунктах, вошедших в состав наиболее крупных поселений края: *Азовка* (первоначальное название – Азовская слобода, бывшее село Бобровского района; основано в 1711 г. как пригородная слобода переселенцами из Азова, возвращенного Россией Турцией после неудачного Прутского похода Петра I), *Мальшицево*, *Таврово*, *Шилово* (бывший рабочий поселок в городской черте, первоначальное название – дер. Шилова, с. Шилово; основан в 1620-е гг., в 1970-х гг. на территории села началось строительство Воронежской атомной станции теплоснабжения (ВАСТ), в связи с чем жители были выселены, а само село решением Воронежского облисполкома от 15.07.1976 упразднено. Название Шилово получил новый поселок, возникший в начале 1980-х гг. в связи со строительством ВАСТ; в 2010 г. реорганизован путем присоединения к г. Воронежу) и др.

Таким образом, топонимическая информация в энциклопедии Воронежской области представляет собой сложное сочетание различных культурных и исторических влияний. Она отражает многовековую историю региона, его природные особенности и этническое разнообразие.

В энциклопедических изданиях по Уральскому региону значительное внимание уделено топонимам, связанным с объектами рельефа земной поверхности (оронимы: гора *Евлакта*, пещера *Еранка*, горный хребет *Экке*, пещера *Эссюмская*, горный хребет *Эюкэ*), горной промышленностью, добычей полезных ископаемых (карьер *Гайское месторождение*, *Еленовский рудник*, месторождение *Мазовские Агаты*, *Ферсмановские копи*), природными и историческими особенностями края и др. Например, о столице Урала мы узнаём, что г. Екатеринбург «Основан в 1723 г. с началом строительства металлургического завода. Пуск первой очереди и день рождения города были намечены на день святой Екатерины – 7 (18) ноября 1723 г. В честь императрицы Екатерины I (урожд. Марта Сковронская) и покровительницы горных ремесел Святой Великомученицы Екатерины завод-крепость получил название Екатеринбург. Население составляло 500 чел. Статус города получил в 1745 г. <...> 14 октября 1924 г. город получил новое имя – Свердловск – в честь деятеля Советского государства Я.М. Свердлова. 17 января 1934 г. из Уральской области выделена Свердловская обл. В годы первых пятилеток превратился в мощный индустриальный центр Советского Союза. После развала СССР, в сентябре 1991 г. городу возвращено его историческое имя – Екатеринбург» [3]. Из другой энциклопедии мы узнаем, например, что *Игнатиевская пещера (Ямазы-Таи)* – одна из крупнейших карстовых полостей на Южном Урале, в которой обнаружены верхнепалеолитические росписи. В XIX в. в пещере жил отшельник *Игнатий*, считавшийся среди местного населения святым. Его именем названа пещера [4; с. 222]. Или что с. *Неплюевка*, расположенное в Карталинском районе Челябинской области, было основано в 1836 г. как военное поселение на новой сторожевой линии Оренбургского казачьего войска и названо в честь русского государственного деятеля, первого оренбургского губернатора *И.И. Неплюева* (1693-1773) [4; с. 364-365].

Несмотря на очевидные преимущества использования топонимической информации в энциклопедическом исследовании регионов, существуют некоторые проблемы и ограничения: неоднозначность толкования (иногда происхождение и значение топонима остаются спорными), недостаток достоверных источников (многие древние названия утрачены или искажены, что затрудняет их точное восстановление), ограниченность пространства (включение большого количества топонимической информации может перегрузить текст и сделать его менее доступным для читателя).

Таким образом, топонимика играет важную роль в энциклопедическом исследовании региона, предоставляя ценные данные о его истории, культуре и географии. Использование топонимов помогает создать более полное и точное описание региона, выявляя его уникальные черты и особенности. Однако для эффективного использования топонимической

информации необходимо применять комплексный подход, включающий различные методы анализа и классификации топонимов.

Дальнейшее развитие метода использования топонимики в энциклопедической практике предполагает углубленное изучение отдельных групп топонимов, совершенствование методик их анализа и разработку новых форм представления топонимической информации в энциклопедиях. Это позволит еще больше повысить качество и точность региональных энциклопедий, делая их незаменимым инструментом для изучения и сохранения культурного наследия регионов.

Библиографический список

1. Воронежская энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008.
2. Воронежская энциклопедия. В 2 т. / Гл. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2024.
3. Урал: иллюстрированная краеведческая энциклопедия / Н. Рундквист, О. Задорина. Екатеринбург: Квист: Урал. рабочий, 2013. 589 с. Электронная версия: URL: http://quist.pro/books/ural_obl.php (Дата обращения: 09.02.2025).
4. Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига; Челябинск: Челяб. дом печати, 2000. 637 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна,
Воронежский государственный университет,
SPIN-код 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Public
Relations, Advertising and Design,
Voronezh State University,
SPIN code 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

УДК 395.6

Т.А. Воронова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

ИМЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТИКЕТА: О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ

В статье рассматривается ряд тенденций последнего десятилетия, касающихся обращения в русском языке. Отмечаются такие тенденции, как сужение сферы использования имени-отчества и доминирование обращения по полному имени. Рассматриваются некоторые причины подобных сдвигов.

Ключевые слова: обращение, этикет, полное имя, уменьшительное имя, отчество.

T.A. Voronova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

PERSONAL NAME IN THE ETIQUETTE CONTEXT: SOME MODERN TRENDS

The article sites a number of trends of the last decade concerning the forms of address in the Russian language. Such trends are highlighted as the narrowing of the sphere of use of the patronymics and the dominance of full name. Some reasons for such shifts are considered.

Key words: forms of address, etiquette, full name, short name, patronymic.

В статье рассматривается ряд тенденций последнего десятилетия, касающихся обращения в русском языке, в том числе по имени. Статья может представлять интерес как для исследователей в области ономастики, так и для преподавателей дисциплин «Русский язык и культура речи», «Русский язык и деловое общение», а также «Русский язык как иностранный».

К особенностям обращения в русском языке (как в современном, так и в историческом аспекте) мы уже неоднократно обращались в наших исследованиях [1], [2]. Настоящая статья может рассматриваться как продолжение данных изысканий.

В связи с утратой русским языком универсального обращения, на чем неоднократно акцентировали внимание специалисты [1], [5], в распоряжении носителей языка остается только обращение по половому признаку («молодой человек», «мужчина», «девушка» и т.д.) или по имени/имени-отчеству. Что касается первого, то некоторыми специалистами в области этикета оно расценивается как дурной тон: «Россия – страна, жители которой обращаются сегодня друг к другу по половому признаку, что крайне невежливо» [3]. Мы позволим себе не согласиться с подобным мнением, учитывая, что такого рода обращения существуют и в европейских языках: «man», «lad», «chap» в различных вариантах английского языка, «gagazzo» в итальянском. Однако не вызывает сомнения явное отвержение негласными правилами русского этикета такого обращения, как «женщина»; обращение же «девушка» за последние 10-15 лет, на наш взгляд, несколько расширило свои смысловые границы.

Так, в СМИ и сетевой коммуникации существительное «девушка» может относиться к достаточно молодой женщине (38-40 лет); подобное обращение к нестарой представительнице женского пола стало в современной России практически нормой. Кроме того, именно «девушка» постепенно становится универсальным обращением к женщине, работающей в сфере обслуживания – администратору отеля, официантке, сотруднице торгового зала, кассиру,

оператору колл-центра и т.д.; подобные примеры можно обнаружить еще в советских кинолентах – «Вокзал для двоих», «Москва слезам не верит» и др. Аналогичную трансформацию пережило чуть больше столетия назад существительное «барышня», превратившееся из наименования молодой незамужней женщины в обращение к телефонистке. (Заметим в скобках, что обращение по роду деятельности, и без того достаточно редкое в русском языке, продолжает выходить из употребления – как, например, «профессор» и «официант».)

В сложившихся коммуникативных условиях обращение по имени и, что немаловажно, выбор формы имени приобретают особое значение для современного российского этикета, который именно в этом отношении отличается как от западноевропейского, так и от этикета стран Востока, предпочитающих обращение либо по фамилии, либо по роду деятельности (титулу, статусу и т.п.) [5].

Говоря о современных тенденциях, в первую очередь важно отметить следующие: 1) снижение употребительности обращения (и вообще идентификации человека) по имени-отчеству; 2) доминирование обращения по полному имени (в противовес уменьшительному).

О первой из обозначенных тенденций подробно сказано М. Кронгаузом: «Отчество практически исчезло из тех сфер общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию (из бизнеса). Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру» [5]. С данным высказыванием нельзя не согласиться. Говоря о сферах общения (прежде всего профессиональных), отметим, что обращение по имени-отчеству или просто по имени в настоящее время определяется как особенностями корпоративной культуры, так и традициями, сложившимися в той или иной профессиональной среде. Так, обращение по имени-отчеству по-прежнему удерживает позиции в сфере политики, медицины и образования – в противовес бизнес-среде, о чем было сказано выше. Подтверждение тому находим и в сетевых публикациях: «Моей маме 55, она состоявшийся специалист с большим опытом. Когда она работала исполнительным директором, к ней подчиненные обращались Александра Петровна. Теперь работает на себя, у нее нет подчиненных, поэтому она представляется партнерам и клиентам Александрой» [6].

Однако сужение сферы использования имени-отчества затрагивает сегодня не только сферу бизнеса, но и неформальную коммуникацию, в том числе и в социальных сетях. Последние стали поистине массовым явлением, охватившим практически все возрастные группы, и форма самопрезентации в сети Интернет также влияет на выбор варианта обращения к собеседнику.

Универсальное правило – «обращаться к человеку так, как он себя назвал при знакомстве» [4] – при общении в Интернете естественно перерастает в другую вариацию – «обращаться к человеку так, как он себя назвал в социальной сети или мессенджере». Здесь обращает на себя внимание тот факт, что даже немолодые интернет-пользователи, указывая при регистрации в социальной сети свои реальные данные, ограничиваются полным именем и фамилией и редко используют отчество (возможно, оно воспринимается как дополнительный намек на возраст участника коммуникации). В подобных случаях обращение к виртуальному собеседнику не предполагает иных вариантов, кроме полного имени (в сочетании с местоимением «вы»).

Отметим также, что данная тенденция подхвачена и некоторыми книгоиздателями. Вопреки традиции, сложившейся в советский период, современные издатели нередко указывают в библиографическом описании только фамилию автора и его полное имя, например: Сергейчук А. Странствие Орфея. Диалогия / Алина Сергейчук (2021); Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века / Алина Шокарева (2017); Зверева Н. Правила делового общения: 33 «нельзя» и 33 «можно» / Нина Зверева (2015). Таким образом, полное имя в сочетании с фамилией, но без указания отчества, становится полноценным идентификатором человека; то же самое прослеживается и при обращении.

В определенной мере на выбор формы имени при обращении влияет и мода, не в последнюю очередь создаваемая молодыми родителями, многие из которых в настоящее время предпочитают называть своих детей полными именами (например, «София», «Маргарита» вместо привычных «Соня» и «Рита»). Свой вклад вносит и растущая популярность старинных и просто редких имен (Трофим, Матвей, Макар, Савва, Назар, Евлалия, Аврора, Доминика и т.д.), уменьшительные формы которых отсутствуют или оказались забытыми. Некоторые родители – участники интернет-форумов – открыто признаются, что специально выбирали своим детям подобные имена, «чтобы потом не сокращать».

Таким образом, «возрождение» ушедших в прошлое имен оказывается возрождением только полной их формы. Сами носители некоторых имен, малоупотребительных 30-40 лет назад, но приобретших популярность в последние десятилетия (Ульяна, София, Ангелина, Ксения, Арсений и т.д.) зачастую отдают предпочтение полной форме собственного имени и не любят его уменьшительных вариантов.

Следовательно, еще одна причина «доминирования» полного имени при обращении – личные вкусы его обладателя, в том числе нелюбовь к сокращенному варианту своего имени. К примеру, в сети Интернет можно встретить следующие признания: «Все называют меня Соня. Я не воспринимаю это иначе, как какую-то дебильную кличку»; «Меня зовут Маргарита. Терпеть не могу Рита»; «Ненавижу уменьшительную форму своего имени»; «Хочу, чтобы меня называли Елизаветой»; «Мое имя Дарья, и я не люблю короткое имя «Даша» по отношению к себе».

Таким образом, с точки зрения речевого этикета, переход на обращение по уменьшительному имени в идеале должен быть инициативой его носителя (особенно с учетом сказанного выше). Об этом же говорят и специалисты: «Может быть, Светлана категорически не переносит «Светик». А мы, обращаясь к Светлане так, как ей не нравится, будем вызывать в ней соответствующие чувства» [4].

Следуя данному принципу, участники коммуникации могут избежать неловкости и в том случае, когда собеседник предпочитает в качестве обращения более редкое, малоупотребительное сокращение своего имени – например, «Мила» вместо «Люда», «Гера» вместо «Жора» или «Гоша», «Лёля» вместо «Оля» и т.д. Об этом же говорят и участники сетевых дискуссий на данную тему: «Моя подруга – по паспорту Анастасия, но сокращенная форма ее имени – Ася. Ей приходилось убеждать людей в том, что она Ася, а не Настя» [6]; «Коротко мое имя – Ася! На Настю не откликаюсь и часто даже не сразу понимаю, что ко мне обращаются» [6], «Переходить на укороченную или ласковую форму имени без согласия человека очень невежливо. Так же, как и на «ты» сразу называть. С другой стороны, называть человека полным именем – это нормально, тем более в официальной обстановке. Это еще и способ держать дистанцию в общении, по той или иной причине» [6].

Итак, мы видим, что в современной речевой ситуации, в силу социальных или чисто субъективных причин, обращение по полному имени (в некоторых случаях – в сочетании с формальным «вы») становится наиболее универсальным вариантом обращения, который может быть использован как в официальной, так и в неформальной коммуникации.

Библиографический список

1. Воронова Т.А. О некоторых особенностях обращения в современном русском языке // Научный вестник Воронежского гос. арх-строит. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 14. Воронеж: Воронежский гос. арх.-строит. ун-т, 2014. С. 41-44.
2. Воронова Т.А. Полное и уменьшительное имя героини в прозе А.С. Пушкина // Нефилология. 2020. Т. 6. Вып. 22. С. 294-301.
3. Герасимова Е. Мы не умеем общаться // Матроны.ру. 20.11.2012. URL: <https://www.matrony.ru/my-ne-umeem-obshhatsya/> (дата обращения: 18.01.2025).

4. Герасимова Е. Разрешите обратиться // Матроны.ру. 18.12.2012. URL: <https://www.matrony.ru/razreshite-obratitsya/> (дата обращения: 18.01.2025).

5. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. URL: <https://amelina.ucoz.com/russia.pdf> (дата обращения: 18.01.2025).

6. Т – Ж: журнал про ваши деньги. URL: <https://journal.tinkoff.ru/> (дата обращения: 19.01.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Воронова Татьяна Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации;
Воронежский государственный технический
университет;
SPIN-код: 2008-1045;
e-mail: invisible2editor@gmail.com

Voronova Tatiana Alekseevna,
PhD in Philology, Associate Professor;
Associate Professor of the Department
of Russian Language and Intercultural
Communication;
Voronezh State Technical University;
SPIN code: 2008-1045;
e-mail: invisible2editor@gmail.com

УДК 81

Е.А. Попова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СВЕРХТЕКСТА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС

В статье раскрывается аксиологический потенциал региональных антропонимов и топонимов, образующих ономастическое пространство Провинциального (Липецкого) текста. Показана тесная связь между региональными топонимами и антропонимами, что способствует постижению истории и культуры малой родины через значимые имена собственные.

Ключевые слова: ономастическое пространство, региональные антропонимы, региональные топонимы, аксиологический потенциал, Провинциальный (Липецкий) текст.

Е.А. Popova

*Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

ONOMASTIC SPACE OF PROVINCIAL SUPERTEXT AS AN AXIOLOGICAL RESOURCE

The article reveals the axiological potential of regional anthroponyms and toponyms forming the onomastic space of the Provincial (Lipetsk) text. The close connection between regional toponyms and anthroponyms is shown, which contributes to understanding the history and culture of a small homeland through significant proper names.

Keywords: onomastic space, regional anthroponyms, regional toponyms, axiological potential, Provincial (Lipetsk) text.

Провинциальный текст русской литературы, имеющий большое количество локальных ответвлений (Воронежский, Пермский, Липецкий, Тульский и другие тексты), представлен прецедентными текстами региональной направленности, под которыми понимаются тексты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные), в которых говорится о конкретном крае (регионе). Региональную направленность им придают региональные топонимы и антропонимы, образующие региональную топосферу и персоносферу как важнейшую часть ономастического пространства, которое в свою очередь является частью культурного пространства и этого региона, и России в целом.

Литературное наследие любого региона России уникально, о чем свидетельствуют литературные карты различных регионов, включающие большое количество персоналий. Например, Липецкий край – родина А.П. Буниной, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, Е.И. Замятина, П.И. Бартенева, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.П. Грот (Семеновой), А.И. Левитова, С.П. Жихарева, А.И. Эртеля, П.Д. Боборыкина, М.А. Стаховича, Г.В. Плеханова, Н.Я. Данилевского, П.Н. Шубина, Н.А. Задонского, а также предков А.С. Пушкина, И.С. Никитина, А.П. Платонова, отца М.Ю. Лермонтова. О липецкой земле также писали жившие и бывавшие здесь В.А. Жуковский, А.А. Шаховской, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, В.И. Немирович-Данченко, М. Горький, Б.Л. Пастернак,

К.Г. Паустовский, М.И. Цветаева, В.В. Розанов и др. Произведения всех указанных авторов, если в них говорится о Липецком крае, составляют Липецкий текст русской литературы, представляющий собой одно из локальных ответвлений Провинциального сверткста. Все названные персоналии образуют персониферу Провинциального (Липецкого) текста.

Литературные карты Воронежской и Липецкой областей имеют точки пересечения в силу близости расположения территорий указанных областей и того, что до 1954 г. часть нынешней Липецкой области входила в состав Воронежской области, а еще раньше – Воронежской губернии.

Как подчеркивал В.В. Абашев, который положил начало изучению локальных провинциальных текстов и ввел понятие Пермского текста как локальной структурно-семантической категории русской культуры, «изучение локальных текстов имеет серьезный практический аспект и приложение. <...> подобные исследования имеют непосредственное отношение к жизни человека, выявляя важный аспект его жизненного мира. Локальный текст оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому *осознанное* (курсив автора. – Е.П.) отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» [1; с. 14]. Исследование любого из региональных прецедентных текстов обязательно связано с понятием «малая родина», поэтому позволит современным носителям русского языка увидеть в великих русских писателях и деятелях культуры, созданных ими произведениях, запечатлевших образ того или иного города или края, часть «своего» мира, почувствовать через малую Родину свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре. Во всех регионах России ведется изучение регионального литературного наследия, того, какую роль оно сыграло в развитии родного языка и литературы; развиваются такие направления филологических исследований, как филологическая и лингвистическая регионалистика, лингвистическое и литературное краеведение и др.

Преподавателями кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ, – «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (2018–2019), – были составлены два выпуска корпуса прецедентных текстов региональной направленности, образующие Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы [см.: 11; 12]. В данный корпус вошли национально-прецедентные тексты и их фрагменты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые, эпистолярные), созданные родившимися, жившими и/или бывавшими на липецкой земле и писавшими о ней прозаиками, поэтами, драматургами и другими деятелями русской культуры XIX–XXI вв. Каждый выпуск завершается списком региональных топонимов разных классов с указанием того, какие авторы использовали тот или иной топоним в своих произведениях. Эти издания представляют собой учебные пособия для студентов и школьников Липецкой области. В учебных планах магистратуры ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского есть такие дисциплины, как «Прецедентные тексты региональной направленности», «Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: лингвокультурологические особенности и ментально-сущностные характеристики». Тем же авторским коллективом написана монография, в которой представлены результаты теоретического изучения Липецкого текста, уже вышло второе, исправленное и дополненное, издание [см.: 13]. В настоящее время подготовлен к печати третий выпуск корпуса региональных прецедентных текстов.

Региональные топонимы и их репрезентанты-апеллятивы (*город, городок, городишко, место, местечко, родина, река, собор* и др.) вступают в разнообразные синтагматические связи: с притяжательными местоимениями *мой, наш*; оценочными лексемами (*красивый, живописный, хорошенький, очаровательный, прекрасный, милый, чистенький, рай земной, чисто, привлекательно* и др.) и т.д. Приведем примеры, связанные с астионимом *Липецк*: «Я признаюся вам, что **Липецк рай земной!**» (А.А. Шаховской «Урок кокеткам, или Липецкие воды») [21; с. 156]; «**Липецк весьма красивый город на высоте**» (В.А. Жуковский «Дневни-

ки») [6; с. 64-65]; «Вообще **Липецк** очень живописен, и сопровождавший в 1837 году наследника Александра Николаевича В.А. Жуковский занес в свой дорожный альбом два вида нашего Липецка с его прекрасным собором <...>» (П.И. Бартенев «Воспоминания») [3; с. 48]; «**Липецк** и тогда был хорошеньким городком, чисто и привлекательно обстроенным на возвышенности над очаровательной рекою Воронежем» (П.П. Семенов-Тянь-Шанский «Мемуары») [17; с. 127]; «**Липецк – городок чистенький, просторный** <...>» (Г.И. Успенский. Письмо Н.А. Долганову от 26 июня 1869 г.) [19; с. 68]. Связи топонимов со словами, имеющими в своем значении положительно оценочный компонент, позволяют отнести их к числу коннотативных, или коннотонимов.

Для многих писателей-земляков региональные топонимы, связанные с местом их рождения, жизнь в детские и отроческие годы, часто ассоциируются с понятиями родины, счастья, красоты. Например, в поэтических миниатюрах М.М. Пришвина 1946–1947 гг., составивших книгу «Глаза земли», малая родина писателя – село Хрущево, входившее до Октябрьской революции в состав Соловьевской волости Елецкого уезда Орловской губернии (сейчас это Становлянский район Липецкой области), – характеризуется как «лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете» [10; с. 91], предстает как утраченная навсегда родина, связанная с детством и счастьем. С Хрущево писатель постоянно сравнивает то, что его окружает в настоящем: «После обеда вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось – искал того, что у меня было в детстве и что я потерял» («В Дунине») [10; с. 122]. На склоне лет Пришвин часто обращается в своих дневниках к воспоминаниям о родных местах, прежде всего к Хрущеву и Ельцу.

В настоящее время села Хрущево уже не существует, но в памяти современных носителей языка этот топоним сохранился, так как он называет родину Пришвина, о которой он с большой теплотой писал во многих произведениях, несмотря на то, что после Октябрьской революции крестьяне выгнали писателя из дома, который он построил своими руками. Следовательно, региональные прецедентные тексты сохраняют и названия исчезнувших населенных пунктов, и – самое главное – ценностное отношение к ним.

Для современного писателя З. Прилепина родина его предков, которую он считает и своей родиной, – село Каликино Добровского района Липецкой области – связано с понятием красоты, через это понятие писатель объясняет происхождение своей фамилии: «Мои предки по отцовской линии происходят из села **Каликино Добровского района Липецкой области**. В **Каликино** очень много **Прилепиных**, в основном они моя родня, троюродные и далее дядьки и братья. <...>

Каликино очень красиво, там есть такие холмы, за деревней, куда я забирался и проводил там целые дни, совсем ребенком и потом подростком. <...>

На этом холме, озирая многие километры **каликинских** полей, еще в детстве я вспомнил, что есть такое слово “**лепота**”, то есть **красота**. И то, что в **чудесном Каликине** живет половина деревни **Прилепиных**, означает, что когда-то моя **родня** поселилась при **лепоте**. И прозвали их **Прилепины**. Так мне нравится думать и по сей день.

Невзирая на то, что у меня написано в паспорте, я считаю себя **каликинским**. Там мой корень, там могилы **Прилепиных**» [9; с. 9-10].

Таким образом, как следует из этого текста, для З. Прилепина между региональным топонимом (комонимом) *Каликино* и антропонимом *Прилепины* существует тесная связь: *Каликино* – это деревня *Прилепиных*, которые когда-то поселились «при лепоте».

Как заметил Э. Бабаев в послесловии к роману Г.И. Николаева «Астапово», посвященному последним месяцам жизни и смерти Л.Н. Толстого на железнодорожной станции Астапово, которая из-за этого печального события стала известна всему миру, «великий человек налагает свой отпечаток на все, к чему он был причастен, на города и веси, по которым ему пришлось пройти» [2; с. 402]. Поэтому в сознании носителей языка тот или иной город, при этом не только провинциальный, село/деревня оказываются тесно связанными с известной

персоналией (персоналиями), которая является или основателем этого населенного пункта, или в нем родилась, или писала о нем в своих произведениях. Так, Петербург – это, прежде всего, город Петра I: «Петра творенье», «град Петров» [14; с. 381, 382]. Номинацию «Петров град» использовала и А.П. Бунина в стихотворении «Хоть бедность не порок...» (Стихи из письма к А.С. Шишкову)» [5; с. 340]. К.Г. Паустовский в произведении «Золотая роза», целая глава которого посвящена И.А. Бунину, назвал Елец «*бунинский город*» [8; с. 466]. Такое название объясняется как тем, что Бунин жил в Ельце, так и тем, что он писал о Ельце во многих своих произведениях («Жизнь Арсеньева», «Легкое дыхание», «Подснежник», «Поздний час», «Над городом», «На Базарной» и др.), чаще всего называя его апеллятивом *город*. Произведения Бунина, особенно «Жизнь Арсеньева», «Поздний час», до сих пор считаются лучшими путеводителями по Ельцу. Уездный город *Раненбург*, который в настоящее время называется Чаплыгин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, живший недалеко от него, в мемуарах именует «*город Меншикова*» [17; с. 119], так как этот населенный пункт был основан сподвижником Петра I – А.Д. Меншиковым. Указание на это есть в 3-м томе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [20; с. 442]. Уроженец уездной Лебедяни Е.И. Замятин связывал родной город с писавшими о нем Л.Н. Толстым и И.С. Тургеневым: «*Все это – среди тамбовских полей, в славной шулерами, цыганами, конскими ярмарками и крепчайшим русским языком Лебедяни – той самой, о какой писали Толстой и Тургенев*» [7; с. 23]. Имеется в виду знаковое для старой Лебедяни событие – Лебедянская конная ярмарка, описанная И.С. Тургеневым в рассказе «Лебедянь» из цикла «Записки охотника» и упомянутая в повести Л.Н. Толстого «Два гусара». И.А. Бунин называет деревню *Кропотово*, где жил отец М.Ю. Лермонтова и сам поэт бывал несколько раз, «*лермонтовское Кропотово*» [Бунин 1988; с. 550]. Таким образом, региональные ойконимы или замещающие их апеллятивы вместе с антропонимами или их производными образуют словосочетания, выступающие как вторичные наименования того или иного ойконима.

Есть также примеры региональных антропонимов, определением к которым выступают прилагательные, образованные от регионального топонима, например: «*паленские Стаховичи*» [18; с. 197]. Такое название объясняется тем, что село Пальна Елецкого уезда Орловской губернии (в настоящее время это территория Становлянского района Липецкой области) была «родным гнездом» [18; с. 169-170] талантливой, культурной семьи Стаховичей, самым известным представителем которой был Михаил Александрович Стахович (1820–1858), поэт, драматург, собиратель фольклора. Его памяти Л.Н. Толстой посвятил повесть «Холстомер». Внучатый племянник Михаила Александровича – Михаил Алексеевич Стахович (1889–1967) – в воспоминаниях «Ушедшее» много пишет о Пальне и представителях рода Стаховичей, которых характеризует следующим образом: «*Это была талантливая, культурная семья, дружная и спаянная, дерево, крепко вросшее в родную землю*» [18; с. 197].

В отдельных случаях имя писателя, связанного с определенным населенным пунктом, становится официальным названием топонима, чаще всего ойконима, как это произошло со станцией и поселком *Астапово*, переименованными в *Лев Толстой*. Например, в стихотворении «Станция “Лев Толстой”» В.Г. Руделёв описывает свои впечатления от посещения музея памяти Л.Н. Толстого, расположенного в бывшем домике начальника железнодорожной станции И.И. Озолина: «*Непредсказуем жизни круг. / О чудо зренья и слуха! Здесь гений испустил свой дух, / Здесь я его набрался духа*» [16; с. 197]. Деревня *Кропотово* в Становлянском районе Липецкой области, связанная с именем Лермонтова, теперь называется *Кропотово-Лермонтово*. Некоторые писатели берут название родного города в качестве творческого псевдонима: из писателей Липецкого края это *Николай Задонский* (настоящая фамилия Коптев), *Алексей Липецкий* (настоящая фамилия Каменский).

Таким образом, эти примеры, демонстрируя тесную связь между региональными топонимами и антропонимами, в то же время способствуют постижению истории и культуры малой родины через значимые имена собственные. Это один из аспектов актуальной культурологической концепции «гений места».

Региональные прецедентные тексты, образующие то или иное локальное ответвление Провинциального сверхтекста и содержащие важную для современных носителей русского языка культурологическую, историческую, лингвистическую информацию, обладающие в силу этого большим аксиологическим потенциалом, должны обязательно использоваться при изучении русского языка и литературы в школе и вузе. Региональные антропонимы и топонимы, между которыми существует тесная связь, как «средство репрезентации культурно-исторической памяти, способ вербализации, сохранения и трансляции культурно-исторического наследия» [15; с. 32] являются мощными символическими ресурсами, которые включаются в процесс самоидентификации русской языковой личности, и одним из действенных средств формирования образа или образов Родины (как малой, так и большой) в сознании носителей русского языка.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
2. Бабаев Э. Десять дней из жизни Льва Толстого // Николаев Г.И. Астапово: Роман. М.: Советский писатель, 1990. С. 401-406.
3. Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. С. 47-95. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. 719 с.
5. Бунина А.П. Неопытная муза: Собрание стихотворений / вступ. ст. М. Нестеренко; сост. и подгот. текста М. Амелина; биогр. хроника и примеч. М. Амелина, М. Нестеренко. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2016. 560 с.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 14. М.: Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
7. Замятин Е.И. Мы: Романы, повести, рассказы, сказки. М.: Современник, 1989. 560 с.
8. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1967. 528 с.
9. Прилепин З. «Да кто ж там сидит...». Семь пунктов о родстве и происхождении // Колобродов А.Ю. Захар. М.: Издательство АСТ, 2015. С. 7-12.
10. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1984. 479 с.
11. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.
12. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие / Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 662 с.
13. Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики: монография. Издание 2-е, переработанное и дополненное / Под ред. Е.А. Поповой. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. 258 с.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 595 с.

15. Робустова В.В. Концепция спирального развития значения имен собственных // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 29-33.

16. Руделёв В.Г. Полет Золотой Стрекозы в саду Поэта. Тамбов: Студия печати Галины Золотовой, 2015. 207 с.

17. Семенов-Тян-Шанский П.П. Мемуары: в 5 тт. Т. 1. М.: «Кучково поле», 2019. 560 с.

18. Стахович М.А. Ушедшее // Елецкие корни. Предисловие, подготовка текста и редакционный комментарий С.В. Красновой. Елец: «Елецкие куранты», 1996. С. 165-212.

19. Успенский Г.И. Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 704 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 832 с.

21. Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1961. 828 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Попова Елена Александровна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и литературы,
заведующий кафедрой русского
языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского

SPIN-код 8450-3052

e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Popova Elena Alexandrovna,

Doctor of Philology, Professor,
Russian Language and Literature
Department Professor, Head of the Russian
Language and Literature Department.
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan- Shanskii

SPIN code 8450-3052

e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 81'373

Л. Н. Верховых

*Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
(Борисоглебск, Российская Федерация)
e-mail: lverhovyh@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются основные принципы организации научных исследований, осуществляемых в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы. На основании анализа лингвокраеведческих работ новейшего периода развития русистики автор выделяет семь принципов лингвокраеведческих исследований.

Исследование выполнено в русле идей Воронежской ономастической школы, научным руководителем которой является профессор Г.Ф. Ковалев.

Ключевые слова: Воронежская ономастическая школа, профессор Г.Ф. Ковалев, лингвокраеведение, лингвокраеведческая субпарадигма, принципы лингвокраеведческих исследований.

L. N. Verkhovykh

*Borisoglebsky Branch of Voronezh State University
(Borisoglebsk, Russian Federation)
e-mail: lverhovyh@mail.ru*

BASIC PRINCIPLES OF REGIONAL LINGUISTIC STUDIES

The article discusses the basic principles of the organization of scientific research carried out within the framework of the linguistic sub-paradigm. Based on the analysis of linguistic and local history works of the latest period of the development of Russian studies, the author identifies seven principles of linguistic and local history research.

The research was carried out in line with the ideas of the Voronezh Onomastic School, the scientific director of which is Professor G.F. Kovalev.

Keywords: Voronezh Onomastic School, Professor G.F. Kovalev, linguistics, linguistics sub-paradigm, principles of linguistics research.

Лингвокраеведческие исследования предполагают изучение языка края или региона как части мозаичной картины русского национального языка, как фрагмент языковой картины мира, важный элемент национальной идентичности, определяющий национально-культурную сущность русского народа.

По мнению Л.А. Климковой, «изучение региональной лексики связано с постижением национальных языковых, а тем самым и исторических корней, родников народной русской речи, с приобщением к сохранению национального языкового богатства» [16; с. 462].

Важность лингвокраеведческих исследований (как в школе, так и в академической среде) несомненна, ведь именно лингвокраеведение, как справедливо отмечает Г.Ф. Ковалев, является одним из главных компонентов, способствующих «истинному познанию своей Малой Родины» [26; с.85]. Мнение Геннадия Филипповича о том, что возрождение России невозможно без возрождения культурных традиций русского народа, воспитания чувства искреннего патриотизма, искренней любви к родному краю, бережному отношению к языковому и литературному наследию [23; с.226], убеждает нас в особой значимости лингвокрае-

ведческих исследований для сохранения русского языка и народной культуры.

Анализ региональных языковых единиц дает возможность не только составить представления о языке в целом, но и позволяет восстановить фрагмент архаических представлений человека о материальном и духовном мире прошлого, что имеет важное значение для изучения общенациональной языковой картины мира.

В ходе академических лингвокраеведческих исследований изучаются прежде всего особенности функционирования единиц диалектной и ономастической систем, этнолингвистические и лингвокультурологические данные, представленные в народно-разговорной речи жителей края, местном фольклоре, художественных, публицистических и иных текстах, в исторических документах, относящихся к региону, и др.

Подобные научные исследования предполагают анализ региональных языковых единиц на основе интеграции знаний из следующих научных областей: ономастики, диалектологии, лингвистической географии, этнолингвистики, лингвокультурологии, краеведения, и поэтому мультидисциплинарность является неотъемлемой частью таких изысканий при главенстве лингвистической составляющей.

Новейший этап развития лингвистики характеризуется активным изучением языка региона [см., например: 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 18; 19; 20; 23; 25; 28; 29; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 42; 43; 44; 45 и мн. др.], что позволяет говорить о факте существования лингвокраеведческой субпарадигмы, в рамках которой выполняются лингвокраеведческие исследования.

Ранее нами было предложено определение лингвокраеведческой парадигмы [9; с.37]. Полагаем, необходимо сделать некоторые уточнения в данном определении: лингвокраеведческая субпарадигма – это интегративная модель исследования системы русского языка (в ее региональном варианте), предполагающая привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования. Научные изыскания в таком случае осуществляются на основе и с привлечением краеведческого материала (документов из архивных фондов, сведений из исторических музеев, историко-художественных, историко-культурных центров, исторических справочных изданий; художественных, публицистических и фольклорных произведений, относящихся к региону; информации, полученной из местных газет, журналов, интернет-изданий; географических, статистических, этнографических и иных данных о крае и др.).

Данное исследование выполняется в русле идей Воронежской ономастической школы, научным руководителем которой является профессор, доктор филологических наук Геннадий Филиппович Ковалев. Именно его деятельность послужила импульсом к созданию полипарадигмального подхода к описанию региональных особенностей языка Воронежского края, что проявилась в разноаспектных научных исследованиях ученых-лингвистов, представляющих Воронежскую ономастическую школу.

Сочетание двух важнейших факторов, на наш взгляд, дало импульс к возникновению Воронежской ономастической школы: глубоких славистических и ономастических традиций, начавшихся с деятельности в Воронеже «ученого-энциклопедиста Е. Болховитинова, одного из основоположников отечественного лингвокраеведения и уж действительно заложителя начал современной антропонимики» [24; с.21], с издания в XIX веке «Филологических записок» – «одного из лучших журналов того времени» [24 с.21], и создания профессором Геннадием Филипповичем Ковалевым собственной методологии научных исследований (славянская этнонимика, литературная и региональная ономастика, лингвокраеведение, межкультурное взаимодействие).

Одной из важнейших идей Г.Ф. Ковалева, которая определяет вектор научного поиска ученых Воронежской ономастической школы, является мысль о единой духовной и лингвистической сущности славянских народов, о необходимости изучения русского языка, народной речи в сопоставлении с данными славянских и иных языков, об уважительном отношении к языку и культурному наследию других народов, об изучении особенностей межъязыкового взаимодействия.

В данной работе нами рассматриваются основные принципы организации научных исследований, осуществляемых в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы, для которой характерна интеграция антропоцентрического, сравнительно-исторического и системно-структурного подходов.

Лингвокраеведческое исследование, безусловно, должно осуществляться в соответствии с принципами, позволяющими провести объективное, глубокое, интегративное исследование, выявляющее особенности диалектной системы региона, местного ономастикона, этнолингвистической и лингвокультурологической составляющих.

Как аксиомы осуществления лингвокраеведческих (и, конечно, иных лингвистических исследований) исследований выделим анализ особенностей *языковых* единиц (поскольку предмет исследования – лингвистический) и *достоверность* исходных лингвистических данных и полученных результатов исследования.

К основным принципам лингвокраеведческих исследований отнесем следующие.

1. Принцип тесной связи анализируемого языкового материала с краем, регионом. Это то, что и делает исследование лингвокраеведческим: объектом исследования становится разнообразный языковой материал региона: ономастикон, диалектный материал, региолект, пласты лексики, отражающей межъязыковое взаимодействие и др.

Т.В. Майорова указывает на то, что изучать нужно и «язык местных произведений устного народного творчества, в том числе частушки, язык художественных произведений поэтов и писателей, биографически связанных с данным регионом, язык местных СМИ и местных исторических документов, живую речь местных жителей, городское и деревенское просторечие, речевой этикет» [33; с. 17].

2. Принцип комплексного анализа региональных языковых единиц (анализ фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических особенностей языковых единиц; изучение региональных языковых единиц в синхронии и диахронии, существующих и ушедших, а если речь идет об ономастических единицах, то и разных форм именований, в том числе и официальных и неофициальных).

Это исследования А. С. Герда, М. Ю. Беляевой, Е.Н. Поляковой, Ю.И. Чайкиной и др. Например, в книге Е.Н. Поляковой «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков» проводится разноплановый анализ и описание пермских имен: календарных и некалендарных, их вариантов, возникших под воздействием фонетических, морфологических процессов, изменением словообразовательных моделей, изучаются неполные и оценочные имена. Словарь включает более 20 тысяч цитат из памятников письменности [38]. Отдельно приводится список тюркских и финно-угорских имен, зафиксированных в исторических источниках.

(В рамках данной статьи нами приводятся в качестве примеров научные исследования, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко отражено действие того или иного лингвокраеведческого принципа, хотя в исследованиях, посвященных изучению языка региона, полагаем, реализуется несколько принципов одновременно).

3. Принцип максимально полного охвата языкового материала при исследовании (изучаются все существующие или доступные языковые единицы). Так, «Микротопонимический словарь Нижегородской области: (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л.А. Климковой [18] включает более 18 тыс. нижегородских микротопонимов – онимический материал собиран автором более сорока лет и включает названия разных географических объектов, зафиксированных на изучаемой территории в период со второй половины XX до начала XXI в. Трехтомный «Словарь микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалева включает значительное число топонимических единиц, в общей сложности их описание представлено более чем на полутора тысячах страниц [27].

4. Принцип учета историко-культурных, этнографических, географических и иных особенностей края. Данный принцип предполагает привлечение соответствующих источников

краеведческого характера, например таких, как «Памятные книжки», «Материалы для географии и статистики России», «Материалы для истории...», «Списки населенных мест Российской империи...», справочные издания, исторические или современные, например, «Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга», исторические очерки, сведения из местных архивов, данные переписей, краеведческих музеев, фольклорно-статистические, этнографические данные, карты местности, труды ученых о крае и др. Лингвистические исследования, выполняемые с учетом разноплановых краеведческих материалов, определяют и интеграционный, междисциплинарный характер исследований.

Учет краеведческих данных способствует проведению максимально объективного лингвокраеведческого исследования. Например, В.И. Супрун, М.Р. Багомедов и З. К. Беданоква при изучении особенностей и своеобразия этноязыковой картины юга России и региональной топонимии (на лингвистическом материале Адыгеи, Дагестана, Калмыкии, Волгоградской области) выполняют междисциплинарное исследование, в основе которого историографический и лингвокультурологический подходы [42]. Для анализа лингвистических данных учеными привлекаются «словарные, архивные материалы, нарративные источники различных исторических периодов времени» [42; с.3673].

Отметим здесь и ономастические исследования Н.С. Ганцовской [11], Н.С. Ганцовской, Т.В. Горловой [12], Н.С. Ганцовской, Г.Д. Негановой [13], В.Л. Васильева, И.И. Муллонен [7], С. А. Кошарной [29], Г.Ф. Ковалева [23, 25, 27 и др.], И.А. Королевой [28], И. А. Кюршуновой [32], С.А. Попова [39; 40], С. А. Мызникова [36; 37], А.С. Щербак [45; 44], Ю. Ю. Гордовой [15], ученых из Волгограда, Екатеринбургa, Ярославля и др.

5. Принцип анализа и описания различных в генетическом отношении языковых единиц, относящихся к краю. Этот принцип реализуется, например, в следующих изданиях: трехтомном «Словаре микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалева [27], трудах «Реки и водоемы Волгоградской области : гидронимический словарь» И.В. Крюковой и В. И. Супруна [20], И.А. Кюршуновой «Номинации процесса говорения прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии и сопредельных областей (семантический аспект)» [31] и мн.др.

Особо отметим лексикографическое издание «Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)», подготовленный под ред. А. С. Герда [35]. Специфика языковой ситуации Присвирья обусловила и обращение авторов к анализу русских, вепсских, карельских языковых единиц. В работе, кроме полевого материала, используются материалы архивных источников и картографии XV–XX вв. [35].

В исследовании А. А. Бурькина «Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник», выполненном на основе анализа историко-этнографических материалов и археологических данных, рассматривается в том числе и генетически разный материал в связи с изучением ситуаций межэтнического общения, этнокультурных контактов [6].

В недавно изданном «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы» под ред. Т. М. Никаева [41] рассматриваются топонимы, которые отражают представления о номинации географических объектов 41 народа.

6. Принцип опоры на контекст при изучении диалектных и ономастических единиц. Здесь в качестве примера можно указать все диалектологические исследования, значительную часть ономастических исследований, поскольку только контекст дает возможность исследователю установить точное значение слова и особенности его функционирования. Кроме того, работы по литературной и диалектной ономастике, посвященные изучению имен собственных или диалектизмов в произведениях местных поэтов и писателей, также не могут осуществляться без опоры на контекст употребления лексем. Безусловно, это работы Г.Ф. Ковалева, например, «Избранное. Литературная ономастика» [22], «Биографизм ономастики А.А. Платонова» [21] и др., исследование И.М. Курносой «Народное слово в произведениях А. Эртеля: словарь» [30], исследования Н. Б. Бугаковой «Специфика ономастикона А.

Платонова» [1], «Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова» [2], работа Н.Б. Бугаковой, С.А. Скуридиной «Имя собственное как смыслообразующий элемент циклов произведений в творчестве А.П. Платонова: к 125-летию со дня рождения» [3] и др.

7. Принцип максимально точной передачи звучащей речи (применительно к диалектному материалу) и максимально полного отражения вариантов названий (при анализе систем имен собственных).

В силу объективности проводимых научных исследований данный принцип можно считать неотъемлемой составляющей всех лингвокраеведческих (и других лингвистических) трудов.

Таким образом, в процессе исследования были выделены следующие основные принципы лингвокраеведческих исследований: принцип тесной связи анализируемого языкового материала с краем, регионом; принцип комплексного анализа региональных языковых единиц; принцип максимально полного охвата языкового материала при исследовании; принцип учета историко-культурных, этнографических, географических и иных особенностей края; принцип анализа различных в генетическом отношении языковых единиц, относящихся к краю; принцип опоры на контекст при изучении диалектных и ономастических единиц; принцип максимально точной передачи звучащей речи (применительно к диалектному материалу) и максимально полного отражения вариантов названий (при анализе систем имен собственных). Полагаем, что в дальнейшем, с учетом новейших исследований, можно будет дополнить данные положения.

Приведенные принципы лингвокраеведческих исследований могут помочь начинающим исследователям более полно охарактеризовать региональную специфику языковых единиц, будут способствовать глубокому изучению языка родного края, что, безусловно, будет значимо для сохранения русского языка, народной речи и национальной культуры.

Библиографический список

1. Бугакова Н. Б. Специфика ономастикона А. Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 322 с.
2. Бугакова Н. Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова : автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.5 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»]. Воронеж, 2023. 39 с.
3. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Имя собственное как смыслообразующий элемент циклов произведений в творчестве А.П. Платонова: к 125-летию со дня рождения // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 3 (54). С. 50–61.
4. Брысина Е.В., Супрун В.И. Духовная культура казачества: язык и образы: монография. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. 336 с.
5. Брысина Е.В., Супрун В.И. Становление и развитие русской лингвогеографии и лингвокартографии // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №1. С.68–77.
6. Бурькин А. А. Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09, 07.00.07 [Место защиты: Ин-т вост. рукописей РАН]. Санкт-Петербург, 2011. 39 с.
7. Васильев В.Л., Муллонен И.И. Средневековые названия погостов Корельского уезда: на границе государств и языков // Вопросы языкознания. 2024. № 6. С.85–104.
8. Васильев В. Л., Добровольская М. В., Смирнов А. Л., Вихрова Н. Н. Население водораздела Волги, Западной Двины и Пола в древности и средневековье (по данным то-

- понимики, археологии, палеодемографии): коллективная монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. 200 с.
9. Верховых Л. Н. Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка: на материале воронежского ономастикона: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 [Место защиты: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»]. Елец, 2022. 42 с.
 10. Верховых Л.Н. Топонимические реликты в воронежских фамилиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №4. С. 96–100.
 11. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб Книговек, 2015. 512 с.
 12. Ганцовская Н.С., Горлова Т.В. Современный костромской ономастикон, материалы и исследования (по страницам громовских сборников) // Неофилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 90–100.
 13. Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д. Исследователи костромских говоров: деятельность по заветам московской диалектологической комиссии // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 4. С. 204–216.
 14. Гордова Ю.Ю. Междисциплинарная коммуникация: актуальная методология исследований в области топонимики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 10. С.3592– 3597
 15. Гордова Ю. Ю. Ономастическая реконструкция: Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. М.: ЛЕНАНД, 2021. 488 с.
 16. Климкова Л.А. Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С.457–465.
 17. Дамбуев И. А., Шулунова Л. В. Названия городов и сёл Циркумбайкальского региона. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. 161 с.
 18. Климкова Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области: (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Арзамас: АГПИ, 2006. Ч.1 : А–И. 402 с.; ч.2 : К–О. 335 с.; ч.3 : П–Я. 405 с.
 19. Климкова Л.А., Гузнова А.В. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: словарь. Ульяновск: Зебра, 2022. Часть 1. 437 с.; ч.2 434 с.; ч.3. 267 с.
 20. Крюкова И. В., Супрун В.И. Реки и водоемы Волгоградской области : гидронимический словарь. Волгоград : Изд-во ВГАПК РО, 2009. 379 с.
 21. Ковалев Г.Ф. Биографизм ономастики А.А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 38–47.
 22. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
 23. Ковалев Г. Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2014. 440 с.
 24. Ковалев Г.Ф. Изучение славянских языков на кафедре славянской филологии Воронежского университета // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции / Под ред. В. П. Гудкова, А. Г. Машковой, С. С. Скорвида. М.: МГУ, 2003. С.21–28.
 25. Ковалев Г.Ф. Легенды микротопонимии Воронежского края // С любовью к Слову. Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования / Отв. ред. О.В. Никифорова. Арзамас:

- Арзамасский филиал ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021. С. 236–247.
26. Ковалев Г.Ф. Об изучении региональных особенностей микротопонимии Воронежской области // Педагогическое регионоведение. 2014. №1–2 (5–6). С.84–93.
 27. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области : в 3-х т. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. Т.1 : А –Й. 526 с.; т.2 : К – О. 535 с. Т.3 : П –Я. 582 с.
 28. Королёва И.А. Информативная наполненность имен собственных в смоленских грамотах XIII – XIV вв. // Известия Смоленского государственного университета. 2017. №2 (38). С. 114–122.
 29. Кошарная С.А. Гидроним как маркер этнокультуры // Лингвофольклористика. 2023. №37. С.6–13
 30. Курносова И.М. Народное слово в произведениях А. Эртеля: словарь. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2009. 246 с.
 31. Кюршунова И.А. Номинации процесса говорения прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии и сопредельных областей (семантический аспект) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 3. С. 28–49.
 32. Кюршунова И.А. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 156–185.
 33. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка: монография.Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.
 34. Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Свод топонимов Заонежья / под. ред. Герда А.С. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2013. 251 с.
 35. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 224 с.
 36. Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. : Нестор-История, 2021. 912 с.
 37. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
 38. Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь : Издат. дом Бывальцева (ИДБ), 2007. 463 с.
 39. Попов С.А. Освещение проблемы исчезнувших ойконимов на страницах Петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №»2 (53). С.19–23.
 40. Попов С.А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 266–273.
 41. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты, наслеги, улусы, районы / гл. ред. Т. М. Никаева. Якутск : Алаас, 2024. 448 с.
 42. Супрун В.И., Багомедов М.Р., Беданоква З.К. Исторические предпосылки этноязыковой картины юга России (Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Волгоградская область) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 10. С.3672– 3680
 43. Щербак А.С. Введение в ономастическое лингвокраеведение : учебное пособие / А.С. Щербак. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. 168 с.
 44. Щербак А.С. Проблемы изучения диалектной ономастики // Ономастика Поволжья. Материалы XX международной научной конференции. Сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 41–44.

45. Щербак А.С. Региональные топонимы, восходящие к диалектным и общерусским словам // Культурный ландшафт регионов. 2021. Том 3. № 3-4. С. 121–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Верховых Людмила Николаевна,
доктор филологических наук; профессор
кафедры социальных и гуманитарных
дисциплин;
Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета;
SPIN-код 6416-3507;
e-mail: lverhovyh@mail.ru

Verkhovykh Lyudmila Nikolaevna,
Doctor of Philology;
Professor of the Department of Social Sciences
and Humanities,
Borisoglebsky Branch of Voronezh State Uni-
versity;
SPIN code 6416-3507;
e-mail: lverhovyh@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5

Р.В. Разумов

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: rvrazumov@mail.ru*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМ УРБАНОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются особенности систем урбанонимов городов Воронежской области. Автор выявляет состав частотных урбанонимов, типичных для населенных пунктов региона. В статье отмечается, что для Воронежской области характерно иное, чем в целом по Центральному федеральному округу, соотношение наиболее распространенных названий, что может быть объяснено молодостью урбанонимических систем региона.

Ключевые слова: социономастика, городское онимическое пространство, урбаноним, система урбанонимов, региональные особенности.

R.V. Razumov

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: rvrazumov@mail.ru*

REGIONAL FEATURES OF URBANONYMIC SYSTEMS (USING THE EXAMPLE OF THE VORONEZH REGION)

Одним из направлений современных урбанонимических исследований является изучение особенностей внутригородских названий различных населенных пунктов Российской Федерации [2; 5]. Подобный вектор анализа декларируется во многих защищаемых в нашей стране диссертациях, например, в работе А. Ю. Асанова [1], однако фактически он реализуется лишь в очень небольшом количестве работ [3]. Связано это с тем, что исследовать региональную специфику урбанонимии невозможно без привлечения данных об онимии других населенных пунктов. Материалы по московской и петербургской топонимии, которые часто используются для сравнения, не подходят для сопоставления, поскольку имеют свою специфику, обусловленную столичным статусом, что было показано нами ранее [9; 10]. Обобщающие же теоретические исследования, описывающие общие закономерности городского онимического пространства Российской Федерации [2, 9], до последнего времени практически не публиковались. Все вышесказанное делает необходимым разработку методики выявления региональной специфики внутригородских названий. Это можно сделать с помощью использования статистических данных о представленности тех или иных названий как в стране в целом, так и в отдельных субъектах Российской Федерации. Как справедливо отмечает А. М. Мезенко, «фреквентальный анализ названий улиц имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических исследований» [4; с. 106–107].

Для проведения сопоставительных исследований урбанонимов различных регионов страны мы используем данные о коэффициенте относительной распространенности урбанонимов (далее – КОРУ), который выражен отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан урбаноним, к суммарной абсолютной частоте количества насе-

ленных пунктов данного типа. Данный показатель был рассчитан как для отдельных регионов нашей страны, так и для городов Центрального федерального округа (далее – ЦФО) в целом. При сборе материала для анализа мы использовали данные открытых источников: справочников, информационных баз адресации объектов в Российской Федерации и баз почтовых индексов.

В рамках настоящей статьи мы проанализируем особенности систем урбанонимов городов Воронежской области. Следует отметить, что в целом онимия населенных пунктов региона не была до этого изучена. К настоящему времени опубликованы лишь фундаментальное исследование П. А. Попова по названиям Воронежа [6], а также статьи С. А. Попова по городским меморативам [7; 8]. При упоминании названий в тексте статьи будет использоваться географический термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

В настоящее время в Воронежской области зафиксировано 15 населенных пунктов, имеющих статус города. В регионе представлены три типа систем внутригородских названий: в Воронеже реализуется онимическая модель большого города, в трех городах – Борисоглебске, Лисках, Россоши – среднего города, а в 11 населенных пунктах – Боброве, Богучаре, Бутурлиновке, Калаче, Нововоронеже, Новохоперске, Острогожске, Павловске, Поворино, Семилуках, Эртиле – малого.

Система городов Воронежской области является относительно молодой: старые и новые города в ней представлены практически поровну. Восемь населенных пунктов региона получили статус города в XX веке: Бутурлиновка – в 1917 г., Россошь – в 1923 г., Лиски – в 1937 г., Калач – в 1945 г., Поворино – в 1954 г., Эртиль – в 1963 г., Нововоронеж – в 1987 г., Семилуки – в 1954 г. Семь городов обрели указанный статус в дореволюционный период своей истории: Воронеж – в 1568 г., Бобров – в 1711 г., Острогожск – в 1765 г., Богучар, Борисоглебск, Новохоперск, Павловск – в 1779 г. Указанные особенности определили существующие отличия урбанонимических систем населенных пунктов Воронежской области: они заметно отличаются от аналогичных систем других регионов ЦФО.

Для урбанонимии Воронежской области характерно наличие большого количества случаев совпадения внутригородских названий в разных населенных пунктах.

Во всех 15 городах региона представлено 3 названия: *улица Карла Маркса*, *Советская улица*, *Солнечная улица*. Лишь один урбаноним – *Советская улица* – входит в список десяти самых частотных названий ЦФО и занимает в нем первое место по распространенности (КОРУ – 0,91). Два оставшихся топонима находятся за пределами первой десятки онимов: урбаноним *улица Карла Маркса* находится на 22 месте (КОРУ – 0,6), а урбаноним *Солнечная улица* – на 28 месте (КОРУ – 0,54). Следует отметить, что лишь последний топоним активно создавался во второй половине XX века, в то время как названия в честь К. Маркса преобладали в 1920–1930-е гг. и были единичными в 1960–1980-е гг. Возможно, новые города унаследовали данный оним от сельских поселений, которые существовали на этом месте прежде. В то же время наши наблюдения по виконимам Ярославской области не подтверждают наличие названия *улица Карла Маркса* в сельской топонимии.

В 14 городах Воронежской области встречается три названия: *Заводская улица*, *улица Мира*, *улица Свободы* (КОРУ – 0,93). Следует отметить, что все перечисленные урбанонимы не входят в список десяти самых распространенных урбанонимов ЦФО. Название *Заводская улица* могло создаваться как в дореволюционный, так и советский период истории страны, оно не имеет четкого временного периода создания, поскольку относится к числу дескриптивных топонимов. В ЦФО оно занимает 17 место по распространенности с показателем КОРУ равным 0,64. Урбаноним *улица Мира* находится на 13 месте (КОРУ – 0,69), он активно создавался во второй половине XX века, в том числе в постсоветский период истории страны. Топоним *улица Свободы* представлен менее чем в половине городов ЦФО, его показатель КОРУ равен 0,36. Здесь мы вновь сталкиваемся с временным парадоксом: подобные на-

звания активно создавались в 1920–1930-е гг., когда некоторые населенные пункты области не имели статуса города.

Пять урбанонимов – *Комсомольская улица, улица Ленина, Октябрьская улица, улица Победы, Садовая улица* – отмечены в 13 городах Воронежской области (КОРУ – 0,87). Лишь одно название – *улица Победы* – не входит в первую десятку наиболее распространенных городских топонимов ЦФО, оно занимает 38 место с показателем КОРУ 0,46. Как видим, данный оним представлен менее чем в половине городов ЦФО, что обусловлено его историей. Несмотря на то, что урбаноним может увековечивать разные исторические события (не только победу в Великой Отечественной войне, но и победу Революции), его активное создание приходится на вторую половину XX века, в том числе на постсоветский период истории страны. Оставшиеся названия входят в перечень десяти наиболее распространенных городских топонимов ЦФО, их показатели КОРУ в регионе и в целом по округу различаются незначительно: *Комсомольская улица* – 0,86, *улица Ленина* – 0,80, *Октябрьская улица* – 0,82, *Садовая улица* – 0,87.

Анализ урбанонимов, занимающих в регионе первые три места по распространенности, показывает, что ни одно из них не связано с отражением региональной специфики области, все они участвовали в формировании советской идентичности. Аналогичную картину мы наблюдаем и среди городских топонимов, занимающих 4 и 5 места.

В 12 городах Воронежской области встречаются 9 названий (КОРУ – 0,8): *улица 8 Марта, улица Кирова, Лесная улица, Набережная улица, Пионерская улица, Спортивная улица, улица Строителей, улица Чапаева, Школьная улица*. Лишь два урбанонима – *Лесная улица* и *Пионерская улица* – входят в первую десятку наиболее распространенных топонимов ЦФО. Все остальные онимы представлены в ЦФО значительно реже, при этом два названия – *улица 8 Марта* и *улица Строителей* – зафиксированы менее чем в половине населенных пунктов округа.

9 названий – *улица Гагарина, улица Горького / Максима Горького, улица Дзержинского, Красноармейская улица, Молодежная улица, Степная улица, Тенистая улица, улица Чкалова, Юбилейная улица* – представлены в 11 городах Воронежской области. Заметим, что лишь 4 урбанонима из данного перечня – *улица Гагарина, улица Горького / Максима Горького, Красноармейская улица* и *Молодежная улица* – представлены более чем в половине городов ЦФО, все остальные онимы зафиксированы в меньшем количестве населенных пунктов. Два урбанонима – *Лесная улица* и *Степная улица* – могут быть рассмотрены как формирующие региональную идентичность, однако данные онимы представлены и в других регионах страны.

Понять специфику урбанонимии региона позволяет и анализ принципов номинации внутригородских объектов. Мы рассмотрим соотношение городских топонимов, представленных более чем в половине населенных пунктов Воронежской области.

Наиболее распространен в регионе меморативный принцип номинации, к которому мы можем отнести 50 названий. Как и в целом по стране, его основу составляют персональные меморативы, к которым относятся следующие онимы: *улица Гагарина, улица Гоголя, улица Горького / Максима Горького, улица Дзержинского, улица Калинина, улица Кирова, улица Кольцова, улица Комарова, улица Зои Космодемьянской, улица Крупской, улица Ленина, улица Лермонтова, улица Ломоносова, улица Карла Маркса, улица Матросова / Александра Матросова, улица Маяковского, улица Мичурина, улица Некрасова, улица Никитина, улица Орджоникидзе, улица Пушкина, улица Суворова, улица Тельмана, улица Толстого / Льва Толстого, улица Тургенева, улица Феоктистова, улица Фрунзе, улица Чайковского, улица Чапаева, улица Чехова, улица Чкалова, улица Шевченко, улица Энгельса / Фридриха Энгельса*. Анализ персоналий, которые были увековечены в городской топонимии Воронежской области, показывает, что связь с регионом имеют всего лишь 3 названия, которые увековечивали память о поэтах А. В. Кольцове (*улица Кольцова*) и И.С. Никитине (*улица Никитина*), космо-

навте К. П. Феоктистове (улица *Феоктистова*). Вторую группу составляют урбанонимы, увековечивающие исторические события, их юбилеи и государственные праздники: *улица 40 лет Октября, улица 8 Марта, улица 9 Мая, улица 9 Января, Октябрьская улица, Первомайская улица, улица Победы, Юбилейная улица*. Третья группа объединила названия, созданные в честь групп людей: *улица Космонавтов, Молодежная улица, Народная улица, Пролетарская улица, Рабочая улица, улица Строителей*. И, наконец, три урбанонима увековечивали общественные и воинские организации и их членов: *Комсомольская улица, Красноармейская улица и Пионерская улица*.

Вторым по частотности стал дескриптивный принцип урбанонимов, с помощью которого было образовано 22 названия: *Воронежская улица, Восточная улица, Дачная улица, Дорожная улица, Железнодорожная улица, Заводская улица, Заречная улица, Лесная улица, Луговая улица, Московская улица, Набережная улица, Песчаная улица, Полевая улица, Привокзальная улица, Речная улица, Садовая улица, Северная улица, Спортивная улица, Степная улица, Транспортная улица, Школьная улица, Южная улица*. Как видим, в число широко распространенных онимов региона входит всего одно название – *Воронежская улица*, образованное от местного ойконима, все остальные онимы не являются уникальными, они представлены во многих регионах нашей страны.

Третьим по частотности стал эвсемантический принцип номинации, с помощью которого было создано 7 названий: *Березовая улица, Весенняя улица, Вишневая улица, Зеленая улица, Солнечная улица, Тенистая улица, Цветочная улица*.

И, наконец, меньше всего было создано символических названий: *улица Дружбы, улица Мира, улица Свободы, Советская улица, Трудовая улица*.

Анализ наиболее распространенных урбанонимов Воронежской области показывает, что большинство из них способствовало формированию советской идентичности. Названия, отражающие региональные особенности населенного пункта, среди данной группы онимов представлены слабо. Для Воронежской области характерно иное, чем в целом по ЦФО, соотношение между наиболее распространенными названиями.

Знание о типологических особенностях систем урбанонимов позволит выявить специфику номинации объектов в отдельном городе, показать, какие из топонимов являются типичными для подобных населенных пунктов в России, а какие характеризуют лишь данную систему.

Библиографический список

1. Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 185 с.
2. Городская топонимия: современная политика и практика именованья / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, С. О. Горяев [и др.]. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. 216 с.
3. Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2018. 184 с.
4. Мезенко А. М. Частотность годонимов как экспонент культурно-исторической информации // Известия Смоленского государственного университета. 2017. №2. С. 106–113.
5. Никитина Т. Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №6–2(72). С. 128–130.
6. Попов П. А. Воронеж : История города в названиях улиц. Воронеж : Кварта, 2003. 447 с.
7. Попов С. А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населённых пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №1. С. 10–23.

8. Попов С. А. Память о Великой Отечественной войне в названиях улиц населённых пунктов Воронежской области // Ономастика Поволжья : Материалы XXI Междунар. науч. конф., Рязань, 03–05 октября 2023 года. Рязань : Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2023. С. 204–208.
9. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2022. 387 с.
10. Разумов Р. В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. №4. С. 121–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Разумов Роман Викторович,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Ярославский государственный педагогиче-
ский университет им. К.Д. Ушинского,
SPIN-код 1348-7831;
e-mail: rvrazumov@mail.ru

Razumov Roman Viktorovich,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Russian Language
Department, Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky,
SPIN code 1348-7831;
e-mail: rvrazumov@mail.ru

УДК 81'282.2

Л.В. Недоступова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

РОССОШАНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЬНИЦЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе на полевом материале рассматриваются прозвищные имена. Целью научного сочинения выступает выявление и анализ неофициальных антропонимов жителей Россоси Россосханского района Воронежской области посредством речи носительницы местного диалекта – старожилки населённого пункта. В результате исследовательской деятельности представлены 7 групп именовании, обозначены личные и семейские, мужские и женское. Определены способы образования прозвищных номинаций, среди которых усечение фамилии, суффиксальный, укорочение слова, субстантивация и др. Речь респондента иллюстрирует слобожанский говор. Посредством небольшого именника получено своеобразное понимание о картине мира и существующей традиции общения россосханцев.

Ключевые слова: антропонимы, имянаречение, неофициальные имена, способы образования, речь, говор.

L.V. Nedostupova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

ROSSOSH ANTHROPNYMS IN THE SPEECH OF A DIALECT NATIVE OF THE VORONEZH REGION

The work examines nicknames based on field data. The purpose of the scientific essay is to identify and analyze unofficial anthroponyms of residents of Rossosh, Rossoshansky District, Voronezh Region, through the speech of a native speaker of the local dialect – an old-timer of the settlement. As a result of the research activity, 7 groups of names are presented, personal and family, male and female are designated. The methods of forming nickname nominations are determined, including truncation of the surname, suffixation, shortening of the word, substantiation, etc. The respondent's speech illustrates the Slobozhansky dialect. By means of a small name list, a unique understanding of the picture of the world and the existing tradition of communication of Rossosh residents was obtained.

Key words: anthroponyms, naming, unofficial names, methods of formation, speech, govor.

Известно, что «в русской ономастической традиции прозвище представляет собой род вторичного именовании (В.Д. Бондалетов, Е. Курилович, А.М. Селищев, А.В. Суперанская, Ю.И. Чайкина, В.К. Чичагов, Л.М. Щетинин, Г.В. Звездова, Е.А. Кобзина и мн. др.)» [11; с. 213]. П.А. Флоренский отмечал: «Имя, будучи знаком индивидуальности, одновременно социально, поскольку вводит своего носителя в социальный континуум, вписывает в культурное пространство, включает в правовые, религиозные, нравственные и прочие отношения: «Без имени общественному устройству нет средств включить в себя и соотнести с собою своих членов» [9; с. 264].

Стоит обратить внимание на то, что «современная речевая практика включает огромный массив разнообразных прозвищ. В этом можно убедиться, полистав Словарь Вальтера-Мокиенко, где собрано более 10 000 прозвищ. <...> Прозвище, в отличие от имени, в современной жизни не обязательно, и носитель может даже не подозревать о его существовании» [10; с. 32]. Необходимо указать, «в обиходно-разговорной речи, особенно в говорах современного русского языка, для именовании лиц широко используются прозвища, что определяет вполне закономерный интерес ономастов к изучению их функционирования» [5; с.116].

Надо учесть, что «диалектный антропонимикон является значимым пластом территориально ограниченной лексики, поскольку содержит сведения этнографического, исторического и социокультурного характера. Более того, он выступает важным компонентом онимического пространства нашей страны» [3; с. 594].

В настоящей работе интерес представляет говор жительницы поселения, расположенного на юге Воронежской области, примерно в 214 км от областного центра.

Из исторических сведений известно, что «первое упоминание о слободе Россошь встречается в «Ведомости церквей» за 1721 год. <...> реки Россошь и Черная Калитва, имея течение, первая – с севера, вторая – с запада, образуют угол. В этом месте более 200 лет тому назад и стали селиться первые переселенцы. От расположения хат по берегам обеих рек, имеющих форму угольника, или так называемой «россохи», слобода и получила название Россошь» [1]. Следует заметить, что «<...> значительную часть населения ...составляют этнические украинцы. <...> существуют письменные свидетельства, подтверждающие существование здесь в начале 18 века переселенческой слободы» [7].

Цель статьи состоит в выявлении и анализе неофициальных антропонимов жителей Россоши Россошанского района Воронежской области посредством речи носительницы местного диалекта.

В качестве лингвистического материала выступает говор старожилки населённого пункта – Нины Ефимовны Ермоленко (1938 года рождения). Полученная информация впервые вводится в научный оборот.

Следует указать, что антропоним – это «вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка» [6; с. 30-31]. В.А. Никонов в связи с этим отмечает: «Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны все и всегда» [4; с. 6].

З.П. Никулина подчёркивает, что прозвища «не задаются списком, не подчиняются моде, как имена, а свободно создаются на базе лексического состава родного языка и сохраняют свое постоянное разнообразие. Прозвища строго индивидуализированы, в пределах одного социального поля они редко повторяются. <...>. В живых народных именовании постоянно обнаруживается настоятельная потребность, индивидуализируя, выразить и отношение к именуемому, дать ему оценку» [5; с.117].

Продемонстрируем неофициальные имена росошанцев, зафиксированные в ходе общения с Ермоленко Н.Е. Из уст респондента узнаём: *[За ұлаза́ хто и называ́л, тоди чу́ ли коуо́ называ́лы по про́звищу].*

Мы условно расположили антропонимические единицы по следующим группам:

- Отыменные:

Па́шкэри́дзэ – Павел (Паша): [По имина́м јак цоуо́ назва́лы. Па́шку – Па́шкэри́дзэ].

Юхымо́к, Юнька – Ефим (Юхым): [Ба́тька на рабо́ти дру́жкы́ зва́лы Юхымо́к, Юнька, вин Юхы́м].

- Отфамильные:

Сэмэ́нкы – Семеновы: [Ра́ниэ назва́лы Сэмэ́нко́вых – Сэмэ́нкы. То и прылы́пло, по хва-мы́лыш].

Кудыны́ – Кудиновы: [Ту́точки и Кудыны́ живу́ть, Куды́новы оны́].

Сычы́ – Сычёвы: [Оны́ булы́ Сычёвы, на слободэ́ их звать Сычы́].

Тяпы́ – Тяпкины: [На Тя́пкиных ка́жутъ ци́ так: Тяпы́].

- По материальному положению:

Курку́ль, Куль, Кулю́х – богатый человек: [У ди́да Па́вля́ такэ́ булы́ про́звища, ёуо́ называ́лы Курку́ль, Куль, Кулю́х. У ёуо́ була́ робла́нъ ха́та та́ кля́ня бу́ла. Два́ коро́вы у юуо́ бу́ло,

двѣ лошади, двѣ повѣскы. И дид трудѣфси, вин робѣл плѣтником и фсэ робѣѣу своѣмэ рукáмэ. А так ёуо назывáлы врѣди боуáчий – Куркуль, Куль, Кулюх. Кáжуть: «Да идѣ ты до Куркуля»].

Голяны́ – бедные люди, не имеющие материального достатка: [Биднѣсть ѣих захватѣла, людѣй боуáто у сэмьѣй, а у хáты трѣшкэ усууб. Голянáмы стáлы звать, онѣ уѣлы как сокѣлы. Людѣ ху́до жѣлы].

- По особому умению, роду деятельности:

Горшѣшник – гончар, изготавливающий глиняные горшки: [Цэ быв чѣловѣк, вин знáчит робѣл уоршкѣ, прѣзвишче ёуо Горшѣшник. И як вин умэр, так ото и крычáлэ: «Горшѣшник умэр, хѣдит на пѣхаран до Горшѣшника»].

Гончарѣшник – ремесленник, специалист по изготовлению посуды из глины и дерева: [Знáчит собэрáл уончáркы Гончарѣшник. У тоуѣ Гончарѣшнэка булѣ самодѣльны пѣтушкѣ, анѣ булѣ цѣ пѣтушкѣ на пáлочкы цѣ канхвѣтакы такѣ. Вин тож давáл на абмѣн. У Гончарѣшника булѣ ѣишиѣ дэрэвáнны лѣшки, мѣски, крушкы. Онѣ тѣжэ булѣ красѣва раскращэна].

Мѣльник – человек, занимающийся помолом муки: [Цэ молѣу зэрно на муку у мѣльницы, прозывáлы ёуо Мѣльник].

Кѣнцик – киномеханик: [Чѣловѣк, привозѣл нам кынѣ, назывáлэ цѣ Кѣнцик. Крычáть: «Кѣнцик прѣихал!» Мы нэ знáлэ, як юѣо звáлы, а тѣки и звáлы Кѣнцик и фсэ].

Почтáрѣка – почтальон: [Жѣншину назывáлэ цѣ людѣм носѣла пѣчту Почтáрѣкой].

- По особенности речи:

Хохѣл – человек, говорящий только по-украински: [За то, шо бáче тѣка по-хохлѣчьѣи, Мѣтьку дрáжним Хохѣл].

- По состоянию здоровья или неполноценности:

Биспáлка – мужчина без пальца на руке: [А у дрүүѣга дѣда рукѣ, на аднѣй рукѣ нэ булѣ палецѣу. Ёѣму дáлы прѣзвишче Биспáлка. Тѣжэ пристáло цѣ ѣѣму прѣзвишче, оѣ Гѣспади].

Нѣмѣ – немой: [Мы звáлэ юѣо Нѣмѣ. Нѣмѣй цѣ, не моу балáкать].

Бизру́кый – человек, потерявший руку во время войны: [На войнѣ оторвáлэ руку, и онѣ юѣо так отѣ и фсэ назывáлы: Бизру́кый].

- По цвету волос:

Рѣжсѣй – рыжеволосый мужчина: [Цэ сусѣт буу рѣжсѣй. У юѣо волѣстьѣ була рѣжэ. Во то Рѣжсѣй звáлэ и фсэ. Дѣ Рѣжсѣй жѣвѣ, цѣ мы знáлэ, шо там Рѣжсѣй жѣвѣ, и то им такѣ].

Как видим, антропонимические единицы образованы разными способами. В том числе, путѣм усечения фамилии: Сэмáнкѣ←Семенковы, Кудыны←Кудиновы, Сычѣи←Сычѣвы, Тѣпы←Тяпкины.

Суффиксальным способом образованы неофициальные имена: Юхымѣк, Юнька←Ефим (Юхым), Почтáрѣка←почтальон, Голяны←голые, Горшѣшник←горшок, Гончарѣшник←гончар, Кѣнцик←кино. Укорочением слова: Нѣмѣ←немой. Субстантивацией образованы следующие модели: Бизру́кый, Рѣжсѣй и др.

Таким образом, в именослове диалектоносительницы Россоши нашла отражение 21 антропонимическая единица: Пашкэрѣдзэ, Юхымѣк, Юнька, Сэмáнкѣ, Кудыны, Сычѣи, Тѣпы, Голяны, Куркуль, Куль, Кулюх, Биспáлка, Горшѣшник, Гончарѣшник, Мѣльник, Кѣнцик, Почтáрѣка, Хохѣл, Нѣмѣ, Бизру́кый, Рѣжсѣй.

Ономастическое пространство представлено 7 группами именований:

1) отыменные, 2) отфамильные, 3) по материальному положению, 4) по особому умению, роду деятельности, 5) по особенности речи, 6) по состоянию здоровья или неполноценности, 7) по цвету волос.

Считаем первую и вторую группы модификатами имѣн. Об этом И.А. Лисова пишет: «Неофициальная форма (модификат, дериват) имени – антропоним, функционирующий в неофициальном общении или любом дискурсе, <...>, образованный от полной либо усечен-

ной основы личного имени, фамилии либо отчества, обладающий определённым семантическим приращением (коннотацией), направленным на реализацию коммуникативной стратегии [2; с. 164].

Далее следует сказать, что 16 из репрезентированных в работе прозвищных номинаций являются личными именованиями: *Паишкэри́дзэ, Юхымóк, Юнька, Курку́ль, Куль, Кулю́х, Горше́шник, Гончарэ́шник, Мэ́льник, Кíнцик, Почта́рька, Хохóл, Биспа́лька, Нимя́, Бизру́кый, Ры́жый*; 5 – семейскими: *Сэмэ́нкы, Кудыны́, Сычи́, Тяпы́, Голяны́*.

Интересно, только одно из них носит представительница женского пола (*Почта́рька*). Один представитель мужского пола выступает обладателем 2-х прозвищ (*Юхымóк, Юнька*) и один – 3-х прозвищ (*Курку́ль, Куль, Кулю́х*). Это позволяет сделать вывод о том, что преимущественно россосанцы наделяют вторым именем мужчин.

Как известно, «в наречении субъекта прозвищем участвует весь или почти весь социально однородный коллектив, хотя прозвище может быть придумано кем-то одним, но поддерживается всем коллективом и поддерживается вне каких-то определенных правил» [11; с. 214].

Об употреблении неофициальных имён в процессе коммуникации жителями Россоси Н.Е. Ермоленко свидетельствует: [*Цих людэй по имéни никóлэ нэ назывáлэ. А тикé по цим кльíчкам. Кто ни прыхóдя у слободу́, цэ по ўлыци и кáжэ. Як назывáлэ – так отó и онó и прылы́пло, о так*].

По мнению тамбовских исследователей, «в современном обиходе, в рамках существующего принятого речевого этикета и действующей правовой практики, регулирующей формы имени, собственно личные имена и прозвища расходятся все дальше и дальше друг от друга» [11; с. 217]. Однако, на наш взгляд, в отдалённых от больших мегаполисов поселениях это зависит ещё и от тех негласных правил коммуникации, которые сложились в определённом социуме, и от выработанных особенностей реального общения социально-возрастных групп людей.

Безусловно, каждое используемое в языке респондента прозвищное имя мотивировано. Оно хранит фактическую информацию о конкретном номинируемом и базируется на определённой его черте, деятельности, отражает положение человека или именование семьи. Посредством небольшого именника мы получили своеобразное понимание о картине мира и существующей традиции общения россосанцев.

Подводя итоги, отметим, что речь информанта представляет собой переплетение русских и украинских диалектных черт. Это хорошо сохранившийся слобожанский говор, поскольку несколько веков назад Россось имела статус слободы.

Завершить исследование хочется словами А.В. Суперанской: «Привыкнув к традиционной формуле официального именования русского человека: «фамилия + имя + отчество», мы забываем ещё об одном и важном типе антропонимов – о прозвищах. Они стары, как мир, и остаются вечно живым источником новых именований» [8; с. 485]. Они ждут своих исследователей, поскольку язык – развивающаяся во времени система.

Примечание: в статье использована русская упрощённая транскрипция. Звук «г» – фрикативного образования.

Библиографический список

1. Администрация городского поселения – город Россось / Историческая справка. URL: <http://www.rossosh.ru/disciplines> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Лисова И.А. Место конвергенции в неофициальной антропонимии // Ученые записки. 2013. Том 15. С. 162-167.

3. Недоступова Л.В. Сельские антропонимы в щучинском говоре Воронежской области // Неофилология. 2024. Т. 10. № 3. С. 592-605. URL: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-592-605> (дата обращения: 10.01.2025).
4. Никонов В.А. Имя и общество. Институт Этнографии имени Н.И. Миклухо-Маклая, АН СССР. Москва. 1974. 278 с.
5. Никулина З.П. О Некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. С. 116-121.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 30-31.
7. Россось и его достопримечательности. URL: https://sutochno.ru/info/dostoprimechatelnosti_rossoshi (дата обращения: 10.01.2025).
8. Суперанская А.В. Современные русские прозвища // FOLIA ONOMASTICA CROATICA. 12–13 (2003–2004). С. 485-498.
9. Флоренский П.А. Имена // Имя и характер. СПб., 1992. 320 с.
10. Шмелева Т.В. Ономастика. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.
11. Щербак А.С., Бурькин А.А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник ТГУ, выпуск 9 (77), 2009. С. 213-217.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Недоступова Любовь Вениаминовна,
кандидат филологических наук, доцент; до-
цент кафедры русского языка и межкультур-
ной коммуникации;
Воронежский государственный технический
университет,
SPIN-код: 4136-2507;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lyubov Veniaminovna,
PhD in Philology, Associate Professor;
Associate Professor of the Department of Rus-
sian Language and Intercultural Communica-
tion;
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 4136-2507;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

УДК 81'373.23

Ж. К. Гапонова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Российская Федерация)
e-mail: jangap1@mail.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В АНТРОПОНИМАХ ЯРОСЛАВЛЯ XVII В.

В статье рассматриваются патронимы Ярославля XVII в., в основу которых положен мотивировочный признак, отсылающий нас к русскому мифологическому коду. Приводятся примеры антропонимов, встречающихся в региональной антропонимике разных областей России и требующие уточнения их происхождения.

Ключевые слова: региональный антропонимикон, некалендарное личное имя, патроним, мотивировочный признак, мифологический код, мифологическая лексика.

J. K. Gaponova

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russian Federation)
e-mail: jangap1@mail.ru*

MYTHOLOGICAL CODE IN THE ANTHROPONYMS OF YAROSLAVL IN THE 17TH CENTURY

The article examines the patronyms of Yaroslavl in the 17th century, which are based on a motivational feature that refers us to the Russian mythological code. Examples of anthroponyms found in regional anthroponymy of different regions of Russia and requiring clarification of their origin are given.

Keywords: regional anthroponymicon, non-calendar personal name, patronymic, motivational feature, mythological code, mythological vocabulary.

Разноаспектное изучение антропонимов связано с лексикологическим, историко-лексикографическим, семантическим рассмотрением имен собственных на разных территориях, в том числе в сопоставлении, что позволяет сформировать целостное представление об истории становления русских антропонимов. Дифференциация лексем по разным семантическим признакам, положенным в основу именованя человека, позволяет не просто понять внутреннюю форму языковой единицы, но и составить представление о традиционной народной культуре, о верованиях и суеверных представлениях человека рассматриваемого периода. Неравномерность изучения русского антропонимикона побуждает нас обратиться к мифологическим антропонимам Ярославля, которые до этого момента не были предметом самостоятельного исследования, однако представлены в работах ономастологов других регионов (С. Б. Веселовский, И. А. Кюршунова, И. М. Ганжина, О. А. Черепанова и др.).

Источниками данного исследования послужили Перечневая опись города Ярославля 1630 года, опубликованная в «Ярославских губернских ведомостях» в 1861 [16], список с выписи из писцовой книги, содержащей описания дворов Пажецкой волости, а также Спасской и Богоявленской слобод, Дмитровской сотни и расположенных вокруг них земель города Ярославля 135, 136, 137 гг. [19], а также писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в., представляющие результаты переписи ярославского городского населения 7129 (1621), 7154 (1646), 7177 (1668), 7178 (1669) и 7180 (1671), опубликованные в 1913 г. Ярославской ученой архивной комиссией [6–10]. С целью более точной идентификации людей, а также выявления антропонимических тождеств, позволяющих уточнить состав ядерной и пе-

риферийной зоны антропонимической формулы, к анализу также привлекались документы судопроизводства, опубликованные в издании «Угличские акты (1400–1749 гг.)» [23].

Мифологическая лексика связана с традиционной культурой русского народа и отражает его представления о мире, обусловленные верой людей в разных существ, приписывании этим существам сверхъестественной силы и наделении их необычными, иногда волшебными, свойствами для объяснения миропонимания. Интересно, что даже у современного человека в речевом поведении и при трансляции некоторых представлений о каких-либо труднообъяснимых явлениях сохраняются попытки обращения к наименованиям вышеупомянутых существ (чертыхнуться, что за чертовщина, бес вселился, седина в бороду – бес в ребро и т.п.). Мифологический код, свойственный русскому народному сознанию, проявляется не столько в собственно мифологической лексике, представленной в языке, но и в наличии антропонимов и топонимов, происхождение которых мотивировано мифологическими персонажами или представлениями об их особенностях и действиях. В этом аспекте некоторый интерес могут представлять не только известные литературному языку лексемы, но и диалектизмы, положенные в основу имен собственных и отражающие региональные представления человека о мифических существах и их функциях на разных территориях.

Антропонимы являются «свидетелями» определенных тенденций в выборе имен в том или ином регионе, следовательно, мифологические антропонимы могут дать представление о верованиях людей на разных территориях, о разнице в восприятии мифических существ и их способностей в разные исторические периоды. Частотность упоминания определенных персонажей мифов свидетельствует о значимости существа на той или иной территории. Безусловно, сходные тенденции могут наблюдаться в разных регионах России, например, отражение системы мифологических представлений в народном сознании, степень представленности тех или иных существ в именах. И. А. Кюршунова анализирует в этом аспекте номинации, мотив которых связан с названиями мифологических персонажей, обусловленные пожелательной или охранной функциями, рассматривая их как «скрытый мифологизированный текст» [13; с. 55]. По мнению исследователя, они обладают наиболее высоким охранительным потенциалом. Семейный социум в таком случае, по мнению автора, является главной сферой появления и функционирования антропонимов-мифологем [13; с. 54]. О. А. Черепанова пользуется двумя терминами «мифологема» и «мифологическая лексика», при этом под мифологемой она понимает «слова, служащие обозначением мифологических понятий» [23; с. 8]. Однако мы не возьмем на себя смелость говорить об антропонимах-мифологемах, а скорее, будем подразумевать наличие мифологического кода как составляющей мифа в мотивировочном признаке, положенном в основу некоторых зафиксированных нами антропонимов, используя в статье термин мифологические имена. На наш взгляд, предположения о внутренней форме слова особенно при наличии множественной мотивации имен собственных не дают основания говорить об антропонимах-мифологемах, поскольку мы подразумеваем под последним термином скорее культурологические, нежели лингвистические представления об универсальности, символичности и архетипичности понятия, характеризующегося проявлением коллективного бессознательного. Именно региональная составляющая русского языкового сознания и различные интерпретации происхождения антропонимов, в том числе гипотетического характера, позволяют говорить скорее о мифологической мотивировке, о мифологическом коде в семантике антропонима. Применительно к мифологеме чаще имеют в виду этническую, региональную специфику, так как конкретное воплощение мифологемы испытывает влияние национальной картины мира [12; с. 14].

В исследовании мифологических антропонимов неподдельный интерес вызывает не только статистическая информация, касающаяся частотности упоминаний того или иного мифологического персонажа при образовании антропонимов, количества вариантов имен собственных, но и собственно региональный компонент, демонстрирующий уникальные особенности территории, проявляющиеся через имя собственное.

В антропонимиконе Ярославля XVII в. нами зафиксированы следующие группы мифологических имен, как правило, патронимов: аппеллятивы, восходящие к названиям персонажей христианской мифологии, связанные с языческими мифологическими персонажами, в том числе персонажами низшей демонологии. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Одним из интересных, на наш взгляд, патронимов, является номинация Китоврасов. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского зафиксированы имена ярославских помещиков Богдана и Неклюда Китоврасовых [2; с. 141]. В структуре именованья выделяется патроним Китоврасов, образованный от личного имени отца Китоврас, которое в свою очередь восходит к названию мифического персонажа, представляющего собой гибрид человека и, как правило, коня / осла, хотя на некоторых изображениях ноги китовраса оканчиваются не конскими копытами, а звериными лапами с когтями, а хвост может быть как конским, так и львиным. По мнению И. И. Срезневского, слово китоврасъ является славянизированной формой греч. ‘кентавр’ и встречается в древнерусском языке с XIV в. [21; ст. 1210], хотя этот образ пришёл в русскую культуру из христианских апокрифических преданий, 12 изображений этого существа сохранились от домонгольского периода. Имя Китоврас было зафиксировано в Дворовой книге Ивана Грозного. Так, среди бояр, служивших в середине XVI в. по Владимиру числится «Китоврас Иванов сын Кузьми[н]ского», а также его дети «Михайло — умре — да Иванько, да Меншик». Китоврас Иванов сын в крещении носил христианское имя Варфоломей и являлся наследником старинного родового вотчинного села Кузьминского в Юрьев-Польском уезде. Изображения китоврасов присутствуют в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси, в том числе в составе экстерьерной декорации последнего в числе домонгольских храмов Северо-Восточной Руси Георгиевском соборе (1234 г.) в Юрьев-Польском. Следует отметить, что в образе китовраса – амбивалентного персонажа апокрифических нарративов и храмовых рельефов – «обличены» тема премудрости, тема данной Богом власти и тема Иерусалимского Храма, связанные с образом царя Соломона-храмостроителя. Амбивалентность китовраса проявляется в сочетании как отрицательных качеств, характерных для демонического существа, пособника сатаны, так и положительных, репрезентующих идеи «богоугодной власти» и «праведного властителя» [5; с. 253]. В древнерусской традиции китоврас был символом мудрости и ассоциировался с княжеской властью. Неслучайно это имя было распространено среди представителей высших сословий.

В современной языковой традиции до сих пор частотными являются фамилии, в основе которых лежат упоминания чёрта и бесов как демонических существ славянской мифологии. В русском антропонимиконе Ярославля XVII в. мы находим патронимы Бѣсов (во дв. Дмитрий Михайлов сынъ Бѣсов бою копе [7; с. 339] = дв. Дмитрея Бѣсова [10; с. 563]. Следует отметить, что Н. М. Тупиков фиксирует имя Бѣсъ: Ѡедко Бѣсъ, крестьянинъ Городенскаго погоста. 1495. Писц. I, 252. Бѣсъ, холопъ въ Ситенскомъ погостѣ. 1495. Писц. I, 559. Срв. Бѣско. Бѣсокъ [22; с. 135]), Чертовской (Ивашка Михайлов сынъ Чертовской [6; с. 168]; по другим территориям, сегодня входящим в состав Ярославской области, ср.: 1) Чертов Иван, кр-н старожилец, «муж» на разъезде в Пошехонье [1; с. 244]; 2) Федоръ Злоба Дмитриевъ сынъ Чертов = Злоба Дмитриевъ сынъ Чертова + Пополить Квашня Дмитриевъ сынъ Чертова (1505—1506) [24; с. 113]); Чертанов (земля Ивана Чертанова [9; с. 24]; ср.: Чертанов Иван Федорович, 1563, Ярославль [4; с. 543]. Следует отметить, что Е. Н. Полякова возводит «фамилию» к прозвищу Чертан, связанному «с прозвищем Черт или глаголом чертать ‘браниться, ругаться, поминая черта’» [17; с. 418]. И. М. Ганжина, приводя в своих работах патронимы Чертин, Чертков, Чертов, Черток, Чертолин, говорит о высокой степени распространенности на Руси нехристианского личного имени Черт и производные от него (Чертя, Чертко, Черток, Чертол и др.): «Подобные прозвищные имена и фамилии от них отмечены на разных территориях» [4; с. 542].

В языковом сознании русского человека XIX века с именованьем чёрта были связаны такие лексемы, как «нечистый, некошный, черная сила, сатана, диавол, лукавый, лukanька,

шайтан, шут, шиликун, шиш, шишига, отяпа, хохлик» [11; с. 545], которые нашли отражения в русских антропонимах и топонимах. Безусловно, такой богатый синонимический ряд в наименовании одного мифического существа свидетельствует об обобщенном характере наименования черта и об отсутствии индивидуальных особенностей других демонических персонажей: «в народной демонологии границы персонажных типов оказываются менее определенными, более подвижными, специализация образов — слабо разработанной, а нечистая сила предстает как некое множество безымянных духов со сходными общими признаками и функциями. Например, близки в этом отношении к полесской традиции демонологические поверья Русского Севера, где точно так же размыты границы между отдельными персонажами, а вся нечистая сила представляется как множество однотипных по своим характеристикам духов, объединенных общим названием черти, бесы (или именуемые местными терминами — шишки, анчутики, ичетики, кузутики, хохлики, кулеши и т.п.)» [3; с. 74].

Кроме именовании, известных литературному языку, в основу антропонимов положены менее распространенные названия черта, например, в ярославских источниках находим патроним Хохликов (от Хохлик) (<лавки в суконном, скорнячном и шапочном ряду> Богдашка Хохликова [16] = дв. посадцово человѣка Богдана Троѳимова сына Хохликова — а у него дѣти Гришка да Ивашко [6; с. 99] = Богдан Хохликов [6; с. 219]; дв. гостиные ж сотни Григоря Хохликова стоит пусть, он съѣхал к Москве [8; с. 396]); прозвище Шишь («И по ихъ челобитью обыскные рѣчи посланы къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ и по обыскѣ того государь прошло 127 году, какъ стоялъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ Серской волости, Якушко Шишь съ польскими и литовскими людьми и съ русскими воры и с казаки» [20; с. 374]); прозвище Шишка, патроним Шишкин (1) во дв. Макарко Шишка работной человѣкъ сыном Сенкою бою копе [7; с. 353] = во дв. Марко Шишка работной человѣк с сыном Семеном бою у них копье [8; с. 475]; 2) Спаского Еѳимка Шишкина <в мясном ряду> [16] = Спаского монастыря Оѳимка Шишкина <в сырейном ряду> [16] = во дв. Ортемеи да Яким да Илья да Еуѳимъ <=Елѳим Шишкин> Лукяновы дѣти Шишкины, у Якима дѣти Васка да Ѳедка [6; с. 239]; во дв. Алешка Шишкин у нег 2 сына Корнилко 11 годовъ, Васка 8 годовъ у них бою пищал [8; с. 424]); прозвищное имя Шишуля (дв. Иван Евдокимов Шешуля [6; с. 295] = во дворенке Ивашко Шишуля [8; с. 445]).

Следует отметить, что И. М. Ганжина рассматривает патроним Хохликов в одном ряду с фамилиями Хохлаков, Хохланов, Хохлатов, Хохлачѣв, Хохлов, Хохловкин, Хохлушин, хохолков, Хохряков: «В основе фамилий (за исключением последней) отчества от прозвищ Хохлак, Хохлан, Хохлатый, Хохлач, Хохлик, Хохол, Хохловка, Хохлуша, Хохолок. Возможно двойное их объяснение: так могли прозвать косматого, нечесаного человека или имеющего хохол, чуб на голове. Кроме того, прозвища могут быть связаны с глаголом хохлиться — ‘хмуриться, сидеть надувшись, съезжившись, сторбившись’» [4; с. 518]. Однако в этом случае нам оказывается близка точка зрения И. А. Кюршуновой, стремившейся в иерархии мотивов именовании мифологический компонент поставить на первое место [13; с. 60], следовательно, можно предположить, что хохликом стали называть человека на основе его сходства с неприятной внешностью черта (перед нами тогда пример вторичного переосмысления наименования, положенного в основу антропонима).

И. М. Ганжина, систематизируя в словарной статье фамилии, связанные с нехристианскими личными именами Шеша, Шешка, Шешук, Шешун, Шишага, Шишай, Шишиган, Шишига, Шиша, Шишка, Шиш, Шишуй, Шишура, указывает на их функцию: «были даны с профилактической целью уберечь ребенка от действия злых сил, от сглаза», приводя диалектные слова шишка, шешка, шиш, шишко, шишига, означающие ‘бес, черт’, ‘нечистая сила’ [4; с. 567–568]. При этом исследователь отмечает, что возможны и другие признаки, положенные в основу имен собственных, например, упоминаются и древнерусское слово шиш в значении ‘разбойник, грабитель’, и диалектные глаголы шишать, шишить, шишкать, шишлять — ‘копаться, мешкать, лениво, неловко что-то делать’ и другие версии. Однако стоит отметить, что во всех предлагаемых вариантах мотивировочного признака усматривается не-

гативная коннотация в семантике, так или иначе отсылающая к возможному желанию человека уберечь ребенка от злых сил. Гипотезы в пользу соотнесения указанных антропонимов с разными явлениями окружающей человека действительности мы находим и у других исследователей: «Фамилия связана не только с собиранием шишек или с наростом на теле. Прозвище Шишка могло пристать и к высокому человеку, и к шалопаю, бездельнику. Нельзя также забывать, что шишка, шишко, шиш, шишига — обозначение чертей, бесов, домовых, всякой нечистой силы. В этом смысле Шишигин, Шишкин, Шишков, Шишмарёв, Шишов — однофамильцы, получившие в наследство охранительную, или магическую фамилию [15; с. 445].

Предположения о том, что в основе ярославских антропонимов XVII в. могли лежать именованья языческих мифологических персонажей, можно выдвигать по отношению к следующим патронимам: Чюров / Чурин (Степки Чюрова <в юхотном ряду> [16]; во дв. Ивашко Чюрин у него брат Константин 16 лѣт бою у них пишал [8; с. 469]; во дв. вдова Даря Чюрина нищая [8; с. 472]); Чурановъ (монастырской пушкаръ Петрушка Оѡнасьевъ, сынъ Чюрановъ [19]). Так, фамилии Чурин/ Чуров А. Г. Мосин не рассматривает, но предполагает, что форма Чурка (Чурко) могла быть производной от имени Чур, обычно связываемого исследователями с языческими верованиями славян [15; с. 445].

Среди языческих мифологических персонажей низшей демонологии, мотивирующих антропонимы Ярославля, можно упомянуть следующие: патроним Злыднєвь (слушка Ондрюшка Еремѣевъ сын Злыднєвь у нег дѣтеи Ивашко да Купряшка да Данилко да Якунка [6; с. 233]), патроним Бабаев / Бобаев (охотникъ Тренка Бабаевъ [9; с. 13] / дв. ямщика Олешки — у него братъ Ларка Третьяковы дети Бобаева). Патроним Злыднєвь можно мотивировать словом злыдни /злыдень: «Персонифицированные злыдни ← злы(е) дни приносят с собой вечную нужду и беды. Они сидят под печкой, но, выходя оттуда, суются во все хозяйственные дела, забирая и портя добро <...> Слово злыдень ‘злой человек’ образовалось, вероятно, как форма единственного числа от злыдни: злы(е) дни→злыдни→злыдень» [14]. Объяснение для патронимов Бабаев, Бабайцев находим в словаре И. М. Ганжиной: «из отчеств от прозвищ Бабай, Бабаец, восходящих к тюркскому бабай — ‘дед, старик’; иногда бабаем пугают детей. Это слово широко распространено в речи жителей Поволжья и Урала, а в старину нередко употреблялось в качестве личного имени [4; с. 38].

Таким образом, даже немногочисленные примеры антропонимов Ярославля XVII в. свидетельствуют о представленности мифологического кода в мотивировочных признаках, вызвавших появление некоторых некалендарных имен собственных. Дальнейшее подробное их рассмотрение поможет уточнить место ярославских антропонимов в русском ономастике и сделать выводы об общерусских и региональных тенденциях в формировании системы имянаречения.

Библиографический список

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. (АСЭИ): [в 3-х т.]. Т. 1: [Акты из архива Троице-Сергиева монастыря]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 804 с.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.
4. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТ: Астрель, 2001. 670 с.
5. Гладкая М. С. Кентавры в резьбе Дмитриевского собора во Владимире: осмысление образа // Археология Владимиро-Суздальской земли. 2015. № 5. С. 245–255.

6. Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.) книги переписные переписи Тимофея Алексеева Собакина и подьячего Ильи Кирилова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 77–240.

7. Город Ярославль. 7177 (1668 г) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 241–372.

8. Город Ярославль. 7178 г. (1669 г.) книги переписные Ярославлю городу // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 373–490.

9. Город Ярославль. 7179. (1621 г.) список с писцовой и межевой книги // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 11–364.

10. Город Ярославль. 7179. (1671 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. Стлб. 491–584.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.]. Ч. 4. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. 680 с.

12. Круталевич А. Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 10–21.

13. Кюршунова И. А. Антропонимы-мифологемы в региональном ономастиконе XV–XVII веков // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 54–69.

14. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / (сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

15. Мосин А. Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 2000.

16. Перечневая опись города Ярославля 1630 года // Ярославские губернские ведомости. 1861. Ч. Неоф. № 1–45.

17. Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 462 с.

18. Семенихина М.В. Мифологема как понятие и термин: к вопросу об определении // Перевод. Язык. Культура: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 180–184.

19. Список с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подьячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 3: Выписки из писцовых и переписных книг. М.: Синодальная типография, 1896. С. 1–85.

20. Списокъ съ челобитной на Ивашка Пашина // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. М., 1892. С. 374.

21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. 1420 стб.

22. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб: тип. И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.

23. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

24. Угличские акты (1400–1749 гг.) / С. Шумаков. М.: Унив. тип., 1899. 236 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Гапонова Жанна Константиновна,
кандидат филологических наук,
декан факультета русской филологии и культуры,
доцент кафедры русского языка
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
SPIN-код 9005-6469;
e-mail: jangap1@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna,
PhD in Philology,
Dean of the Faculty of Russian Philology and Culture, Associate Professor of the Department of Russian Language
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
SPIN-code 9005-6469;
e-mail: jangap1@mail.ru

УДК 811.161.1'373.21(470.332)

И.А. Меркулова
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: igell@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ ПРОЗВИЩЕ У ГОРОДА?

В статье рассматривается проблема вторичных (неформальных) наименований городов, функционирующих в разговорной речи их жителей и в интернет-пространстве. Рассматриваются основные характеристики прозвища и делается вывод о необходимости различать гипокористическое наименование и прозвище города. Приводятся примеры образования обеих групп неформальной номинации астионима (собственного имени города).

Ключевые слова: прозвище, топоним, астионим, русский язык

I.A. Merkulova
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: igell@yandex.ru

DOES A CITY HAVE A NICKNAME?

The article examines the problem of secondary (informal) names of cities that function in the colloquial speech of their residents and in the Internet space. The main characteristics of a nickname are considered and a conclusion is made about the need to distinguish between a hypocoristic name and a nickname of a city. Examples of the formation of both groups of informal nomination of an astionym (proper name of a city) are given.

Keywords: nickname, toponym, astionym, Russian language.

Прозвище как элемент ономастической системы издавна привлекает внимание исследователей, хотя до сих пор ведутся дискуссии относительно статуса и определения этой единицы. В статье [4], исследуя прозвища публичных людей, мы проанализировали основные черты сходства и различия имени человека и его прозвища, а также сопоставили прозвища с другими неофициальными антропонимическими номинациями.

Действительно, специалисты в области ономастики определяют прозвище в первую очередь как вторичный антропоним. Приведем некоторые дефиниции этого термина. В толковом словаре: «ПРОЗВИЩЕ, -а; ср. Название, **данное человеку** в шутку, в насмешку и т.п. (обычно содержащее в себе указание на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности и т.п.). *Обидное п. Дать п. кому-л. Иметь п.*» [1, с. 1009]. Прозвище, согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, – это «дополнительное имя, **данное человеку** окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по происхождению и другим мотивам» [5, с. 115]. В специальных исследованиях можно обнаружить и другие определения. «Прозвища - слова, **даваемые людям** в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [7, с. 5]. По определению Д.О. Дешковец, «прозвище – это неофициальное, альтернативное **имя человека**, которое он получает в определенном микросоциуме и которое указывает на его отличительные характеристики, обстоятельства в его жизни, происхождение или формируется по какой-либо аналогии и другим мотивам» [3, с. 97].

Таким образом, в специальной литературе прозвища как способ вторичной неофициальной номинации приписываются исключительно человеку, однако широко распространенные употребления *Питер* вместо Санкт-Петербург, *Ебург* (*Ёбург*) *ЕБК*, вместо Екатеринбург, *Нижний* вместо Нижнего Новгорода, *Бэбск* вместо Борисоглебск, *Злотоглавая*, *Столица* вместо Москва и многие другие позволяют поставить вопрос о наличии прозвища и у топонимов. Чтобы его решить, необходимо определить основные признаки прозвища.

1. Неофициальный характер. Любое прозвище является вторичной номинацией, функционирующей в неформальной коммуникации. Прозвища не входят в официальную структуру именования, не имеют письменной фиксации, точнее фиксируются лишь в устно-письменной форме в интернет-общении. Однако неофициальный характер имеют и другие вторичные наименования: уменьшительно-ласкательные (непаспортные, неполные) формы имен собственных. Если провести аналогию с антропонимами, то в номинациях, *Новосиб* (Новосибирск), *Ижик* (Ижевск), *Йошка* (Йошкар-Ола), *Челяба* (Челябинск), *Владик* (Владивосток) и других можно увидеть именно такие гипокористические формы. Когда мы называем Алексея Лёхой, вряд ли это можно считать прозвищем. Так и с топонимами. Сокращение (усечение) полного официального наименования города (*Екат* – Екатеринбург, *Новосиб*, *Сиб* – Новосибирск, *Апачи* – Апатиты, *Влад* – Владивосток, *Комса* – Комсомольск-на-Амуре, *Красный* – Краснодар, *Липа* – Липецк, *Маха* – Махачкала, *Кандала* – Кандалакша, *Сар* – Саранск, *Севск* – Североморск, *Череп* – Череповец, *Ярик* – Ярославль) и другие – это и есть неформальные варианты официального названия, которые используются преимущественно в результате действия закона экономии речевых усилий.

2. Специфическая семантика, включающая в себя номинацию и мотивацию. Использование прозвища имеет коммуникативную установку: оскорбить, подшутить, посмеяться, поиграть.

3. Наличие коннотации (эмоционально-экспрессивной окрашенности). Как и прозвища человека, прозвища городов должны иметь позитивную и негативную окраску, давать неодобрительную и пренебрежительную характеристику, демонстрировать шутливое и ироничное отношение. Так, именование города Эссентуки *Клизмоградом* говорит о добром отношении к объекту номинации и намекает на основную специализацию этого курорта – лечение желудочно-кишечных заболеваний.

Мы отчистим вмиг от яда

Мозг, кишки и кошелек,

Приезжайте – будем рады

В Клизмоград хоть на денек! (М. Федоренко <https://stihi.ru/2005/09/05-57?ysclid=m6rsjrtlah161132275>)

Хотя не только Эссентуки, но и другие города Кавказских Минеральных вод так иногда называют. А вот обозначение столицы нашей страны *Масквабадом* и *Масквэ* выдает скорее осуждение и пренебрежение. Репрезентация оценки происходит посредством языковой номинации оцениваемых объектов, отражающей различные аспекты экономической, политической, социальной и духовной жизни общества.

4. Локальность. Наличие прозвища у города – факт необязательный, а скорее факультативный, хотя эта необязательность может быть связана с незнанием, так как прозвище города – плод коллективного творчества носителей языка, имеющих к нему отношение, живущих или бывавших в нем. Конечно, если вдуматься, то можно понять, что *Минус* – это Минусинск, а *Кузня* – это Новокузнецк. Но с такими топонимами, как *Край*, *УУ*, *Три шурупа* и *Убахобо* не так просто разобраться.

Проанализированные нами номинации имеют достаточно признаков прозвищного наименования, следовательно, сам термин «прозвище» нуждается в корректировке. Один из вариантов был обнаружен нами в диссертации М.Ю. Стрельцовой, которая расширяет употребление термина «прозвище» до понятия «прозвищное именование» (ПИ). К ПИ в зависи-

мости от называемого объекта (денотата) относятся ПИ лиц (антропонимические ПИ), ПИ животных (зоонимические ПИ), ПИ географических объектов (топонимические ПИ), ПИ предметов материальной культуры (прагматонимические ПИ) и ПИ событий (эвентонимические ПИ). Каждый денотативный тип имеет свою функциональную, семантическую и стилистическую специфику [6].

По точному замечанию В.В. Громовой, «прозвища интересны как в семантическом, так и в стилистическом плане. Причины возникновения каждого из прозвищ индивидуальны, субъективны» [2, с. 32], но способы возникновения поддаются систематизации и исчислению.

Собранный нами материал позволяет говорить об основных моделях образования прозвищ городов:

а) суффиксация (*Альметка* – Альметьевск, *Архара* – Архангельск, *Барнео* – Барнаул, *Катюха*, *Катька* – Екатеринбург (одновременно с сокращением), *Новчик* – Новочебоксарск, *Новочек* – Новочеркасск, *Мурик* – Мурманск, *Воронежск* – Воронеж, *Тамбовск* – Тамбов, *Улановка* – Улан-Уде, *Орешек* – Орехово-Зуево, *Павлик* – Павловский Посад, *Хабик* – Хабаровск, *Черепок* – Череповец (одновременно с сокращением));

б) аббревиация (*ЕКБ* – Екатеринбург, *СПБ* – Санкт-Петербург, *МСК* – Москва, *Че* – Челябинск, *РНД* – Ростов-на-Дону). На самом деле, аббревиатуры здесь нет, так как используются только буквы единичного наименования. Подобные сокращения широко используются в официально-деловом стиле (например, при покупке железнодорожных и авиабилетов в систему поиска уже заложены такие сокращенные наименования городов). В качестве варианта этого способа можно отметить распространенную в сети так называемую расшифрованную аббревиацию (*ЭСПЭБэ* – Санкт-Петербург, *ВЭРЭНэ* – Воронеж, *НиНо* – Нижний Новгород, *ПЭТЭЗэ* – Петрозаводск);

Этот способ очень популярен, в сети удалось обнаружить визуальное подтверждение (см. рисунок)

в) контаминация (*Ижмурдск* = Ижевск+Удмуртская республика, *Гомск* = Город + Омск, *Барнеаполь* = Барнаул+Неаполь);

г) обратное калькирование (*Гринтаун* – Зеленоградск).

Помимо грамматических используются и иные способы образования прозвищ. Например, *Тулу*, известную своими пряниками и самоварами так и называют *Пряник* и *Самоварск*. Уфа носит прозвище *Три шурупа*, так как написание столицы Башкирии на башкирском – ӨФӨ – напоминает по виду шляпки трех закрученных шурупов). Тольятти, как крупнейший

центр отечественной автомобильной промышленности, называют *Автоградом*. Чтобы, видимо, не было путаницы Великий Новгород именуют *Ненижний*. Ономатопея (созвучие) используется при обозначении города Весьегонска в Тверской области, который называют *Сайгон* – одно из названий вьетнамского Хошимина. *Глазго* – это не город в Шотландии, а город в Удмуртии Глазов, а *Камерун* – не африканское государство, а город Кемерово. Владикавказ то ли на французский, то ли на кавказский манер иногда именуют *Орджоб* (от старого названия народа Орджоникидзе). Кстати, использование старых топонимов также популярное средство обозначения города. Например, *Кёниг*, *Кёнигсберг* – Калининград, *Вятка* – Киров, *Симбирск* – Ульяновск, *Свердловск* – Екатеринбург. Обозначение города Кисловодска через прилагательное *Кислый* также можно считать прозвищем, так как изменяется форма части речи и указывается отличительный признак города – наличие минеральных кислых вод.

Самые интересные прозвища, на наш взгляд, у Иваново. Это или Город невест (из-за традиционного текстильного производства и большого количества ткацких фабрик, на которых работают преимущественно женщины) или Убахобо (УВАНОВО), если прочитать название города в латинской транскрипции. Здесь и образность, метафоричность, и шутка.

Таким образом, для того чтобы быть прозвищем города, номинативная единица должна иметь указание на какую-л. заметную черту этого города, а поэтому может совпадать с апеллятивом или антропонимом. Наличие эмоционально-эспрессивной окрашенности также является важным признаком топопрозвища. Прозвища городов отражают не только усиленное влияние жаргонной и разговорной речи, особенности коммуникации в виртуальном пространстве, а также высокую степень социальной активности населения, создающего посредством таких номинаций общественное мнение о городе. Официальные топонимы устойчивы и мало подвержены изменениям, в то время как топопрозвища передают многообразие отличительных признаков объекта в экспрессивной форме. Неофициальные вторичные наименования городов отражают ментальность и характер, традиции и обычаи.

И ответ на вопрос, вынесенный в название статьи, безусловно, положительный, однако необходимо, на наш взгляд, различать среди неформальных номинаций городов неполные формы астионимов, не являющиеся прозвищами, и собственно прозвища.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. Громова В.В. Прозвища в романе «Тихий Дон» // Русская речь. 1980. №3. С. 31-37.
3. Дешковец Д.О. Прозвища как особая группа антропонимов в русском, французском и английском языках (на материале прозвищ политических деятелей) // Материалы 60-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск. 2022. С. 97-98.
4. Меркулова И.А. Прозвище как оскорбительный антропоним // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). Москва: ООО «Союзкниг». 2023. С 216-223.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
6. Стрельцова М. Ю. Прозвищные именованья в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели). Автореф. дисс....канд.филол.наук. Владивосток. 2010. 32 с.
7. Чичагов В. К. История русских имен, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959. 128 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Меркулова Инна Александровна,
доктор филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики,
Воронежский государственный университет,
SPIN-код 1672-9584
e-mail: igell@yandex.ru

Merkulova Inna Aleksandrovna,
Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of
Theoretical and Applied Linguistics,
Voronezh State University,
SPIN-code 1672-9584
e-mail: igell@yandex.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ***NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE***

УДК 811.161

В.М. Калинин

Донецкий государственный педагогический университет
(Горловка, ДНР, Российская Федерация)
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ И ПОЭТИКА СПИСКОВ И ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ ИМЁН

На материале рассказа А. Грина «Жизнеописания великих людей» рассматривается поэтика репрезентативных собственных имён, представленных в литературно-художественном тексте как списками, так и использованных вне списков. Хаос «списочного состава», разрозненность и алогичность перечня поэтонимов в сочетании с аллюзиями и реминисценциями порождают эффект иронического отношения и, в конечном итоге, сатирической оценки происходящего.

Ключевые слова образ, перечень, поэтоним, репрезентативное имя, содержательность, список.

V. M. Kalinkin

Donetsk State Pedagogical University
(Gorlovka, DPR, Russian Federation)
e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

THE CONTENT AND POETICS OF LISTS AND ENCUMBRATIONS OF NAMES

Based on the story by A. Greene "Biographies of Great People", the article examines the poetics of representative proper names, presented in literary texts both as lists and used outside of lists. The chaos of the "list composition", the disunity and illogicality of the list of poetonyms in combination with allusions and reminiscences generate the effect of an ironic attitude and, ultimately, a satirical assessment of what is happening.

Keywords: image, list, poetonym, representative name, content, list.

*Бессонница, Гомер, тугие паруса...
Я список кораблей прочел до середины...
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.
О. Мандельштам*

О том, что списки собственных имён (поэтонимов в литературно-художественных текстах) обладают потенциальной энергией информации, содержащейся в каждом из имён в отдельности и выразительной совокупной поэтикой списков, говорилось издавна. Надо сказать, что в поэтономологии или литературной ономастике, как её традиционно именуют представители воронежской ономастической школы, давно назрела необходимость всестороннего осмысления и теоретических выводов, касающихся методологии исследования как конкретных списков онимов, функционирующих в художественной литературе, так и роли приёмов «каталогизации» в превращении фигур и тропов, опирающихся на перечисления, в традиционное средство риторики, поэтики и стилистики. Предусмотренный параметрами предстоящей публикации объём статьи, увы, лишает возможности сделать это в полной мере, однако и оставить описываемый материал без каких-либо обобщений и предположений теоретиче-

ского характера было бы непростительно.

Сегодня определённая база теоретических выкладок и конкретных наблюдений уже существует. С особой выразительностью представлена она в книге Умберто Эко «Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов» [4]. Почти одновременно с появлением её в переводе на русский язык автор сообщения опубликовал первый свой опыт анализа списков поэтонимов в творчестве А. С. Пушкина [2]. Сделано это было ещё до знакомства с монографией У. Эко под влиянием материала, исследовавшегося тогда для осмысления свойств не отдельных поэтонимов, а их совокупностей в пределах художественного произведения: на горизонте “маячила” идея исследования свойств поэтонимосфер. А термин *поэтонимосфера* проходил апробацию в формате вначале синонима к *ономастическому пространству*, а затем полноценного понятия.

Знакомство же с монографией У. Эко не только подтвердило правильность избранного вектора размышлений, но и познакомило со спектром иных направлений осмысления и интерпретации результатов изучения функций поэтонимов, оформленных перечнями. Так число аналитических процедур и операций, кроме уже проверенных, – поиска оснований для объединения конкретного множества в список, выявления причин размещения имён в нём именно в данной последовательности, оценки перлокутивной эффективности перечня, роли в оформлении эстетической целостности произведения и т.д. – пополнилось ясно очерченными и прекрасно проиллюстрированными установками на поиск явлений и установление сущности ценностей иного порядка. К ним должны быть отнесены закономерности культурного развития, роль систематизирующих и упорядочивающих перечней, списков, каталогов проприальных единиц в творчестве писателей и поэтов как средств, формирующих специфические черты идиостилей художественной речи и т.д., и т.п.. Иными словами, стало очевидным, что любое явление в поэтике собственных имён можно считать основательно изученным теоретически лишь после того, как будет выяснена его сущность в расширяющихся контекстах – от минимальных до лосевского “контекста как принципа”.

Переход к рассмотрению исследуемого явления в тексте художественного произведения предполагает процедуру представления. Итак, рассказ А. Грина «Жизнеописание великих людей» был опубликован впервые в 1913 году в журнале «Солнце России» №51, затем с многочисленными изменениями в 1916 году 5 (18) мая напечатан в литературном приложении к газете «Петроградский листок» [3: с. 492-493]. Далее рассказ был включён писателем в список произведений для собрания сочинений издательства «Мысль». Чтобы быть до конца уверенным, что все эти переработки и перепечатки не коснулись изучаемых перечней поэтонимов необходимо, конечно, все их тщательно исследовать. Однако в данном случае ограничимся версией рассказа, опубликованной в собрании сочинений 1980 г. [1: с.464–471].

В рассказе описаны три происшествия. Топос первого – трактир. Хронос – случайное знакомство выпивающих за соседними столиками персонажей, а потом ... диалог, в одной из реплик которого перечисляются “великие мира сего”. Произносит перечень главный персонаж – Фаворский – сын кладбищенского дьячка, изгнанного из семинарии “за непочтение к Авессалому”, поочерёдно поэт, романист, изобретатель, художник, кормящийся “чёрной канцелярской работой присутственных мест”, но ... безработный: “Валентин Прокопиевич Фаворский, сын диакона, а служу... сейчас я не служу, без места”, – представляется он. Выслушивает список Чугунов – торговец лесом, “крутой” едок, и “выпить гораздый” любитель “самой лакомой сладости, нежного пола”: “– *Человек, – грустно и важно сказал Фаворский, проливая водку, – человек, – знаешь ли ты, что были Рафаэль, Наполеон, Дарвин, Байрон, Диккенс, Толстой, Ницше и прочие? – Некоторых слышал. – Они – люди. – Все конечно*” [1: с. 466].

Прежде, чем говорить о свойствах самого перечисления, имеет смысл обратить внимание на то, как А. Грин буквально двумя следующими репликами характеризует участников диалога – произносившего и слушавшего: “– *Брат мой!* – вскричал Фаворский, – *ты и я – во тьме. Но там... там, у них, сколько света, гения, подвигов, божественного восторга! Лучезар-*

ность! И слава! И высокое... выше горного снега! Вот образец! – Сумнительно. Потому они, хотя и высоко летают, иначе было всего. – Как – всего? – А так. Водку пили... ну, вино, один черт, в карты играли и женщинами баловались. – Вы глупый, Чугунов, очень глупый. – Величия души не имею. Душа у меня, так говоря, тесная, с подковырцем. Зацепит за что – давай! А зацепок у меня не занимает стать” [1: с. 466–467]. Беллетрист Грин, как, по воспоминанию Э. М. Арнольди, представлялся писатель, был не только создателем страны романтиков, но и, несомненно, мастером реалистической прозы. Даже беглого взгляда на процитированные реплики достаточно, чтобы увидеть, как с помощью нескольких речевых акцентов персонажи не просто характеризуются, но решительно “разводятся”. Восторженности реплик Фаворского, наполненных лексикой “высоких” мелиоративных коннотаций, противостоит намеренно снижаемый просторечиями (*сумнительно, иначе, душа тесная, с подковырцем*) стиль проходимца от лесоторговли. Примечательно то, что процитированное “послесловие” к перечню, одушевлённому качеством иллокуции, вложенной в перечисление Фаворским (фамилия персонажа, кстати, восходит к лат. *favor* – ‘благосклонность, особое расположение’), окрашивается, вопреки ожиданию адресанта реплики, в целом пейоративной реакцией Чугунова (внутренняя форма фамилии ассоциативно намекает на “тяжёлый характер” адресата) на “список” репрезентативных онимов. Но всё эти оценки относятся к взаимоотношениям персонажей.

Но в процитированном перечне репрезентативных поэтонимов присутствует и “образ автора”. Это становится понятно не только в характере первого списка, но и в “раздельном” использовании имён “великих людей”, и в структуре ещё двух спонтанно, в азарте пьяной карточной игры выстраиваемых Фаворским перечислений. Вот, в первом перечне указаны: художник, император, учёный, поэт, два писателя и, наконец, философ. *Ирония* в случайности, хаотичности, беспорядочности перечисления. Оно “не собрано”... Единственным основанием для включения в список является эпитет “великие люди”, единственным обоснованием – интеллект недоучки-семинариста и, наконец, единственным фактором появления в поле внимания Фаворского – торговая политика издателей “четвертаковых книжек”. Заканчивается “трактирная сцена” рассказа “голосом автора”, в речи которого впервые актуализируется информация о референте репрезентативного имени: “Сбиваясь, путаясь и волнуясь, стал он рассказывать о жизни Леонардо да Винчи, восхищаясь непреклонным, независимым духом великого флорентийца. Чугунов слушал, вытывал и вздыхал” [1: с. 467]. Это

Во второй части рассказа, в которой новые знакомые: “присмотревшись друг к другу и блуждая из кабака в кабак, <...> пришли <...> к взаимному молчаливому соглашению. <...> Фаворский, подняв голову, увидел себя дома; на столе перед ним горела свеча, валялись медные и серебряные деньги, карты, а против Фаворского, скривив от жадности и усердия рот, сидел Чугунов, стараясь не разронять ползущие из хмельных пальцев карты” [1: с. 468]. – разворачивается сцена карточной игры случайных знакомых в жилище Фаворского... и открывается пространство для о н и м н о й и г р ы автора, поэтика которой строится на практически полном пренебрежении информацией о референтах репрезентативных поэтонимов. В ней первое диалогическое единство содержит (в реплике Чугунова) иное осмысление функции имён “великих людей”, а далее они становятся “разменной монетой”, чем-то отдалённо напоминающими нынешние цифровые.

Пьяный Фаворский вопрошает: “– Я слышу, вот лает собака... но где папаша? Где сестра Липа, девушка скромная, труженица... Где они, мещанин? – Где? – посмотрев в колоду, переспросил Чугунов, – а их вы сперва **Шекспиром** выгнали, опосля поддали **Бетховеном**, они не стерпели, ушли, значит, к соседям, боятся вас” [1: с. 468].

Вслед за этим Грин рисует искусно прерываемый умолчаниями диалог захваченных карточной игрой персонажей: “– **Лессинга!** – говорил Фаворский. – **Пять.** – **Семь.** – **Свифт и Мольер!** – Прикуп. **Четыре!** – **Очко.** **Жри.** – **Кого еще?** – **Байрон.** Нет, стой: полтинник. **Байрон, Наполеон, Тургенев, Достоевский и Рафаэль.** – **Много!** Сними! – Снял... **Рафаэля.** –

Ну, ладно. Мои: девять. – Моцарт! – Шесть! – Тэн! – Семь. – Стэнли и Спенсер! – Должно, англичане. Пять! – Два. Мещанин, ты дьявол! – Нет-с, Чугунов. Мы по лесной части. – Данте, Гейне, Шекспир! – Тебе сдавать. – А где, мещанин, водка?” [1: с. 468].

События и диалоги последней, третьей части рассказа происходят у свежевырытой могилы. Замыкая фабулу рассказа А. Грин в последний раз использует репрезентативно “обнулённую”, окончательно обесцененную онимию с единственной “морализующей” целью: *“Дик и яр был разошедшийся Чугунов. Под мышкой у него торчала пачка выигранных книжек. Деревянный помост шел мимо могилы. Поравнявшись с ней, Чугунов заглянул в дыру и сказал: – Похоронить разве?– Кого? – Я денег не жалею, – сказал, подбоченясь, Чугунов. – Что я выиграл, то это есть удовольствие. А? Могу я распорядиться? Фаворский, покачиваясь, молчал. – В яму! – вскричал Чугунов и, взяв пачку, швырнул ее в пасть земли. – Вот как есть мое имущество. Как звали-то их? – Г-гюго... – Ну вот: в дыру. А еще? – Гегель... – В дыру! – К-кант... – В дыру! А хочешь, я тебе часы покажу? – Х-хочу! – сказал, заливаясь слезами, Фаворский. – Всего хочу! Чаю, и жратвы, и пирожков! И водочки! И часов! И женщин! Голодный я! Милый! Поедем! А? – Что ж! – весело сказал Чугунов. – Прогулять разве десятку еще? Позабавил ты меня, Валентин...” [1: с. 468].*

Нужно заметить, что обсуждение проблем поэтики списка репрезентативных поэтонимов в прочитанном поэтонимологом рассказе А. Грина этим не заканчивается. За пределами обсуждения осталось множество вопросов, поставленных первичным анализом. Во-первых, не затрагивался вопрос о месте подобного приёма поэтики онимов, построенной на “обнулении” их семантики, в творчестве писателя в целом. Сознательно обойдён вниманием вопрос авторских предпочтений и мотивов формирования первого перечня, ставшего отправной точкой и мотиватором для конструирования двух малых перечней и определения последовательности использования отдельных поэтонимов, не рассматривались вопросы обоснования художественного предназначения списков в связи с жанровой спецификой рассказа, не обсуждалось отличие “поэтических” списков от практических, отложены на будущее моменты взаимодействия списка и формы, последовательности расположения элементов в перечне и их роли в структуре эстетического целого произведения. Не осуществлена даже критическая оценка определения “хаос”, использованного в аннотации по отношению к данным перечням репрезентативных поэтонимов. Это допустимое сейчас умолчание также будет рассмотрено в большой работе, посвящённой поэтике перечней поэтонимов в обеих (реалистической и романтической) зонах творчества Александра Грина.

Библиографический список

1. Грин А. С. Жизнеописания великих людей // А. С. Грин. Собрание сочинений в шести томах. Том 3. М.: Издательство «Правда», 1980. С. 464–471.
2. Калинин В.М. Семантика имён и поэтика их перечислений // Λογος όνομαστική: науч. журнал / гл. ред. Е. С. Отин. 2009. №1(3). С.70–83.
3. Киркин Ю. Примечания. // Грин А. С. Собрание сочинений в шести томах. Том 3. М.: Издательство «Правда», 1980. С. 487–493. © Электронная публикация – РВБ, 2018-2023. Версия 1.0 от 13 января 2018 г.
4. Эко Умберто. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. М.: СЛОВО / SLOVO, 2009. 408 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Калинкин Валерий Михайлович,

доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и об-
щего языкознания,

Донецкий государственный педагогический
университет,

SPIN-код 1233-5177,

e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Kalinkin Valery Mikhailovich,

Doctor of Philological Sciences,

Head of the Department of Russian Language
and General Linguistics,

Donetsk State Pedagogical University,

SPIN-code 1233-5177,

e-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

УДК 821.161.1

Н.Б. Бугакова

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: ya_witch@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. ПЛАТОНОВА

В статье рассматриваются особенности формирования ономастикона художественной прозы А. Платонова, выявляется специфика употребления онимных единиц; отмечаются такие особенности ономастической лаборатории, как именование по прозвищу, апеллятивно-онимное взаимодействие и т.д.

Ключевые слова: А. Платонов, литературная ономастика, ономастикон, ономастическая лаборатория

N. B. Bugakova

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: ya_witch@mail.ru

INDIVIDUAL-AUTHOR'S FEATURES OF A. PLATONOV'S ONOMASTIC LABORATORY

The article examines the features of the formation of the onomasticon of A. Platonov's fiction, reveals the specifics of the use of onymic units; such features of the onomastic laboratory as naming by nickname, appellative-onymic interaction, etc. are noted.

Keywords: A. Platonov, literary onomastics, onomasticon, onomastic laboratory

Известно, что лексическая система языка, в которую входят в том числе и ономастические единицы, обладает большим потенциалом с точки зрения языковой репрезентации. Рассмотрение и систематизация ономастических единиц в художественном тексте необходимы, поскольку употребляемые автором онимы, кроме основной своей функции – создания художественного образа – способны эксплицировать и иную информацию, формирующую культурный фон произведения (автобиографическую, этнографическую, мифопоэтическую и т.п.). Как указывает основоположник Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалев, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, хронотопностью [11, с. 3-27]. По мнению С.А. Скуридиной, последовательно развивающей идеи Г.Ф. Ковалева, выбор автором онимов для художественного текста зависит в том числе «от воспроизведения мифопоэтической картины мира» и от возможности быть средством «вербализации авторского мифа» [14, с. 12], а в творчестве каждого писателя существует «ономастический код – особая система ономастических единиц, с помощью которой представлена автором и может быть выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через авторские онимы» [14, с. 12]; ономастический код уникален для каждого автора и способен «эксплицировать информацию о художественном образе, хронотопе, биографии и мифопоэтических константах» [15, с. 124]. Как видим, с одной стороны, воронежские исследователи указывают на универсальность факторов, влияющих на выбор онима для художественного текста, с другой стороны, принципы ономастического кода выявляют индивидуально-авторское своеобразие формирования авторского ономастико-

на.

Понимание замысла автора, создающего ономастическое пространство текста, является приоритетной задачей ученого, исследующего художественный текст с точки зрения литературной ономастики. Учитывая давний интерес к ономастике как науке со стороны ученых разных сфер, отметим, что исследование авторского ономастикона ведется с различных точек зрения: религиозной, философской, стилистической, семантической и т.д.

Предлагаемое исследование выполнено в традициях воронежской ономастической школы, основателем которой является Г.Ф. Ковалев, и призвано обобщить результаты анализа ономастической лаборатории А. Платонова, проведенного нами на материале художественной прозы писателя.

В наших исследованиях, посвященных выявлению и анализу модели ономастического творчества А. Платонова, комплексно рассматривался весь массив ономастических средств, отобранных на основе текстов художественной прозы писателя [1-6 и др.; 7, 9, 10; 8]. Проведенная работа позволяет говорить о том, что ономастическое пространство художественных текстов А. Платонова представлено как целостная система, находящаяся во взаимосвязи с другими уровнями художественного текста и выходящая за его пределы.

Формирование ономастического пространства художественных текстов А. Платонова осуществляется при помощи ономастических единиц всех типов. Однако необходимо отметить, что доминируют в ономастической лаборатории писателя антропонимы, выступающие в качестве одного из главных средств создания образа героя того или иного произведения, поскольку демонстрируют его «духовное и душевное строение» [16, с. 70] и отражают причастность персонажей к социально-политической ситуации; кроме того, антропонимы способны выступать маркерами характерных черт персонажа, по которым он легко идентифицируется в обществе. Отличительной особенностью антропонимикона А. Платонова является употребление одной и той же ономастической единицы для именованья персонажей разных произведений (напр., женский антропоним Мария). Подобная ситуация обусловлена автобиографизмом ономастической лаборатории писателя. Под автобиографизмом будем понимать стилистически маркированный литературный прием», состоящий в использовании «ситуаций, фактов» [12, с. 7]. Как правило, антропонимикон того или иного произведения формируется писателем на основе реального имени с учетом семантического потенциала ономастической единицы. Несмотря на это, анализ каждого имени собственного требует индивидуального подхода, поскольку для корректной интерпретации ономастической единицы в пространстве художественного текста важно учитывать исторический контекст и ономастические традиции в период создания того или иного произведения, а также особенности ономастической лаборатории писателя.

Популярными ономастическими моделями для формирования антропонимов персонажей являются традиционные для русской антропонимической системы модели *имя*, *отчество*, *имя+отчество*, *имя+отчество+фамилия*. По модели *имя* писателем выстраиваются, как правило, ономастические единицы, используемые для обозначения персонажа-ребенка. По модели *имя+отчество* именуется взрослые, как правило, вызывающие уважение; употребление модели *имя+отчество+фамилия* призвано отразить социальный статус персонажа. Именованье по модели *отчество* (обычно в просторечной форме) популярно в качестве женского антропонима; подобные употребления призваны подчеркнуть отсутствие у героини женского начала. Кроме того, возможны ситуации употребления наряду с именем ласкового прозвища, образованного при помощи диминутивных суффиксов от названия какого-либо представителя фауны. Таким образом реализуется зооморфное начало.

Говоря о формировании мужского антропонимикона в творчестве А. Платонова, отметим, что автором в этом случае используются ономастические модели *имя*, *имя+отчество*, *имя+фамилия*, *фамилия*, *имя+отчество+фамилия*. Употребление только имени (обычно в форме пейоратива) свидетельствует о небрежном отношении к персонажу как самого автора,

так и других героев произведения. Ономастические единицы, выстроенные по модели *имя+отчество*, обычно употребляются для демонстрации либо возраста, либо социального статуса персонажа. Именование по фамилии направлено на обозначение высокого общественного положения, занимаемой должности. Употребление зооморфных фамилий (Козлов, Медведев, Пухов) призвано подчеркнуть возможное «расчеловечивание» персонажа, обусловленное теми или иными социальными причинами. Для творчества А. Платонова вообще типичен «обратный процесс неодушевления одушевленного, опредмечивания, овеществления абстрактных сущностей: человек уподобляется машине, абстрактные категории представлены в виде предметов или вещей» [13, с. 67].

Использование модели *имя+отчество+фамилия* в качестве образующей для ономастической единицы свидетельствует о высоком социальном статусе человека и воссоздаёт исторический контекст (основная часть рассмотренных произведений была создана писателем в момент становления Советской власти, что не могло не найти отражение в художественных текстах).

Кроме того, одной из важных особенностей ономастической лаборатории А. Платонова является именование персонажа по прозвищу, что является типичным для русской национальной картины мира. В таком случае в качестве антропонима выступает апеллятив, как правило, отражающий одну из отличительных черт характера персонажа (Юшка, Жох); такие единицы активно включаются в ткань произведения. Апеллятивно-онимное взаимодействие обуславливает появление в художественных текстах ономастических единиц с определенной семантикой (Петер, Стефан).

Вторым доминирующим типом ономастических единиц в творчестве А. Платонова являются топонимы. Можно говорить о функционировании в ономастической лаборатории писателя как реальных, так и вымышленных топонимов. Вымышленные топонимы, обладая глубоким семантическим потенциалом, формируются автором, как правило, по распространенным в описываемое время моделям. Так, в романе «Чевенгур» в качестве модели для образования вымышленных топонимов используется традиционная для периода становления Советской власти модель *прилагательное+существительное* (Ханские Дворики, Верхние Болтаи и т.п.). Подобные топонимы употребляются автором с целью воссоздать исторический контекст. Отметим, что наиболее популярны в текстах А. Платонова реальные топонимы, которые, как правило, именуют населенные пункты вблизи Воронежа – родного города писателя. Здесь уместно вспомнить гипотезу о происхождении лексемы Чевенгур: существует мнение, что топоним Чевенгур создан на основе созвучия с топонимом Богучар (город в Воронежской области). Реальными являются, например, топонимы Епифань, Новохоперск, Поворино, Лиски и др. Кроме того, в текстах встречаются случаи употребления топонимов, реально существующих на территории России (Москва). Эмблематично употребление в качестве топонимов лексем тюркского происхождения, обозначающих знаковые топоры среднеазиатской пустыни: Боркан, Такыр и пр. Введение подобных ономастических единиц в пространство художественного текста свидетельствует о том, что автор в своих произведениях стремится к воссозданию исторического хронотопа, чему способствует употребление онимов, характерных для описываемых территорий. В качестве маркеров пространства можно отметить употребляемые писателем гидронимы (Дон, Танаид, Иван-озеро). Здесь важно обратить внимание на то, что отношения писателя с пространством достаточно своеобразны. В его картине мира пространство и время находятся в тесной взаимосвязи, поэтому для героев произведений А. Платонова время измеряется событиями и пройденным расстоянием.

Активно функционируют в художественном пространстве А. Платонова ономастические единицы, формирующие культурно-ономастический фон. Среди этого массива можно выделить антропонимы (Ленин, Карл Маркс и пр.), топонимы (Москва), библеизмы (Саваоф, Иисус Христос, Рождество, Пасха и пр.), гемеронимы («Бедняцкое благо» и пр.), названия единиц техники и т.д. Выявленные антропонимы и топонимы относятся к реальным, в отличие от других элементов ономастического пространства. Создавая вымышленные онимы, ав-

тор пользуется принятыми в русской картине мира ономастическими моделями. Примечательно, что при употреблении библеизмов писатель отходит от традиционных форм и употребляет нестандартные (напр., написание *рождество* вместо принятого в христианской традиции *Рождество*). Полагаем, здесь находит отражение влияние Советской власти и формируемое ей отношение населения СССР к религии как к опиуму для народа.

Одним из способов демонстрации картины мира А. Платонова является обращение к мифопоэтическим оппозициям, введение которых в ткань текста обусловлено актуальной для А. Платонова темой бинарности бытия и сознания. Доминантными в творчестве писателя становятся традиционные для русской мифопоэтической картины мира оппозиции «жизнь – смерть», «земля – небо» и впервые выявленная нами оппозиция «человек (механизм) – природа». Отметим, что в результате преломления через индивидуально-авторскую картину мира писателя в его произведениях обозначенные оппозиции реализуются совершенно иначе, нежели в национальной картине мира русского народа. Так, например, границы между жизнью и смертью размыты, земля и небо амбивалентны, механизмы (в роли которых обычно выступают паровозы, что обусловлено автобиографическими мотивами) оживают: болеют, стонут, кричат и пр. Таким образом писатель реализует одну из ведущих своих идей – идею о совершенном мироустройстве, к созданию которого стремятся все герои произведений А. Платонова. Отметим, что для творческой лаборатории писателя характерны отсылки к библейским мифам, а также ко всевозможным фольклорным мотивам. Функционирование мифопоэтических оппозиций в ономастическом пространстве художественной прозы А. Платонова базируется на возникающем в тексте апеллятивно-онимном взаимодействии, обусловленном употреблением онимов с определенным семантическим потенциалом (Дмитрий, Заррин-Тадж и т.п.). Отличительной чертой ономастической лаборатории писателя является употребление в качестве онимов для апеллятива земля русских имен (Юшка), а для апеллятива небо – иностранных (Петер, Эрих).

Анализ ономастикона А. Платонова, выявление индивидуально-авторского своеобразия ономастических единиц, употребляемых писателем, необходимы для понимания его творчества. Писателю удастся обозначить основные проблемы, освещаемые в произведениях, путем употребления ономастических единиц, способных вызывать необходимые писателю ассоциации. Идентификация модели ономастического творчества А. Платонова осуществляется в результате выявления индивидуально-авторского своеобразия ономастической модели мира, которая представляет собой иерархическую структуру, обладающую системными признаками, способными проявляться в индивидуально-авторском ономастическом коде. Метод моделирования ономастической системы при выявлении закономерностей выбора имени собственного дает возможность осуществить анализ художественного творчества писателя в его целостности. Кроме того, индивидуально-авторская модель мира выступает в качестве каркаса художественного произведения, который формируется на основе принципов ономастического кода и способствует организации апеллятивно-онимной системы текста.

Отметим, что формирование ономастической модели мира того или иного писателя обусловлено эпохой, в которую творит автор. Обращение к творческому наследию А. Платонова дает возможность проанализировать сложившиеся в период становления Советской власти, а затем и в СССР отношения между обществом, государством и человеком. Очевидно, что модель ономастического творчества индивидуальна для каждого творца, вне зависимости от того, что ономастикон художественного произведения формируется, как правило, на основе реально существующего имени той или иной нации. Выявление индивидуально-авторской ономастической модели мира способствует более точному пониманию принципов использования автором той или иной ономастической единицы и отражает своеобразие мировоззрения художника слова, в котором преломляются социальные, идеологические, философские и культурные проблемы описываемой эпохи.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. «Земля - небо» в мифопоэтической модели мира А. Платонова (на материале романа «Чевенгур») // Современные проблемы филологии. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Киров, 2022. С. 10-16.
2. Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 611-617.
3. Бугакова Н.Б. Об особенностях вербализации оппозиции «человек (механизм) – природа» в малой прозе А. Платонова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 44-51.
4. Бугакова Н.Б. Ономастическое пространство рассказа А. Платонова «Такыр» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 1. С. 139 - 149.
5. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур» // Филоlogos. 2022. № 3 (54). С. 17-22.
6. Бугакова Н.Б. Топонимическое пространство романа А. Платонова «Чевенгур» // Неофилология. 2022. Т. 8. № 4. С. 705-714.
7. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Апеллятивы «душа» и «дух» как компонент литературных онимов (на материале произведений Ф.М. Достоевского и А. Платонова) // В сборнике: Дух, душа и тело в мировой культуре. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 116-120.
8. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 21-34.
9. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Оппозиция «человек (механизм) – природа» в романе «Чевенгур» (Лингвистический аспект) // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 2 (50). С. 134-139.
10. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Феноменология камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова: культурно-ономастический аспект // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 140-146.
11. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полигр. Центр «Новая книга», 2014. С. 3-27.
12. Медарич М. Автобиография / автобиографизм // М. Медарич / Автоинтерпретация. СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 1998. С. 5 – 32.
13. Пенкина Н.В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека / Н.В. Пенкина. Нижневартовск, НГУ, 2012. 104 с.
14. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Скуридина Светлана Анатольевна. Воронеж, 2020. 392 с.
15. Скуридина С.А. Специфика ономастического кода художественных текстов Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского в непрощедшем времени России. Материалы Всероссийской научной конференции. Липецк, 2021. С. 118-124.
16. Флоренский П. Имена // Архив свящ. Павла Флоренского. М.: ТОО «Купина», 1993. 320 с. (Малое собр. соч. Вып. I).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Бугакова Надежда Борисовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации,
Воронежский государственный технический
университет,
SPIN-код 1080-8136;
e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Russian Lan-
guage and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code 1080-8136;
e-mail: ya_witch@mail.ru

УДК 811.161.1

Н.А. Бородина

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

(Елец, Российская Федерация)

e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

**«НЕБЕСНЫЙ ОХОТНИК С КРОВАВОЙ ЗВЕЗДОЙ НА ПЛЕЧЕ»:
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОСМОНИМА *ОРИОН* В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ,
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ XIX – XXI ВВ.**

В статье на основе анализа синтагматических связей научного космонима *Орион*, синонимичных ему народных космонимов, названий звезд, его составляющих, определяются признаки, которые актуализируются при описании одного из ярких экваториальных созвездий в русской языковой картине мира XIX – XX вв. К ним относятся светимость, цветовой спектр, указание на количество ярких звезд, формирующих созвездие или образующих его неотъемлемую часть, характерный звездный рисунок, размер звездного скопления, размещение на ночном небе.

Ключевые слова: созвездие Ориона, космоним, текстовые связи, языковые связи, синтагматика.

N.A. Borodina

Yelets State University named after I.A. Bunin

(Yelets, Russian Federation)

e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

**"A SKY HUNTER WITH A BLOODY STAR ON HIS SHOULDER":
VISUALIZATION OF THE COSMONYM ORION IN FICTION, JOURNALISTIC
AND SELF-DOCUMENTARY TEXTS OF THE XIX – XXI CENTURIES**

Based on the analysis of syntagmatic connections of the scientific cosmonym Orion, its synonymous folk cosmonyms, and the names of the stars that make it up, the article defines the features that are actualized when describing one of the bright equatorial constellations in the Russian linguistic picture of the world of the XIX – XX centuries. These include luminosity, color spectrum, indication of the number of bright stars that form the constellation or are an integral part of it, characteristic star pattern, size of the star cluster, placement in the night sky.

Keywords: Orion constellation, cosmonym, textual connections, linguistic connections, syntagmatics.

Один из важных атрибутов художественного текста – имя собственное, способное выполнять в нем разнообразные функции: служить средством номинации персонажей, определять пространственно-временные координаты, реконструировать национально-культурный фон, раскрывать идейно-тематическое содержание, передавать скрытые смыслы, эксплицировать индивидуально-авторское мировоззрение, маркировать интертекстуальные связи и ряд других. Такая полифункциональность онимов позволяет В.И. Супруну считать ономастичность ключевым параметром текстуальности [5; с. 51], а Е.Ф. Косиченко называть оноцентричность (наряду с автороцентричностью) важным свойством литературного произведения [1; с. 66].

Имена собственные не просто включаются в текстовую ткань, не существуют изолировано. Они, как и любые другие языковые единицы, вступают в синтагматические и парадигматические отношения. Как утверждает В.И. Супрун, «ономастическая синтагматика и парадигматика являются текстовой осью, основой системно-структурной организации текста» [5; с. 51].

В настоящей статье анализ синтагматических связей научного космонима *Орион* и синонимичных ему народных космонимов: *Кичиги*, *Петров Крест*, *Сошка Золотая*, астрономи-

мов: *Бетельгейзе*, *Ригель*, *Беллатрикс*, которые номинируют образующие созвездие яркие звезды, в художественных, публицистических и автодокументальных текстах XIX – XXI вв., дает возможность выявить признаки, лежащие в основе визуализации одного из ярких и легко узнаваемых объектов ночного неба. Выборка фактического материала была осуществлена с помощью информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [2].

В звездном рисунке Ориона издавна видели человеческую фигуру: в Древнем Египте он ассоциировался с богом загробного мира Осирисом, а в Древней Греции – с великаном-охотником, держащим в правой руке меч или дубину. Второй метафорический образ неоднократно разворачивается в произведениях, созданных разными авторами. Например: *Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звездочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звездные рога* (Коваль Ю. Недопесок); *Вдалеке сверкает Пояс Ориона, славного охотника и воителя* (Новиков Н. Дневник). Антропоцентричность в репрезентации участка звездного неба реализуется благодаря указанию на внешний облик (*красавец*), род занятий (*охотник, воитель*), отношение к другим людям (*любовник*), совершаемые действия (*встать, опереться, помчаться, догнать, замереть, натянуть, неистовствовать* и др.), атрибуты (*меч, пояс*).

Важным параметром, учитываемым при характеристике звезд и звездных скоплений, является светимость. В собранной картотеке она маркируется регулярными предикационными связями рассматриваемых космонимов и астронимов с глаголами, в содержательной структуре которых присутствует сема ‘испускать свет’: *Только горит* (‘светиться’) *созвездие Ориона* (Савинков Б. (Ропшин В.) *Конь бледный*); *В нем Орион мигает* (‘светится неравномерно, колеблющимся светом’) *так, как если б понарошку* (Иличевский А. *Ослиная челюсть*); *Действительно, у Веры захватило дух, когда в черной бездне засияли* (‘начать источать яркий, сильный свет’) *звезды созвездия Орион* (Жемайтис С. *Большая лагуна*).

Выявленные предикаты можно разграничить на несколько групп в зависимости от обозначения интенсивности излучения (в лексическом значении глаголов *блестеть, гореть, сиять, сверкать* наличествует сема ‘ярко, интенсивно’, а в лексическом значении глаголов *лучиться, мерцать, мигать* – сема ‘слабо, неровно’), фазы свечения (лексическое значение глаголов *засветиться, засиять, зажечься, зажигаться* осложнено семой ‘начало’), приписываемых качественных характеристик (*светиться* – ‘излучать ровный свет’, *трепетать* – ‘излучать дрожащий, колеблющийся свет’).

Степень светимости дополнительно актуализируется с помощью адвербиальных конкретизаторов, характеризующих предикат. Ср.: *Красная звезда его Бетельгейзе горит мглисто, три белые звезды светятся ярко – этот блистающий посох лентяя Иоанна Миланского, как прозвали их в Провансе* (Куранов Ю. *Увалы пыщуганья*), где *гореть мглисто* – ‘светиться слабо, неотчетливо, сквозь дымку’; *Ночью же остро, хрупкоколюче горит Орион семизвездием тайно-прельщающим над кристаллом снегов* (Зайцев Б. *Улица св. Николая*), где *гореть остро, хрупкоколюче* – ‘светиться ярко, испуская тончайшие частицы света’. С этой же целью анализируемые ономастические единицы сочетаются с атрибутивными (*сияющий, блистательный, яркий, тусклый*) и номинативными (*блеск, искра*) словоформами: *«Жди меня!» – сверкала ослепительно яркая* (‘излучающая сильный свет’) *звезда Ориона* (Чарская Л. *Вторая Нина*); *Под утро ушел Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго еще светила над елками, тусклая* (‘неяркая’) *звезда с таким невучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгейзе* (Коваль Ю. Недопесок); *Холодная ночь, блеск* (‘яркий свет’) *синего Ориона* (Бунин И. *Дневники*).

Возможность небесных светил проявлять себя искрящим, сияющим светом приводит к уподоблению их блеска блеску драгоценных и полудрагоценных камней, благородных металлов, что эксплицируется вступлением космонима *Орион* в предикационную связь с глагольной лексемой *серебриться* (‘светиться серебристым блеском, отливать серебром’), в

присловную связь с атрибутивными лексемами *серебристый* ('отливающий серебром; блестяще-белый'), *хрустальный* ('сверкающий особым блеском подобно хрусталу'), *бриллиантовый* ('искрящийся подобно бриллианту'): *В шесть часов, тотчас же после заката солнца, увидел над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона* (Бунин И. Воды многие); *Она открыла глаза и с удивлением увидела над собой серебристый песок Млечного Пути, Большую Медведицу, хрустальную цепочку Ориона* (Катаев В. Уже написан Вертер).

Другой значимый признак, отмечаемый при наблюдении за звездами, – цвет. О месте Ориона в звездном спектре в фактическом материале свидетельствуют колоративные лексемы разной частеречной принадлежности: имя существительное *белизна*, имена прилагательные *белый, голубой, зеленый, красный, кровавый* ('цвета крови, ярко-красный'), *синий*, глагол *белеть*.

Интенсивность звездного свечения обуславливает невозможность человеческого глаза различать цвета, вследствие чего эти небесные тела кажутся нам белыми: *Холодно, мириады бледных белых точек, звезд; выделяются яркой, крупной белизной звезды Ориона* (Бунин И. Дневники). Однако, присмотревшись, мы начинаем дифференцировать их по цвету. В соответствии с научным описанием данного космического объекта, приводимым в астрономических атласах и справочниках [например, 3; с. 194 – 195], астроним *Бетельгейзе* распространяется прилагательными *красный, кровавый*, астроним *Беллатрикс* – прилагательным *голубой*: *А над головой Орион – видишь, красный – Бетельгейзе, голубой – Беллатрикс* (Рыбаков В. Ветер и пустота). Неоднородность цветовой окраски созвездия подчеркивается сложной колоремой *многоцветный*: *И сам многоцветный, бриллиантовый Орион словно шел за ними, указывая им их снежный морозный, смертный путь* (Гольдберг И. Болезнь).

Яркость отдельных звезд, входящих в созвездие Орион, предопределяет указание их количества. При описании этого небесного объекта релевантными становятся цифры 3, 4 и 7. Это осуществляется благодаря появлению в структуре высказывания количественно-именных словосочетаний с количественными числительными *три, четыре, семь*, сложных дериватов *трехзвездный, семизвездный, семизвездие*, первый компонент которого – имя числительное. Выстроенные в линию три звезды (Альнитак, Альнилам и Минтака) – это так называемый Пояс Ориона, над которым располагаются Бетельгейзе и Беллатрикс, а внизу – Ригель и Саиф. Например: *Орион – четыре яркие звезды и поясок из трех поменьше* (Некрасов В. В окопах Сталинграда); *Семизвездный Орион поднялся над средней вершиной, выплыл из-за нее последовательно всеми звездами* (Козлов П. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг.).

Форма созвездия Орион и составляющих его частей в собранных примерах кодируется несколькими метафорическими моделями.

Метафора «Орион – геометрическая фигура» вербализуется в результате образного представления в виде четырехугольника, имеющего два параллельных основания и две непараллельные боковые стороны: *Я оглянулся назад в своих легких санках и увидел за собой голубоватого Сириуса, уже довольно высоко поднявшегося над горизонтом, а правее его и выше – знаменитую звездную трапецию Ориона с ее тремя звездами-сестрами в середине* (Морозов Н. Повести моей жизни). Исторически сложилось, что русским человеком полностью рассматриваемое созвездие не воспринимается. Как отмечает М.Э. Рут, только Пояс Ориона был для славян значимым объектом звездного неба, поскольку служил временным ориентиром в период активных земледельческих работ [4; с. 222]. Иногда он объединялся с верхними или нижними звездами [4; с. 14], тем самым образовывалась трапеция.

Конфигурация описываемого звездного скопления приводит к возникновению артефактной метафоры. Астеризмы, его образующие, могут уподобляться разным предметам: элементам одежды (*пуговицы, пояс, поясок*), оружию (*меч*), украшению (*цепочка*), предмету, используемому в религиозной практике (*крест*), чему-то высыпанному или рассыпанному (*россыпь*): *Кичиги стояли высоко и сверкали крестом своим* (Гольдберг И. Гроб подпол-

ковника Недочетова); – *Смотри в небеса – найди, где трепещет зеленою искрою меч Ориона* (Амфитеатров А. Жар-цвет).

С целью визуализации масштабности объекта ночного неба в нашем фактическом материале в качестве партнеров космонима *Орион* по синтагматической цепи выступают предикат *раскинуться* ('занять собой большое пространство'), адъективы *раскинутый* ('далеко простирающийся'), *величественный* ('грандиозный'). Например: *Сияющий Орион раскинулся на добрую четверть неба* (Куранов Ю. Увалы пыщуганья); *Посмотрите на яркую красную звезду, находящуюся в левом верхнем углу самого величественного из созвездий – созвездия Ориона* (Куницкий Р. Было ли начало мира).

Появление и движение созвездия на звездном небе, его расположение репрезентируется в результате координации рассматриваемых ономастических единиц с глаголами нахождения и перемещения в пространстве: *стоять* ('находиться в неподвижном состоянии'), *возникнуть*, *выкатиться*, *показаться* ('появиться на горизонте'), *всходить* ('подниматься над горизонтом'), *подняться* ('переместиться вверх'), *парить* ('плавно двигаться'), *проходить* ('передвигаться, перемещаться'), *западать* ('заходить'), *уходить / уйти* ('удаляться'). Например: *С вечера Кичиги поднимаются на юго-востоке, а к утру «западают» на юго-западе* (Мамин-Сибиряк Д. Три конца); *В просвете облаков торжественно парил Орион* (Конецкий В. Начало конца комедии).

Таким образом, анализ языкового окружения научного космонима *Орион* и синонимичных ему народных космонимов: *Кичиги*, *Петров Крест*, *Сошка Золотая*, астронимов: *Бетельгейзе*, *Ригель*, *Беллатрикс* позволил выявить ряд признаков, по которым происходит его описание: светимость, цветовая характеристика, количество ярких звезд в созвездии, звездный рисунок, нахождение и протяженность на небосклоне и др.

Библиографический список

1. Косиченко Е.Ф. Имя собственное в семиотическом пространстве культуры и художественного текста: монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 294 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Ридпат Я. Звезды и планеты: Атлас звездного неба / Пер. с англ. М. Заболотских, А. Федоровой. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. 400 с.
4. Рут М.Э. Словарь астронимов. Звездное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 288 с.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. в виде научного доклада ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. М., 2010. 77 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Бородина Надежда Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры русской
филологии и журналистики,
Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина,
SPIN-код 3109-4661,
e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Borodina Nadezhda Anatolyevna,
PhD in Philology,
Associate Professor,
Senior Lecturer of the Department of Russian
Philology and Journalism,
Yelets State University named after I.A. Bunin,
SPIN-code 3109-4661,
e-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1

И.М. Петрачкова
Гомельский государственный медицинский университет
(Гомель, Республика Беларусь)
e-mail: innamihail@mail.ru

ПОЭТОНИМИЯ ТРАГИКОМЕДИИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА «НАВАЖДЕНИЕ»

В статье рассматривается ономапоэтическое пространство пьесы А.М. Галина «Наваждение». Интерпретация ономапоэтических средств опирается на когнитивные механизмы мышления и может быть регламентирована определенным набором лингвистических и экстралингвистических категорий освоения поэтонима, таких как художественная конструируемость, семантическая мотивированность, вариативность, компонентность, полисемичность, апеллятивная сопровождаемость и конгруэнтность.

Ключевые слова: поэтонимия, ономапоэтическое пространство, имя собственное, художественный контекст, косвенноговорящие имена, прецедентные имена, скрытоговорящие имена, интерпретация.

I.M. Petrachkova
Gomel State Medical University
(Gomel, Republic of Belarus)
e-mail: innamihail@mail.ru

POETONYMY OF THE TRAGIC COMEDY OF ALEXANDER MIKHAILOVICH GALIN "OBSESSION"

The article examines the onomapoetic space of the play by A.M. Galin "Obsession". The interpretation of onomapoetic means is based on the cognitive mechanisms of thinking and can be regulated by a certain set of linguistic and extralinguistic categories of mastering the poetonym, such as artistic constructibility, semantic motivation, variability, componentity, polysemy, appellative accompaniment and congruence.

Keywords: poetonymy, onomapoetic space, proper name, artistic context, indirectly speaking names, precedent names, hidden speaking names, interpretation.

Имена собственные (далее ИС) в драматургическом дискурсе являются одним из значимых художественных средств языка писателя. Они содержат в себе комплекс лингвистической и экстралингвистической информации. Научная интерпретация поэтонимии литературного произведения позволяет раскрыть его глубинные смыслы, потому что ИС в драме, где отсутствует текст нарратора, наряду с другими художественно-образными средствами способны воплощать характеристические, эмоционально-экспрессивные, технические и даже концептуальные решения драматурга. Писатель уделяет огромное внимание созданию ономапоэтического пространства художественного текста (ХТ). Безусловно, используя накопленный в ономапоэтике опыт по конструированию литературных ИС, а также сложившиеся приемы и методы моделирования поэтонимии художественного текста, мастер слова сознательно или подсознательно, одновременно опираясь на эти представления и абстрагируясь от них, создает свою неповторимую систему ИС, организующую все пространство театрального произведения. Исследователь-интерпретатор в свою очередь, применяя определенные многоаспектные критерии осмысления поэтонимии ХТ, базирующиеся на традиционных когнитивных механизмах создания и толкования литературных ИС с учетом их взаимодействия с художественным контекстом, может дать исчерпывающую «расшифровку» данной группе изобразительных средств языка писателя.

Предметом исследования нашей статьи стала пьеса «Наваждение» (1978) известного

современного русского драматурга А.М. Галина [1]. Объектом изучения в работе является ономапоэтическое пространство (поэтонимия) вышеуказанной трагикомедии. В ХТ писателя нами выявлено и проанализировано 55 проприальных единиц (из них 27 антропоэтонимов и 28 «фоновых» номинаций). Актуальность статьи обусловлена, во-первых, новизной языкового материала (лингвистическая сторона указанной пьесы ранее не исследовалась, в том числе и ее ономастикон), во-вторых, применением нового методологического конструкта к интерпретации ономапоэтического пространства драматургического дискурса с целью установления особенностей идиостиля драматурга.

Ономапоэтическое пространство пьесы А.М. Галина наполняют фикциональные и прецедентные антропоэтонимы, а также номинации второго плана, или «фоновые» имена. Драматург стабилен в своих тенденциях: в данной пьесе, как и предыдущих [3; 4], наблюдается паритет обозначенных двух групп поэтонимов. Конструируемость фикциональных номинаций отталкивается от литературных традиций, но одновременно отражает и художественный реалистический метод, присущий произведениям второй половины XX века. Это объясняет тот факт, что в ХТ отсутствуют автологически мотивированные (в частности, прямоговорящие) имена. Зато драма наполнена разного рода металогически мотивированными поэтонимами (косвенно-, скрытоговорящими и прецедентными номинациями). Обратимся непосредственно к сюжету пьесы.

Несмотря на то, что действие трагикомедии происходит в конце 70-х годов прошлого столетия, сама по себе жизненная история, описываемая в ней, и проблема порицания в обществе запоздалой любви, актуальна во все времена. Несомненно, что по меркам советской морали, история одинокой и уже немолодой проводницы Зины, которая на одной из железнодорожных станций подобрала, выходила, придела несчастного спившегося Федю, неординарная, из ряда вон выходящая и даже крайне необычная. Федя Беляков ей был знаком ранее, всю свою жизнь она его тайно и мучительно любила. Но привыкла жить с этой неразделенной любовью, уходить с головой в работу, находить смысл своего существования в сыне, заботе о его благополучии, хлопотах по дому. Все потому, что ее возлюбленный Федор Петрович был женат, успешен и счастлив. Но однажды жена Елизавета прогнала его из дома. И тогда Федор стал опускаться, пить и, наконец, сама его жизнь оказалась под угрозой. И вот тогда Зинаида, которая по-прежнему безумно любит Федора, спешит ему на помощь, стремясь устроить и свое позднее женское счастье.

Проводница Зинка, взрослый сын которой уже служит в армии, становится посмешищем для всего небольшого городка за то, что поселила Белякова в своем доме и окружила заботой. Невеста сына Катя осуждающе разговаривает с Зинаидой Ивановной, просит прогнать Федора и даже готова отменить из-за нее собственную свадьбу с Ваней. В этой связи скрытая этимология русского личного имени *Екатерина* [из греч. *Naikaterine*, лат. *Catharina* возможно из греч. *katharon чистота, благопристойность*] [6; с. 284] указывает на образ мыслей героини, непогрешимость ее морально-этических суждений и взглядов. В силу своего юношеского максимализма, идеалов и ценностей, привитых девушке в советском обществе, Катя искренне убеждена в том, что такое чувство как любовь – это исключительно привилегия людей молодого возраста. Поступок же сорокалетней влюбленной тети Зины, по меркам «чистой» и «благопристойной» Катерины, выглядит безнравственным и недостойным. Именно поэтому комсомолка Катя всячески пытается призвать женщину к благоразумию и, наконец-то, остановиться в своем любовном наваждении.

Федор Петрович *Беляков*, некогда завидный жених «*Федя Беляков со старой Евдиминовской*» [1; с. 17], счастливый семьянин и успешный работник, оказавшись на дне, искренне благодарен Зинаиде за поддержку, и, кажется, осознав всю иллюзорность прошлых человеческих чувств и взаимоотношений, непостоянство жизни, по-настоящему любит Зину. Однако обстоятельства складываются так, что для сохранения любви уже взрослых людей Зинаиды и Федора, необходимо пройти еще одно испытание. Возвращается из армии сын Иван

Буслаев, в дом к Зинаиде приходит жена Федора Елизавета. Зинаида предлагает Федору просто уехать вместе, оставив всех, чтобы никому не мешать, и быть счастливыми. Но как раз именно это последнее испытание и не проходит Федор Петрович. Действительно, вначале персонаж яростно сопротивляется уговорам жены, инспектора по страхованию жизни и имущества, Елизаветы вернуться домой, однако уступает ее напору и сдается. Вернувшись же к жене, *Беляков* вновь вполне счастлив. Ему хорошо и комфортно. *Федор* просто прогоняет Зину, когда та однажды приходит к нему и настаивает на отъезде ради сохранения их общей любви. Зинаида понимает, что она в очередной раз обманулась в своих чувствах. Трусливое и жестокое предательство действующего лица драмы по отношению к спасшей Федора и влюбленной в него женщины, пожертвовавшей всем, делают значимыми фамилию и отчество героя. Скрытоговорящий патроним *Петрович* (от Петр – ‘ср. греч. *petros, petra* камень, скала’ [6; с. 178]) подтверждает возникающее о нем в сознании адресата мнение, как о человеке с холодным каменным сердцем, способным на подлость и предательство.

Косвенноговорящий антропоним *Беляков* полисемичен. Фамилия героя, с одной стороны, ассоциируется со словом *беляк* в значении ‘вид зайца, имеющего зимой мех белой окраски (в отличие от русака)’ [5; с. 79], поскольку этот человек, словно заяц, малодушный, робкий и слабохарактерный, не способен на решительный и благородный поступок. Однако персонаж не просто трус. *Беляков* умело приспосабливается к жизни, очень быстро (подобно тому как заяц-беляк по необходимости меняет окраску шерсти) трансформирует свое отношение к людям в зависимости от обстоятельств. Его чувства зыбки и непрочны, поскольку на первый план герой трагикомедии ставит только собственное благополучие.

С другой стороны, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля фиксирует в русских говорах еще одно значение слова *беляк* – ‘нерабочий, белоручка; *Белячок черной работы не любит*’ [2; с. 132]. Художественный контекст подтверждает ассоциативную связь в сознании реципиента с такой «расшифровкой» поэтонима: «*КАТЯ. Сколько он у вас живет... До сих пор нигде не работает... только пьет на ваши деньги! Чем плохо?.. Глядишь, и другие мужики тоже захотят... ЗИНАИДА. Пожалуйста! Сейчас женщина хорошо получает – может себе позволить. Я тружусь, сама зарабатываю... Как хочу, так и трачу*» [1; с. 3]. На самом деле Федор Петрович Беляков живет у Зинаиды и нигде не работает. В прошлом он был шофером, возил охотников и считался уважаемым человеком. После же увольнения *Беляков* убежден, что ни одна из предлагаемых друзьями, знакомыми профессий его не достойна. Но при этом продолжает регулярно пить на деньги Зинаиды. Женщина фактически содержит Федора довольно продолжительное время. Герою же такой праздный образ жизни по душе, он не торопится ничего менять, отказывается от предложений о работе (например, «*места подсобного в котельную*» [1; с. 7] и проч.).

Зинаида же, напротив, (ср. ‘*Зинаида** рус. [из греч. *Zenais, Zenaidos: Zena* вин. пад. от *Zeus* Зевс + *eidōs* потомок]’ [6; с. 289], т. е. *рожденная Зевсом*) – женщина с сильной волей, которая много работает, уже давно привыкла к тому, что на ее плечах держится весь дом, она готова бороться со всем миром за свою любовь и женское счастье, преодолевать любые жизненные обстоятельства и перипетии. Этимология имени опосредованно скрыто характеризует созданный драматургом смелый, живой, полный энергии женский образ.

Трагикомедия «Наваждение» обладает насыщенным эмоционально-экспрессивным потенциалом. Во многом этому способствует и *поливалентный* тип вариативности антропонимикона пьесы. Антропонимы, особенно присвоенные сюжетным персонажам, обладают целым спектром модификатов: **гипокористики** *Зина, Катя, Федя, Ваня, Лиза, Клава, Коля, Тома*; **квалитативы** *Зиночка, Катенька, Катюша, Ванечка, Ванюша (деминутивы)*; *Зинка, Лизка, Светка (пейоративы)*, причем, отмечается высокая степень частотности их употребления в диалогах героев. Применение различных вариантов личных имен, а также *структурных* форм (одно- и реже *двухкомпонентной*) названия действующих лиц ХТ в сочетании с *апеллятивно-онимным взаимодействием* (*Зинаида / тетя Зина / Зинка / Зина / Зиночка / Зинаида Ивановна / Зиночка-малиночка; Иван / Ваня / гвардии сержант Иван Бус-*

лаев / Ванечка / Ванюша; Федор Петрович / Федя / Федор / Петрович / гражданин «ОН» / Федя Беляков со старой Евдимишиновской; Елизавета / Лизавета / Елизавета Ивановна / Лиза / Лизка / Белякова и проч. [1]) отражает сферу бытовых семейных отношений и передает весь спектр эмоций, чувств, переживаний героев драмы.

Среди фикциональных поэтонимов встречаются и номинации внесюжетных персонажей, пожалуй, это семантически немотивированные ИС (возможно, прототипические, протонимические или стилистические имена, например, *Клава Воронцова, Еремеев, Алла Куценко, Светка, Тома, Коля, Леонид Васильевич, Плотников, Кравченко, Сапожников* и проч.). Проприальные единицы этой группы тем не менее разные по структуре (чаще *однокомпонентные*) и имеют формы модификатов. Иногда в отношении таких ИС драматург А. М. Галин использует прием *авторской рефлексии*, скорее, с целью создания комического эффекта в пьесе. Так, Зинаида Ивановна, беседуя с невестой сына Катей, пытается объяснить ей, что в любви не все однозначно: «*Ванин отец был тихий и добрый... Сахар просто для другой, а фамилия была – Свисток. Ну, что это такое?! Он меня просил, плакал: «Зина, давай поженимся!..», а подумала и чувствую, не смогу с ним жить... Был бы он хоть Гудок...»* [1; с. 4]. Героиня трагикомедии иронизирует, давая субъективные комментарии относительно фамилии своего бывшего возлюбленного. По ее убеждению, фамилия *Гудок* лучше и ей нравится больше, чем *Свисток*, поскольку, вероятно, связана с поездками и профессиональной деятельностью Зинаиды.

Кроме фикциональных поэтонимов в драме множество прецедентных ИС: *Ломоносов, Арлекин, Асмодей, художник Джорджоне, Пушкин, Черномор*. Автор использует **фрагментарные** реминисценции с **денотативной** семантикой. Это собственно *узальные* прецедентные имена: «*ФЕДОР ПЕТРОВИЧ. Картину ей на работе подарили, художника Джорджоне... Дор-дже-не... (итальянский живописец эпохи Возрождения. – И.П.) Женищина держит в руках меч, а внизу отрубленная голова... Я сделал надпись: «Его звали Федя»...»* [1; с. 9]; «*ФЕДОР ПЕТРОВИЧ (серьезно). ...Пушкин сказал: не гонись за дешевой...»* [1; с. 13]. Чаще автор прибегает к аллюзиям с **коннотативной** семантикой, требующей привлечения филологического контекста. В ХТ «Наваждение» в основном это **ономапоэтические сравнения**: «*ЗИНАИДА. Ладно, Федя! <...> Мы без них проживем – кругом объявления... А если он (Леонид Васильевич, друг Федора. – И.П.) ко мне в вагон сядет в Москву ехать, я ему скажу: пешком иди, гад, как Ломоносов!..»* [1, с. 7]; «*ЗИНАИДА. ...Вставай, брить тебя буду. Ты без меня на Асмодея (чрезвычайно гневный глава демонов, демон роскоши и преступных связей, который имел устрашающий вид. – И.П.) стал похож, а нам на люди надо выйти, как с витрины сойти...»* [1; с. 8]

Число так называемых имен второго плана, или «фоновых» поэтонимов, не уступает проприальным единицам первого порядка. Номинации этого типа в пьесе А. М. Галина *конгруэнтны* антропоэтонимам и между собой. Их роль также значима в ХТ драмы. Среди ИС этой группы присутствуют *топонимы* (хоронимы *Крым, Германия, Голландия, подножие Кара-Даг*, полисонимы *Москва, Ленинград, Тула, Мелитополь, Обоянь, Чудово*; комонимы *Печурки, Скуратово*; гидроним *Псел*), *прагматонимы* («*Красная Москва*», «*Русский бальзам*», сыр «*Виола*», одеколон «*Эллада*»), *культонимы* (названия и строки песен «*Арлекино, Арлекино...*», «*Сердце*» и др.), *эргонимы* (вокально-инструментальный ансамбль кожевенного завода «*Изумруд*»), *зооним* (*Трезор*), *порейоним* (*Адлеровский* – название поезда).

Многие топонимы воспринимаются реципиентом как названия станций, которые часто проезжает на скором поезде проводница Зина. На них обычно поезда делают короткие остановки. Именно на одной из таких станций героиня и встретила Федора. Таким же недолгим, словно короткая остановка скорого поезда, непродолжительным и мимолетным было Зинкино счастье. В ХТ трагикомедии топонимическая лексика выполняет и техническую роль, придает пьесе динамику и напряженность. Это отчетливо прослеживается в монологе героини: «*ЗИНАИДА (неожиданно). Давай уедем!.. Клава Воронцова сегодня на харьковском... Я*

ее под **Мелитополь** возила, у нее тесть крышу новую ставил, с конька упал... Сойдем в **Обояни**, проживем у моей матери... <...> Потом в столицу поедем... <...> Летом в **Крым** поедем, к **подножью Кара-Даг!**.. Будем вольные птицы...» [1; с. 9] Прагматонимы («Красная Москва», «Русский бальзам», сыр «Виола», одеколон «Эллада») в ХТ обрисовывают быт персонажей пьесы и создают определенный временной фон (это маркеры-символы эпохи 1970–1980-х годов) происходящих событий; *культонимы*, кроме всего прочего, отражают духовные приоритеты и предпочтения целого поколения людей.

Но главное ИС ХТ – его заголовок «Наваждение» – драматург поясняет еще в самом начале, а именно в эпиграфе к трагикомедии: «*Наваждение – то, что по суеверным представлениям внушено злой силой с целью соблазна: обман чувств, призрак. “Да это просто сон какой-то, наваждение, туман какой-то”. (И. Тургенев, “Холостяк”) “Вот так важно! Сарай! Да и опять тута в третий раз. Молодец! Не наваждение ли это дьявольское?” (А. Островский, “Горячее сердце”) Академический словарь русского языка, т.2. М.:1958*» [1; с. 1]. Так, вероятно, А.М. Галин объясняет произошедшее с героями пьесы, стремительность и невероятность событий, возникших в русской глубинке. Обманутая в своих чувствах Зинаида находится словно во сне, совершает действия и поступки, на которые точно никогда бы не отважилась, если бы не это манящее наваждение, внушающее ожидание счастья.

Таким образом, ономапоэтическое пространство трагикомедии А.М. Галина «Наваждение» отличает приблизительно одинаковое число номинаций первого и второго плана, которые конгруэнтны между собой. Среди фикциональных антропозонимов отсутствуют автологически мотивированные прямоговорящие имена, что соответствует реалистическому методу создания театрального произведения, в рамках которого написано большинство пьес драматурга. Металогически мотивированными поэтонимами с характеристическим потенциалом наделены в основном главные действующие лица драмы (*Федор Петрович Беляков, Катерина, Зинаида*), однако ИС внесюжетных персон могут сопровождаться субъективной авторской рефлексией (*Свисток, Гудок*), что повышает их значимость в художественном контексте. Пьесу «Наваждение» отличает плюралистический (поливалентный) тип вариативности (*Зина / Зинка / Зиночка*), одно-, двухкомпонентная структурность номинаций (*Елизавета Ивановна / Лиза / Лизка / Белякова*), которые делают драму эмоционально насыщенной, экспрессивной, а также апеллятивная «конвоируемость» (*тетя Зина / Зиночка-малиночка; Федя Беляков со старой Евдившиновской; гвардии сержант Иван Буслаев*), благодаря которой писатель несколькими штрихами информирует реципиента о статусе, месте жительства, роде деятельности героя ХТ. И, наконец, отдельные номинации могут характеризовать объект с разных сторон, например, быть полисемичными (*Беляков*) или же соотносить образ героя на определенном отрезке ХТ с реминисценцией, за которой уже закреплены конкретные коннотативные смыслы (идти пешком до Москвы, «как Ломоносов», «стал похож на Асмодея»). «Фоновые» поэтонимы – это маркеры времени, эпохи, обстановки (прагматонимы «Красная Москва», «Русский бальзам», сыр «Виола», одеколон «Эллада»), в которой пребывают персонажи драмы. Они отражают идеалы, духовный мир, интересы, увлечения, мечты и устремления (*культонимы* – названия и строки песен песни «Арлекино, Арлекино...», «Сердце» и др., *эргоним* – вокально-инструментальный ансамбль кожевенного завода «Изумруд») созданных драматургических образов, придают театральному произведению динамизм, расширяют сценическое пространство пьесы (разные классы *топонимов Крым, Германия, Голландия, подножие Кара-Даг; Москва, Ленинград, Тула, Мелитополь, Обоянь, Чудово; Печурки, Скуратово; Псел*).

Библиографический список

1. Галин А. Наваждение // Театральная библиотека Сергея Ефимова. URL: https://theatre-library.ru › authors › galin_aleksandr (дата обращения: 04.02.2025).

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1. 752 с.

3. Петрачкова И.М. К вопросу об интерпретации имени собственного в драматургическом тексте: составляющие ономастической матрицы в пьесе А. М. Галина «Звезды на утреннем небе» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы IV Междунар. науч. конф., Воронеж, 19–21 апр. 2023 г. / Воронеж. гос. техн. ун-т; отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж, 2023. С.242-246.

4. Петрачкова, И. М. Основные тенденции номинации персонажей в драматургическом пространстве Александра Михайловича Галина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2. С. 49–56.

5. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981–1984. Т. 1 / Редакция А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова, 1981. 698 с.

6. Супранская А.В. Современный словарь личных имен: сравнение, происхождение, написание. М.: Айрис-Пресс, 2005. 384 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Петрачкова Ирина Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка как
иностранного,
Гомельский государственный медицинский
университет,
SPIN-4083-7715,
e-mail: innamihail@mail.ru

Petrachkova Irina Mikhailovna,
PhD in Philology,
Associate Professor,
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language,
Gomel State Medical University,
SPIN-4083-7715,
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 81'276.5

В.В. Вязовская

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru*

ИМЕНА ВАРЯ И ВЕРА КАК ВЕХИ БИОГРАФИИ Н.С. ЛЕСКОВА

В статье рассматриваются женские имена Варя и Вера в творческом наследии Н.С. Лескова. Данные имена являются автобиографичными. Анализ этих онимов раскрывает особенности авторской рефлексии Н.С. Лескова в ономастическом аспекте, тем самым расширяя представления о роли автобиографизмов в ономастической лаборатории этого писателя.

Ключевые слова: Лесков, Варя, Вера, ономастика, оним, автобиографизм, прототип, литературная биография, роман «Некуда», роман «На ножжах».

V.V. Vyazovskaya

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru*

NAMES VARYA AND VERA AS MILESTONES IN THE BIOGRAPHY OF N.S. LESKOV

The article examines the female names Varya and Vera in the creative heritage of N.S. Leskov. These names are autobiographical. The analysis of these onyms reveals the features of the author's reflection of N.S. Leskov in the onomastic aspect, thereby expanding the understanding of the role of autobiographisms in the onomastic laboratory of this writer.

Keywords: Leskov, Varya, Vera, onomastics, onym, autobiographism, prototype, literary biography, novel "Nowhere", novel "At Knives".

В современной филологии изучение творческого наследия каждого писателя немислимо вне контекста его биографии. Раскрыть замысел автора невозможно без установления связи текста с жизнью писателя, культурно-исторической эпохой, её событиями. Великий русский мастер пера XIX века Н.С. Лесков часто прибегал к событиям и фактам реальной жизни. В «Авторском признании. Открытом письме к П.К. Щербальскому» (1884) он отмечал: «Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплотить их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие» [9; с. 229]. Результаты исследователей творчества Н.С. Лескова подтверждают это высказывание писателя в своих работах [1, 3, 6 и др.].

Н.С. Лесков был очень внимателен к имени собственному в жизни и в своей творческой лаборатории. Нередки его меткие комментарии относительно происхождения, социальной принадлежности, благозвучия имён в письмах и статьях, а также непосредственно в художественных текстах [3,7,8,]. В связи с этим обратимся к двум женским именам *Варя* и *Вера* и проследим их биографический след в художественном наследии Н.С. Лескова.

Имя *Вера* имеет старославянский корень, является калькой с древнегреч. Πίστις (Пистис) «верный» [13; с. 367]. Н.С. Лесков дорожил русскими именами, ратовал о необходимости их возвращения в национальную традицию имянаречения. В статье «Жития как литературный источник» (1882) писатель искренне сожалел об их забвении: «<...> большое раз-

нообразі є чисто русскихъ именъ, совсѣмъ почти исчезнувшихъ изъ обращеніа, единственно потому, что какъ м і ряне, такъ и духовенство отвыкли отъ ихъ употребленіа. Таковы, напр., Боголѣпъ, Мстиславъ, Олегъ, Ярославъ, Пересвѣтъ, Ростиславъ и др., которыхъ нѣтъ въ нашихъ нынѣшнихъ самыхъ полныхъ святцахъ» [7]. В 1883 году Н.С. Лесков представляет обзор московского «Крестного календаря» – издания дешевого и поэтому доступного для широких масс, которое как раз и было призвано напомнить русскому народу о красоте и богатстве русских имен [8]. Писатель отмечает полезность календаря ввиду наличия в нем списка имен святых [8].

Н.С. Лесков акцентировал внимание на особой значимости русских имен в системе национального самосознания. Закончив редактирование рукописи молодой беллетристки О.А. Елшиной, Н.С. Лесков после всех замечаний делает запись в конце своего письма: «Псевдоним написал женский и, по моему вкусу, очень хороший, то есть простое и *памятное русское имя и фамилию*» [11; с. 693].

Русское женское имя *Вера* является одним из судьбоносных для Н.С. Лескова. В 1855 году в семье Лесковых рождается дочь, которую нарекают русским именем Вера. Писатель выбирает имя типичное для дворянской среды XIX века. Специалист в области ономастики В.А. Никонов отмечает, что возросшей популярностью среди дворянок с середины XVIII это имя было обязано императрице Елизавете, которая стремилась возродить дух патриотизма [11; с. 58]. До этого времени ситуация была совсем иная. В.А. Никонов указывает, что «исключительность трех имен – единственных явно русских, полностью тождественных русским нарицательным словам, – мешала употреблять имена Вера, Надежда, Любовь в качестве церковных – это нарушало все традиции церкви, веками: воевавшей против русских языческих имен, за церковные иноязычные» [11; с. 58].

В романе Н.С. Лескова «На ножах» (1870) имя Вера носит глухонемая девочка-подросток. Эта девочка, имеющая физический недостаток, «становится носителем высшей правды и справедливости, через нее творится высший суд» [14; с. 76]. В образе девочки Веры, так рано оставшейся без матери, писатель воплотил свою боль и страдания о своей дочери, которая росла в семье в неблагоприятной атмосфере. Брат писателя, переживая за свою племянницу Веру Лескову, так охарактеризовал её характер в письме от 1875 года: «...Жаль мне бедную Веру – вся жизнь ее прошла под влиянием безумной бабы, которая колыхала ее то в ту, то в другую сторону совершенно бесцельно, и она привыкла к этим волнам, и трудно-трудно будет ей удержаться в должном направлении» [6; с. 112].

В болезни героини – она была глухонемой – вероятно, была сублимирована писателем его неспособность найти общий язык ни с женой, ни с дочерью, даже впоследствии, когда та выросла. Отсутствие слуха и голоса у героини по имени Вера коррелирует с хорошими музыкальными способностями дочери Н.С. Лескова: Вера Лескова давала уроки музыки, в «Петербургe, у богачей Конради, ее игру слушает и одобряет мягкость ее «туше» П.И. Чайковский» [6; с. 112].

Примечательно, что падчерица, дочь гражданской жены писателя Е.С. Бубновой, будет носить имя *Вера* – Вера Михайловна. Вера Михайловна также обладала прекрасными вокальными данными, о чем Н.С. Лесков вспоминал в письме к А.М. Хирьякову (1893 г.): Вчера «маленького-та Верушка» пела «консерта» ... Оч. было «gemütlich»! Мы с Варей были и Вас вспоминали» [12; с. 108].

В приведённом письме упоминается Варя – это удочерённая Н.С. Лесковым девочка, ребенок горничной Екатерины Кукк. Екатерина Кукк устраивается на работу в дом писателя в 1882 году [5; с. 455]. По совпадению её дочь, о которой впоследствии будет заботиться Н.С. Лесков, буду звать Варей. Писатель дал ей фамилию Долинина [5; с. 457], в своих последних наказах надеялся, что его знакомые в честь памяти о нем возьмут на попечение этого ребенка-сироту.

Варей зовут дочь доктора Розанова и его жены Ольги Александровны в романе «Некуда» (1864). Прототипами этой семейной пары стали писатель и его жена, Ольга Васильевна, а в несчастной истории семьи Розановых была воплощена семейная драма Лесковых [6; с.111; 2; с. 45]. После расставания с женой доктор Розанов размышляет о своей судьбе: «А может быть, теперь и сцен никаких не будет: она пожила, упрыгалась, едет сама, без зова... а я буду поравнодушнее, стану учить Варюшку» [10; с. 420]. Н.С. Лесков, назвав дочь персонажа Варей, будто бы предвидел свою одноименную падчерицу, которая появится значительно позже.

Таким образом, в биографии Н.С. Лескова имена *Варя* и *Вера* занимают особое место. Эти имена, появившись в разные периоды жизни писателя, в том числе и в его творческой биографии, фиксируют происходящее или, наоборот, намечают будущие события. Рассмотренные имена персонажей и реальных людей, например, *Варя Розанова* из романа «Некуда» и *Варя Долиннина*, приёмная дочь писателя, можно рассматривать лишь как случайные совпадения, учитывая их временную разобщенность, однако в этих историях нельзя не отметить определенное сходство. В этой связи находит своё подтверждение мысль Т. Касаткиной о природе события в жизни и события в творчестве, согласно которой «творческое событие действительно и несомненно формирует дальнейший ход человеческой жизни, что неоднократно замечали и сообщали о себе самые разные творцы» [4]. Каждый писатель – это творец, который определяет судьбу не только своих героев, но, вероятно, и свою.

Библиографический список

1. Алексина Р.М. Орловские источники сюжетов Лескова (по документам государственного архива Орловской области) // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблом. Кн.1. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. (Литературное наследство. Т.101). 1997. С. 594–611.
2. Вязовская В.В. Имя Ольга в творческой биографии Н.С. Лескова // Дали Даля: сборник статей Международной научно-практической конференции 21-23 мая 2024 г. «Далевские чтения», посвящённой 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. С.43-46.
3. Вязовская В.В. Ономастика Н.С. Лескова в филологической науке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 59-64.
4. Касаткина Т. Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_5627.html (дата обращения: 1.02.2025).
5. Кучерская М. Лесков. Прозёванный гений. Изд. второе, испр. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
6. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. М.: Худож. литература, 1984. (Серия литературных мемуаров). Т.2. Ч. V-VII. 1984. 607 с.
7. Лесков Н.С. Жития как литературный источник // Новое время. 1882. № 2323.
8. Лесков Н.С. О русских именах // Новости и биржевая газета. 1883. № 245.
9. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 11. 861 с.
10. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 2. 757 с.
11. Никонов В. А. Имя и общество. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 278 с.
12. Соболев Л.И. Два письма Н.С. Лескова // Литературный факт: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2018. № 8 . С.104-113.
13. Суперанская А.В. Словарь личных имён. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.

14. Телегин С.М. Жизнь мифа в художественном мире Достоевского и Лескова. М., 1995. 96 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Вязовская Виктория Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как ино-
стрannого,
Воронежский государственный университет
SPIN-код 1362-8699,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

Vyazovskaya Victoria Viktorovna,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of Rus-
sian as a Foreign Language,
Voronezh State University
SPIN-code 1362-8699,
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

УДК 81

С.А. Скуридина
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микротопонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микротопонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень.

Ключевые слова: Достоевский, микротопонимы, оним, хронотоп.

S.A. Skuridina
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru

MICROTOPYNOMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE KARAMAZOV BROTHERS »

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level.

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope.

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [10; с. 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [3; с. 234]. Хронотоп, рассматриваемый как модель мира, воссозданного в тексте художником слова и детерминированная его, авторским, мировоззрением, является неотъемлемым компонентом построения индивидуально-авторской картины мира, понимание которой всецело зависит от выявления смысловых доминант. Способность онимных единиц выступать средствами создания хронотопа рассматривается в исследованиях А.А. Фомина [24], Г.Ф. Ковалева [11], С.А. Скуридиной [16], [17], [18].

В наших работах неоднократно отмечалось, что топонимы превращаются в тексте в семантические доминанты, выстраивающие хронотоп произведений Ф.М. Достоевского [15]. В романе «Бесы» орнитоморфный микротопоним *Свореешники* является хронотопообразующим элементом, определяя апеллятивно-онимное единство романа, представленное лексемами с «птичьей» семантикой. Многие персонажи романа носят распространенные «птичьи»

фамилии – *Дроздовы, Лебядкины, Гаганов* и т.д., среди апеллятивов выделяются лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «птицы» – глаголы *лететь/летать* и их производные, существительные *гнездо, крылья*, прилагательное *орлиный*, и т.д. Скворешники – это родовое гнездо, из которого однажды вылетели Николай Ставрогин и Петр Верховенский, а теперь им пришло время вернуться. Орнитоморфный топоним *Скворешники* способствует созданию внеземного (поскольку располагается скворечник всегда высоко над землей) и вневременного пространства (скворцы являются перелетными птицами, которые ежегодно возвращаются в регионы центральной России ранней весной, но в романе «Бесы» оперившиеся птенцы Николай Ставрогин и Петр Верховенский возвращаются осенью, что маркирует искаженный ход времени, отражающий противоестественность происходящего). Отметим бесконечный шум в романе, исходящий от «летающих» героев, перевоплотившихся в бесов, как признак безвременья: Ф.М. Достоевский, негативно отзывавшийся о европеизации России, начатой во времена Петра Первого, обращается к образу бесов, характерному для европейской традиции, – с крыльями, напоминающими об ангельском прошлом. Кстати говоря, к историческому хронотопу петровской России отсылает и топоним *Скворешники*, поскольку в России встреча скворцов была узаконена специальным указом Петра Первого, «дабы приятный свист увеселял слух человеческий».

Топоним *Скотопригоньевск*, введенный только в конце романа «Братья Карамазовы» с авторской ремаркой «увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя» [7; т. 15, с. 15], эксплицирует образ грязного уездного городка в связи с богатым ассоциативным потенциалом созданного Ф.М. Достоевским наименования и связывает его с другими географическими названиями, намеренно включенными в текст, например, с топонимом *Воловьёв станция*. Вымышленные микротопонимы *Скотопригоньевск* и *Воловьёв станция* отсылают читателя к реальному прототопониму *Старая Русса*, поскольку город с таким названием известен тем, что через него проходил скотопротонный тракт, а на центральной площади располагался скотопротонный рынок, однако отметим, что название *Воловьёв станция* писатель мог слышать не в окрестностях Старой Руссы, а в имении отца: «Воловьёв станция – в старину крупная почтовая станция Волово, ныне железнодорожная станция Рязано-Уральской железной дороги. Через нее проходил Веневский тракт, идущий к Зарайск, мимо деревень Достоевских» [12]. Недалеко от Воловьёв станции располагалось село Ильинское [12]. Фамилия батюшки, сопровождавшего Митю в Сухой Поселок к Лягавому, *Ильинский* может быть мотивирована данным топонимом, а не только делом отцеубийцы Ильинского, фамилией которого называется Митя в черновиках к роману.

Зооморфные мотивы, связанные с образом реального города, в котором Ф.М. Достоевский проживал с семьей, определили выбор апеллятивно-онимых средств романа: помещик Максимов пляшет под песенку, в тексте которой упоминаются названия домашнего скота и птицы: «Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю, Телочка му-му, му-му, Уточка ква-ква, ква-ква, Гусынька га-га, га-га. Курочка по сенюшкам похаживала, Тюрю-рю, рю-рю, выговаривала, Ай, ай, выговаривала!» [7; т. 14, с. 395]. Зооморфизм проявляется в обращении Федора Карамазова к собственным детям, ласково называемым им поросяточками: «Эх вы, ребята! Деточки, поросяточки вы мои маленькие...» [7; т. 14, с. 125]. При описании Смердякова используются зооморфные характеристики, что отмечалось А.К. Жолковским: «в Смердякове настойчиво подчеркивается его ‘звериность’. Уже само его рождение является последствием ответа Федора Павловича на «совершенно эксцентрический вопрос <одного барчонка> на невозможную тему: «Можно ли, дескать, хотя кому бы то ни было, счесть такого зверя (т.е. Лизавету Смердящую) за женщину <...>»; в дальнейшем Смердяков систематически характеризуется в «животных» терминах: Федором Павловичем – как «(валаамова) ослица» (на протяжении всей гл. «Контроверза»), им самим – как «вол» («с одного вола двух шкур не дерут», «для чего же я <...> кожу с себя дам содрать?»), Иваном – как «передовое мясо», а Митей – как «болезненная курица» [7; т. 14, с. 119, 121, 122, 428], [8; с. 570].

Ольфакторные сигналы – одна из важных характеристик Скотопригоньевска: воздух города насыщен запахами нечистот, стоячей воды, скапливающейся в бесчисленных канавках, и гниения. Они выступают в семантическом единстве с апеллятивной лексикой разных частей речи, связанной с неприятными запахами: Скотопригоньевск, Воловья станция, поросяточки, вол, передовое мясо, болезненная курица, тлетворный дух, провонял и т.д. И даже побочный сын Федора Павловича Карамазова, профессионально связанный с запахами, поскольку является поваром, носит фамилию Смердяков, намекающую, по замыслу автора, на духовное смердение.

Топоним *Скотопригоньевск* выполняет роль индикатора хронотопа, обозначая одновременно пространство и время: вторая часть топонима, образованная от глагола несовершенного вида *пригонять*, свидетельствует о регулярности совершаемого действия.

В романе «Братья Карамазовы» встречаются микротопонимы, часть которых связана с биографией писателя, другие же созданы по традиционным для русского языка моделям. Большинство топонимов, упоминаемых в последнем романе Ф.М. Достоевского, не связаны с местоположением Старой Руссы, явившейся прототипом Скотопригоньевска.

Практически все микротопонимы возникают в тексте романа, когда Федор Павлович Карамазов дает поручение своему сыну Ивану, которое он должен выполнить перед своим отъездом в Москву: «Сделай ты мне милость великую, отец ты мой родной, заезжай в Чермашню. Ведь тебе с Воловьевой станции всего только влево свернуть, всего двенадцать каких-нибудь версточек, и вот она, Чермашня» [7; т. 14, с. 252]. Возникают сказочные мотивы, связанные с выбором пути, от которого отклониться – «влево свернуть» (этимологически левый – это неправильный) – предлагает своему сыну Федор Павлович Карамазов, однако Иван в Чермашню решает не ехать.

Бегичево, Дячкино, Чермашня, Воловья станция – здешние населенные пункты, поэтому входят в категорию «свой», тогда как Погребово, вероятно, расположено далеко, в связи с чем является «чужим», а люди «не здешними». Нужно отметить, что трехкратное уточнение места, откуда приехал Горсткин, неслучайно: «из здешних никто не смеет против них [Масловых – С.С.] тягаться», «драгоценность-то в том, что не здешний, а из Погребова, значит не боится он Масловых, потому не здешний» [7; т. 14, с. 253]. Нездешний Горсткин из Погребова. Микротопоним *Погребово* образован от апеллятива *погреб* – «устроенная и покрытая яма, для хранения съестных припасов» [6; т. 3, с. 157], обычно располагающаяся под полом.

Интересно, что в пространственном отношении с подпольем сопоставляется чердак, который рассматривается как «типичная периферия со всем присущим ей спектром негативных значений, порожденных как бы полуосвоенностью этой зоны, контролируемой не столько человеком, сколько нечистой силой» [2; с. 182]. Как нами уже отмечалось, для ономастического кода Ф.М. Достоевского характерно апеллятивно-онимное взаимодействие [15], которое активно используется писателем и в романе «Братья Карамазовы»: после беседы с отцом и озвученной им просьбы решить вопрос с Чермашней с помощью Горсткина из Погребова Иван встречается со Смердяковым, который, намекая на возможность совершения убийства старика Карамазова сообщает: «На чердак каждый день лазею-с, могу и завтра упасть с чердака. А не с чердака, так в погреб упаду-с, в погреб тоже каждый день хожу-с, по своей надобности-с» [7; т. 14, с. 245]. Погреб и чердак, в творческой лаборатории Ф.М. Достоевского имеющие негативную символику, становятся необходимыми условиями преступления.

Таким образом, отъезд Ивана на встречу с купцом из Погребова по неоднократно (что для текстов Ф.М. Достоевского чрезвычайно важно) озвученной просьбе отца и предполагаемое сначала, а потом осуществленное намеренное падение Смердякова в погреб выступают предвестниками смерти Федора Павловича Карамазова. Погреб отделяется полом от жилого пространства дома, поэтому по-другому называется подпольем (вспомним «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского), «в подблюдных песнях подполье связывается с несчастьем» [5; с. 181]. Существительное *погреб* восходит к глаголу *погребать* «предавать земле, зары-

вать, закапывать, хоронить, отправлять похороны, со всеми обрядами» [6; т. 3, с.157]. Как указывает Байбурин, «подполье – обычное место захоронения некрещённых младенцев» [2; с. 182]. Другое значение лексемы *погреб* – «темница, тюрьма»: А повязанных Ярослав повел вметати в погреб [6; т. 3, с.157]. Таким образом, микропоним *Погребово* вместе с апеллятивом *погреб* и неоднократно встречающимися лексемами *погребение*, *погребен* становится символом беды: встреча с купцом из Погребова приводит к совершению обряда погребения над убитым стариком Карамазовым, поэтому и фамилия купца, с которым должен договориться о сделке Иван, – Горсткин – связана с похоронным обрядом: во время похорон кидают горсть земли в могилу («ибо прах ты и в прах возвратишься») (Бытие, 3:19).

Отметим двусмысленную фразу «этот Горсткин на вид мужик», с одной стороны, определяющую отнесенность героя к крестьянству, однако, с другой, – намекающую на нечеловеческую сущность нездешнего купчишки, «совершеннейшего подлеца», особенностью которого является то, что он «иной раз так налжет, что только дивишься, зачем это он» [7; т. 14, с. 253]. Привлекает внимание внешность Горсткина: «бороденка у него рыженькая, гаденькая, тоненькая. Коли бороденка трясется, а сам он говорит да сердится – значит ладно, правду говорит, хочет дело делать; а коли бороду гладит левою рукой, а сам посмеивается – ну, значит надуть хочет, плутует. В глаза ему никогда не гляди, по глазам ничего не разберешь, темна вода, плут, – гляди на бороду» [7; т. 14, с. 253]. Дополняет образ прозвище купчишки: «Он Горсткин, только он не Горсткин, а Лягавый, так ты ему не говори, что он Лягавый, обидится» [7; т. 14, с. 253]. Ф.М. Достоевский акцентирует внимание читателя на прозвище, когда вводит в размышления Мити оценочную реплику: «или дельный совет (от такого-то дельца) – со знанием дела, со знанием этого Лягавого (странная фамилия!), или – или старик над ним посмеялся!» [7; т. 14, с. 245]. Прозвище *Лягавый*, восходящее к глаголу *лягать* «брыкаться, бить наотмашь задними ногами» [6; т. 2, с.285), эксплицирует зооморфизм персонажа, поскольку лягаются копытные животные, и соотносит его образ с чертом. Соотнесению персонажа с нечистью способствует и указание на то, что ночует Лягавый в избе у лесного сторожа (лесным сторожем является в славянской мифологии леший).

Митя едет в *Сухой Поселок*, где находится Лягавый, к которому направила его г-жа Хохлакова. Как уже нами отмечалось неоднократно, Ф.М. Достоевский чаще использует услышанные имена собственные, чем создает новые. К числу подобных относится микропоним *Сухой Поселок* – название, встретившееся писателю во время поездки в Оптину пустынь [12]. *Сухой Поселок* – это место, где Лягавый «торгует лес»: Митя, «выйдя из избы, ... увидел, что кругом только лес и ничего больше» [7; т. 14, с. 338]. Микропоним *Сухой Поселок*, с одной стороны, указывает на особенности природного ландшафта, а именно, на отсутствие водоемов, с другой стороны, адъектив *сухой* в названии может свидетельствовать о качестве леса, который покупает Лягавый: *сухой лес*, дерево, поделочное, хорошо просушенное; на корню усохшее, нерастущее [6; т. 4, с. 365]. Лексема *сухой* в тексте романа становится символом безжизненного пространства, в которое Ф.М. Достоевский помещает Горсткина-Лягавого и в котором ждут испытания Митю. Отметим, что писатель нередко использовал сказочные мотивы для выстраивания сюжета произведений, формирования их образной системы (Иван-царевич – одно из именовании Ставрогина, три сестры Епанчины, семье Мармеладовых есть отец, мачеха и падчерица). В романе «Братья Карамазовы» повествование строится вокруг трех братьев, младший из которых помогает остальным, поэтому неслучайно двум братьям предстоит испытание лесом: в мифологическом сознании, транслируемом в фольклоре, лес является пространством, выступающим в роли границы между реальным и нереальным миром, между своим и чужим. В.Я. Пропп, анализируя художественную функцию леса в сказке, отмечал, что «лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев» [14; с. 45]. Не каждый герой может пройти испытания, которые ждут его в лесу, поскольку они всегда связаны с проявлением моральных качеств, таких как доброта, милосер-

дие. Слово *сухой* может также характеризовать Лягавого как человека, который не способен помочь Дмитрию: сухой человек – суровый, малословный, холодный, безучастный, неласковый [6; т. 4, с. 365].

Бегичево и Дячкино – название участков, на которых расположена роща Чермашня. Федор Павлович Карамазов отмечает, что находятся они «в пустошах» [7; т. 14; с. 52]. Данные микротопонимы являются реальными, о чем свидетельствует письмо крестьян деревни Черемошни 1913 года: «Многоуважаемая Юлия Александровна и Ольга Александровна Просим Вас все вообще Чермошеския мужички насчет зимли и лугу как Вы намерины отдать зимли под еровой посев Будим братья 20 десяян А луг весь как то Бигичево и дячкино и покорьнице Вас просим от писать нам Ваше условие и стоимостъ как лугу так же ровно и зимли» [цит. по: 4]. Безусловно, «реальные антропонимы и топонимы в тексте художественного произведения – знак того, что они весьма значимы для автора, в частности, своими биографическими коннотациями» [4], однако отметим, что Ф.М. Достоевский использует автобиографичные микротопонимы, превращая их в семантически маркированные и наполняя их нужными для определенного момента развития сюжета смыслами, что способствуют раскрытию идейного содержания последнего романа. Так, топоним *Бегичево*, образованный по продуктивной для русской топонимии модели, связан с намерением Ивана бежать из семьи, чтобы не быть сторожем брату своему [7; т. 14; с. 211] (ср. бег – Бегичево). Название рощи *Чермашня* восходит к адъективу *чермный* ‘красный’ [22; т. 4, с. 344], «червлёный, багровый, темно-красный; мутного красного цвета; | рыжий. воды чермны, яко кровь, цар. изыде же сын первенец чермен, быт. чермность, багровость, краснота. небо чермнуется, церк. ведрет, проясняется. чермнеть, становиться чермным; чермнеться, видеться таким. чермное сиб. краснолесье, хвойный лес: сосна, ель, пихта, лиственница, кедр и пр. чермно-русый, рыжеватый волосом [6; т. 4, с. 593]. Как видим, фактически, Чермашня – это краснолесье, хвойный лес, однако в контексте романа микротопоним, этимологически связанный с колоронимом, обозначающим темно-красный, «яко кровь», цвет приобретает символическое значение, предсказывая убийство Федора Павловича. Комоним *Дячкино* имеет несколько вариантов происхождения, поскольку может быть связан с термином родства *дячка*, обозначающим в казацком быту дядю [20; с. 309], или с искаженным наименованием *дячок* (дьячок) – помощник священника [19], низший служитель культа в православной церкви, церковнослужитель, не имеющий т.н. степени священства; то же, что псаломщик [22], который участвовал в совершении разных обрядов, например, у А.С. Пушкина: «Священник пошел вперед, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы». В романе «Братья Карамазовы» при обсуждении места для погребения Илюши Снегирева старуха хозяйка возражает против места у камня и приводит следующий довод: «Из церкви пение слышно, а дьякон так чисторечиво и словесно читает, что 20 всё до него каждый раз долетит, точно бы над могилкой его читали» [7; т. 15; с. 191]. Таким образом, микротопонимы из детских воспоминаний Ф.М. Достоевского получают семантическую глубину, выступая предвестниками беды.

Еще один микротопоним – *Вышегорье* – возникает в начале романа: из *Вышегорья* приходит «здоровая баба с грудным ребеночком на руках», с девочкой Лизаветой [7; т. 14; с. 48]. Вышегорье – название реально существовавшей деревни в Соминской волости Устюженского уезда Новгородской губернии [20], которое писатель мог слышать, проживая в Старой Руссе. Образ женщины с младенцем соотносится с образом Богородицы, тем более что поначалу рассказчик не указывает пол ребенка, а Зосима, обращаясь к женщине из Вышегорья, использует лексему *мать*: «Развеселила ты мое сердце, мать» [7; т. 14; с. 49]. Появление женщины с ребенком подобно благословию старцу: «Еще двадцать лет проживешь, право, Бог с тобою! Да и мало ли за тебя молебщиков, тебе ль хворать?» [7; т. 14; с. 49]. Реальный топоним *Вышегорье* в контексте романа переосмысливается в связи с полисемантической производящих основ в его составе: *вышний* – это сходящий свыше, божественный, словно спускается женщина с младенцем с небес, что еще раз подтверждает соотнесённость ее образа с образом Богородицы. Благословение на долгие годы жизни старец вспоминает неза-

долго до смерти: «может и двадцать лет еще проживу, как пожелала мне вчера та добрая, милая, из Вышегорья, с девочкой Лизаветой на руках» [7; т. 14; с. 258].

Микротопоним *Мокрое*, многократно встречающийся в романе, раскрывается рядом коннотаций, обусловленных теми событиями, которые в этой деревне происходят. М.С. Альтман относит данный топоним к группе переосмысленных названий и связывает его с рассказом Федора Павловича Карамазова «за коньячком»: «В Мокром я проездом спрашиваю старика, а он – мне: «Мы оченно, говорит, любим пуще всего девок по приговору пороть и пороть даем все парням. После эту же, которую ноне порол, завтра парень в невесты берет, так что оно самим девкам, говорит, у нас повадно...» Жаль, что давеча я у игумена за обедом монахам про Мокрых девок не рассказал» [7; т. 14; с. 122] [1; с. 197]. В случае с микротопонимом *Мокрое* наблюдается одна из особенностей ономастического кода Ф.М. Достоевского – апеллативно-онимное взаимодействие [15]: в тексте романа лексемы с корнем *мокр-* приобретают негативные коннотации, например, Федор Павлович говорит Смердякову: «Ты разве человек, – обращался он вдруг прямо к Смердякову, – ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» [7; т. 14; с. 114], Мите снится сон, в котором ему холодно «и снег валит крупными мокрыми хлопьями» [7; т. 14; с. 456], а Ришара «в мокреть и в холод» выгоняют пасти стадо [7; т. 14; с. 218]. Думается, подобное восприятие связано с собственными ощущениями писателя относительно сырой холодной погоды, характерной для Петербурга.

Трудно установить, известен ли был Ф.М. Достоевскому эвфемизм *мокрое дело*, используемый в просторечии для обозначения убийства [13, с.354], однако фразеологизм *мокренько будет* писатель знал и использовал: «Кулачный господин <...> выдвигал иногда на вид одну совершенно национальную вещь – огромный кулак, жилистый, узловатый. <...> и всем становилось ясно, что эта глубоко национальная вещь пустится без промаха на предмет, то действительно, только мокренько станет» [7; т. 8; с. 133-134]. Мокрое – это место Митиных кутежей, не обходящихся без пьянства: «Мы отсюда с ней в Мокрое, это двадцать пять отсюда верст, цыган туда добыл, цыганок, шампанского, двинул тысячами» [7; т. 14; с. 109]. Прилагательное *мокрый* входит в состав идиомы *мокрая губа*, означающей пьяницу (ср.: Пьяный, что мокрый: как высох, так и готов) [6; т. 2, с. 339].

К числу принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского относится «наличие автобиографического ономастического импульса, в качестве которого выступает оним, производный от корня апеллатива с богатым семантическим потенциалом», в связи с чем предсказуемы ономастические находки исследователей, связанные с фактами биографии писателя. Например, Г. Коган отмечает, что деревень с названием Мокрое, как и Чермашен, на карте России много, в том числе, и вблизи Старой Руссы, ставшей прообразом Скотопригоньевска, однако в романе «Братья Карамазовы» Мокрое – это почтовая станция, расположенная на Чернском почтовом тракте, по которому можно было попасть на Белевско-Козельский почтовый тракт, ведущий в Оптину пустынь, куда Ф.М. Достоевский вместе с Вл. Соловьевым ездили к старцу Амвросию, поэтому в романе «Братья Карамазовы» упоминаются *Черни* [12]: приехав в Мокрое, Дмитрий застаёт там Калганова и Максимова, которые «из *Черней* возвращались, да и остались» [7; т. 14; с. 374]. Еще один источник возникновения микротопонима *Мокрое* – услышанное во время каторги название омского района, что отмечено комментаторами романа «Братья Карамазовы»: «Один из районов старого Омска, где Достоевский провел несколько лет, тоже назывался Мокрым и так обозначался на старых картах города» [7; т. 15; с. 543]. Так, семантически емкий микротопоним *Мокрое* является в романе контекстуальным антонимом названию *Сухой Поселок*.

Микротопоним *Рождественская*, относимый к названиям с православной семантикой, возникает в романе в связи с очередным кутежом Мити Карамазова: «Цыган теперь вовсе не слышно, Дмитрий Федорович, согнало начальство, а вот жида здесь есть, на цимбалах играют и на скрипках, в Рождественской» [7; т. 14; с. 374]. Приехавшие из *Рождественской* му-

зыканы, становятся свидетелями начала нравственного *возрождения* Мити и *духовного рождения* нового человека – Калганова.

Как видим, Ф.М. Достоевский мастерски использовал микропонимы в романе «Братья Карамазовы» для создания особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микропонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень.

Библиографический список

1. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).
5. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Индивидуально-авторская модель мира в исследовании языка писателя // *Philologos*. 2023. № 1 (56). С. 39-46.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Терра, 1995.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
8. Жолковский А.К. О Смердякове (К проблеме «Булгаков и Достоевский») // *Лотмановский сборник*. Т.1 . М., 1995. С. 570.
9. Заболотная С.А. Имя как хронотоп // *FILKO: Сборник на трудови / Прва меѓународна научна конференција филологија, култура и образование, 18-19 март 2016, Штип*. Штип: Универзитет —Гоце Делчев, 2016. С.217-225.
10. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // *Избранное. Литературная ономастика*. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
11. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2017. № 3 (26). С. 10-22.
12. Коган Г. Достоевский па дорогах России // *Литературная газета*. 1974. 25 декабря.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 928 с.
14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1986. 370 с.
15. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.
16. Скуридина С.А. Ономастический хронотоп в художественных текстах Ф.М. Достоевского // *Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. Материалы международной научно-практической конференции*. 2021. С. 177-183.
17. Скуридина С.А. Провинциальный хронотоп в романе «Братья Карамазовы» // *Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2013. № 9. С. 84-93.
18. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Петербург Ф.М. Достоевского и Москва М.А. Булгакова: к вопросу о мифопоэтическом и хронотопическом потенциале макропонимов // *Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы II Международной научной конференции*. Воронеж, 2021. С. 361-365.

19. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков под ред. О.С. Мжельской, Выпуск 6: Доучиваться – Заехать. СПб.: Наука, 2014. 360 с. URL: <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/node/8048> (дата обращения - 18.12.2024).
20. Словарь русских народных говоров. Выпуск 8 (Дёр – Ерепениться). Л., 1972.
21. Список населенных мест Новгородской губернии [по уездам] / Сост. под ред. Новгородск. губ. стат. ком. В. А. Подобедова. Новгород : Губ. тип., 1907-1912. 11 т. Вып. 8 : Устюжнский уезд / сост. под ред. С. Р. Минцлова. 1911. 129 с.
22. Толковый словарь Ушакова. 1935-1940, <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. СПб.: Терра – Азбука, 1996.
24. Фомин А.А. Ономастика «Фанданго» А. Грина: хронотоп и концептуальный план произведения // Известия Урал. гос. ун-та. 2000. №17. Гуманитарные науки: Филология. Вып. 3. С. 133–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный технический
университет,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507;
e-mail: saskuridina@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 81.373.21

М.А. Денисова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: deni-mar@list.ru*

СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЯ МОРОЖЕНОГО

Настоящее время характеризуется активным развитием коммерческой номинации. Большой ассортимент в сфере продуктов питания и конкуренция между производителями делают название одним из средств привлечения покупателей. В работе анализируются семантические и грамматические особенности наименований мороженого российских производителей.

Ключевые слова: прагматонимы, имя собственное бизнес-объекта, способы словообразования.

М.А. Denisova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: deni-mar@list.ru*

SPECIFICITY OF ICE CREAM NAMING

The present time is characterized by the active development of commercial nomination. A large assortment in the food industry and competition between manufacturers make the name one of the means of attracting customers. The paper analyzes the semantic and grammatical features of ice cream names of Russian manufacturers.

Keywords: pragmatonyms, proper name of a business object, word formation methods.

Рыночная экономика, несколько десятилетий назад пришедшая на смену плановой, сделала название одним из важнейших инструментов продвижения товара и услуги. Выполняя множество функций, прежде всего название должно выделять товар из ряда других, давать информацию о товаре и привлекать внимание потенциальных покупателей. Семантический анализ разных групп товаров позволяет выявить закономерности, свойственные каждой группе [3], [4], [5]. Проанализируем 303 наименования мороженого 34 хладокомбинатов России.

Данная группа продукции различается по формату, это может быть стаканчик, рожок, эскимо, сэндвич, трубочка, брикет. Иногда слово, указывающее на форму, входит в состав названия («Деловой стаканчик», «Филёвский рожок», «Эскимо №1», «Сэндвич со злаками», «Сахарная трубочка», «Филёвский брикет на вафлях»), в остальных случаях мы не указываем его. Разновидности мороженого, связанные с разной долей жира в продукте: молочное, сливочное, пломбир – также не указываются нами, но иногда слово «пломбир» входит в состав названия («Пломбир на сливках», «Чистый пломбир»).

Структура номинации мороженого по преимуществу составная, то есть выражена синтаксической конструкцией, преобладают словосочетания типа «прилагательное + существительное» («Шоколадный мальчик», «Золотой слиток», «Белый фрегат», «Пермский пломбир»), реже «существительное + существительное» («Радость детства», «Фабрика Грёз», «Жемчужина России», «Мишки из Карелии», «День варенья») и «количественное числительное + существительное» («5 звёзд», «11 копеек», «Три молока», «Три богатыря»). Единичны

– «порядковое числительное + существительное» («*Первый вкус*») и «местоимение + существительное» («*С нашего двора*»). В качестве названий используются повествовательные предложения («*Дивушкино – удивительная деревня*», «*Одного поля ягоды*», «*Ягодка – спелая красавица*»), вопросительные («*Ну а чё?*»), восклицательные («*Самое то!*», «*Поспел!*», «*Время летать!*», «*Хлоп!*», «*ОЕ!*») и побудительные («*Охладись-ка!*», «*Попробуй магию загадки*», «*Съешь меня!*»).

Среди однословной номинации преобладают имена существительные нарицательные, чаще неодушевленные («*Предвкушение*», «*Берёзка*», «*Сфинкс*», «*Фараон*», «*Каприз*») и относительные прилагательные, согласующиеся со словом «мороженое» или «эскимо» («*Российское*», «*Пятигорское*», «*Земляное*», «*Фруктовое*», «*Краснодарское*») или со словом «пломбир» («*Кубанский*», «*Чебоксарский*», «*Цветочно-ягодный*», «*Компанейский*», «*Тюменский*»). Слова преимущественно употреблены в единственном числе («*Кураж*», «*Бумеранг*», «*Ярмарка*», «*Ладушка*», «*Юмка*»), редко – во множественном («*Зубастики*», «*Весёлые внушата*», «*Снежарики*», «*Ми- ми мишки*»).

Номинация мороженого по преимуществу мотивированная, то есть название ассоциируется с содержанием продукта. Для неё характерна ярко выраженная положительная коннотация, мотивы сказки и волшебства («*Лесная магия*», «*Сказка*», «*В гостях у сказки*», «*Северная сказка*», «*Волшебный рожок*», «*Волшебный фонарь*»).

Выявлены следующие типичные способы номинации, расположенные здесь по степени частотности:

1) названия отражают состав, вкус продукта как прямо («*Арбуз*», «*Ириска Кис-киска*», «*Груша-персик*», «*Вишня в шоколаде*», «*Сладкая вата*»), так и косвенно («*Дон Кивито*», «*Шоколад Шоколадович*», «*Шоколетта*», «*Лесная белочка*», «*Карамелито*»). Часто мороженое имеет многоступенчатую номинацию, где первая ступень – название торговой марки, вторая – название мороженого, третья – вид мороженого, а четвертая – вкус. Например, *Чистая линия – Ice Gravity – Десерт Анны Павловой – Пломбир ванильный с джемом из лесных ягод и безе-меренгами* или *Чистая линия – Ice Gravity – Шварцвальдская вишня – Пломбир шоколадный с кусочками шоколадного печенья и ромовой вишней*. Такая многоступенчатая номинация может лишаться первой ступени и тогда это выглядит, например, так: *Чудеса света – Манхэттен – йогурт-вишня* или *Чудеса света – Римские каникулы – суфле с шоколадным топингом*. В большинстве случаев, если название торговой марки потребителями опускается, то название сокращается до двух ступеней, например, *Пломбир – крем-брюле / ванильный / шоколадный*.

2) название связано с географическим объектом: местом производства или источником рецепта, чаще всего это город («*Ростов гостеприимный*», «*Ростов папа*», «*Ленинградское*», «*Кубанский ларчик*», «*Вечерний Екатеринбург*»), может быть губерния («*Азовская губерния*»), деревня или село («*Гавриловка*», «*Вятушка*», «*село Исетское*», «*Зелёное*»). Частотны и фантазийные прагматонимы, созданные по модели географического объекта: «*Сарафаново*», «*Каравачево*», «*Свитогорье*», «*Дивушкино – удивительная деревня*», «*Из села Удоево*», «*Вкусландия*». Немногочисленны наименования, включающие другие страны и города: «*Классическая Венеция*», «*Венский стаканчик*», «*Голливуд*», «*GREKOS*», «*Мадагаскар бурбон*». Последний прагматоним является, по-видимому, одним из компонентов указанного вида мороженого. Ваниль сорта Бурбон, обладающая уникальным цветочным ароматом, произрастает только на острове Мадагаскар.

3) название подчёркивает связь продукта с холодом, морозом, снегом («*Озорной холодок*», «*Снежный дворик*», «*Снежное лакомство*», «*Метелица*», «*Ой, снег снежок*», «*Зимние узоры*», «*Полюс*», «*Сосулька*», «*Бодрячок Снеговичок*», иногда для этого используются названия народностей севера или животных, проживающих на севере («*Эскимос*», «*3 тюленя*», «*Пингвин Гоша*», «*33 пингвина*», «*Мишка на полюсе*»). Зима в нашем представлении тесно связана с новогодними праздниками, что находит своё отражение и в названиях: «*Мороже-*

ное от Деда Мороза», «Мороженое от внучки Снегурочки». Одним из видов мороженого является фруктовый лед, представляющий собой замороженный сок, неслучайно прагматони-мы включают в себя сему «лед»: «Лед'ОК», «Луналёд», «ЛЕДяной сок!», «Ледышкин», «Ле-дяное лакомство».

4) название указывает на высокое качество продукта («Выбор Кремля», «Золотой стандарт», «Столичный стандарт», «Классика вкуса», «Самые сливки»). Часто гарантией высокого качества является упоминание мороженого, существовавшего в Советском союзе или отсылка к государственному стандарту («СССР», «Как раньше», «Советский стан-дарт», «Советский пломбир», «ГОСТовский», «48 копеек»). Последний прагматоним связан с ценой самого дорогого пломбира в Советском союзе, он как раз стоил 48 копеек. Сегодня покупатели обращают внимание на состав продукта, выбирая натуральное, что также находит отклик в номинациях («Натуранчо», «Натур пломбир», «Natur Ice», «Натуралика», «Здоровая еда»).

5) название отсылает к форме, внешнему виду мороженого («Вертушка», «Шайба», «Кактус», «Сердечко», «Единорожка», «Спиннер», «Караоке» (в форме микрофона)). Порой в названии соединяются несколько семантических компонентов. Например, мороженое «Ба-нанчик» от компании «Славица» повторяет форму банана, его цвет и вкус. Мороженое «Ка-занский кот», произведенное той же компанией, имеет форму кошачьей морды, а название, по одной из версий, связано с легендой об осаде Казани войсками Ивана Грозного, когда верный кот казанского хана разбудил хозяина и помог ему спастись [2].

6) название иллюстрирует связь с героями мультфильмов и компьютерных игр («Perra Pig», «Фиксики», «Маша и Медведь», «Почтальон Печкин», «Хаги Ваги», «Киси Миси»), а также литературных и музыкальных произведений («Мальвина», «Хаврошечка», «Лакомство для Карлсона», «Знакомство с Дракошей», «Труффальдино», «Чио-сан», «Большой Брат»). Последнее отсылает к роману Джорджа Оруэла «1984», где так именовался глава описывае-мого государства, впоследствии это словосочетание стало использоваться по отношению к любому государству или правительству.

7) название описывает цвет мороженого («Жемчужное», «Мраморное», «Океан», «Бе-лое», «Светофор», «Красная шапка», «Чернее чёрного», «Обамка»). Последнее, производи-мое компанией «Славица» с 2015 года, повторяет имя Барака Обамы, бывшего в то время президентом США. Наименование и, вследствие этого, политика компании была признана незтичной [6].

8) в названии содержится упоминание о лете, как о сезоне употребления мороженого («Летнее чудо», «ЛетоЛайк», «Солнышко Кубани», «Фруктолето», «Лето!», «Золотой пляж», «Мини Бикини», «Sunreme» (с англ. солнечный крем)).

9) название рассказывает о потребителе, прежде всего ребёнке, как об основном пред-ставителе целевой аудитории, указывая не только на его положительные стороны («Весёлые внучата», «Зубастики», «Почемучка», «Сладкоежка», «Сластёна», «Sweet kids»), но и на неприятные черты характера («Задавашка», «Подлиза», «Жади́на», «Пижсон»).

10) название характеризует продукт («Бархат», «Крутьишка», «ХиТ», «Фаворит», «Кайф», «Extreme Intriga») свидетельствует о его размере («Гигант», «Великан», «Большой стакан», «Большой папа») или адресует его отдельным группам покупателей («Халяль», «Ве-ган», «Vegaice», «Vegan Bliss Коко», «Сакское не мороженое» (без лактозы)).

11) название представляет собой личное имя («Маруся», «Маня», «Ваня», «Варенька», «Крошка Мирошка», «Ермошка», «Сёмыч», «Белка и Стрелка», «У Палыча», «Алесіны сказкі»). Последнее написано на белорусском языке, хотя производит его в России, в Твери компания «Морозофф».

12) в названии прямо или косвенно упоминается корова, как источник молока – основ-ного компонента мороженого («Коровка из Кореновки», «Бодрая корова», «Весёлая коров-ка», «Алтайска бурёнка», «Крейзи Му», «BURËNKA CLUB», «Нота Му»).

Иногда производитель использует прагматонимы, резко контрастирующие с остальными. Так, например, уже упомянутая компания «Славица» в своем ассортименте имеет мороженое «*Хохол*», «*Бедный еврей*», «*Американец*». Эти номинации были признаны неэтичными как потребителями, так государственными органами в связи с формированием негативной оценки к представителям нации [1], ФАС рекомендовала сменить название.

Можно выделить номинативные группы, включающие в себя какой-то неизменный компонент, то есть названия мороженого представляющие варианты известного, пользующегося устойчивым спросом бренда, например, «*Лакомка*», «*Филёвская лакомка*», «*Московская лакомка*», «*Костромская лакомка*», «*Лакомый кусочек*», «*Лакомый вкус*», «*Лакомая трубочка*», «*Лакомочка*», «*Сам полакомься*». Дело в том, что закон о патентах, вышедший в 1992 году, а также поправки к закону о патентах 2008 года лишили производителей возможности на правах бесплатной лицензии выпускать мороженое с таким названием. В настоящее время права на бренд «*Лакомка*» принадлежат подмосковной компании «Русский Холод».

Среди анализируемых есть небольшая часть прагматонимов на английском языке («*Viviane*», «*Claretti*», «*Lizz*», «*Mr. Pin*», «*Cornetto*», «*Fruttini*», «*Bombbar*», «*Vahroma*», «*Max Twister*»), некоторые представляют собой русские слова, оформленные латинской графикой («*Kusatiki*», «*Rublevka*») или сочетают кириллицу и латиницу («*BURËNKA CLUB*», «*Экзо*») [5]. Ещё пару десятилетий назад россияне предпочитали покупать продукцию, произведённую за границей, поэтому и активнее реагировали на латинскую графику. Продукция, выпущенная в России под таким наименованием, сразу относилась потребителями к премиальному сегменту, предлагающему качественный и дорогой товар. Однако теперь россияне убеждены, что наши продукты вкуснее и натуральнее импортных. Более того, западные компании, продвигая свою продукцию на наш рынок, тщательно выбирают название именно на русском языке. Например, мороженое «*48 копеек*», «*Почемучка*», «*Бон пари*» и другое выпускает компания Nestle (Швейцария), после объединения в 2016 году получившая имя Froneri. Неслучайно, некоторые предприятия России английское название теперь пишут на упаковках, используя как латиницу, так и кириллицу: «*Ice Jam*» – «*Айс джем*» (Белгородский хладокомбинат). А в последнее время и иностранные бренды название на товарах, продаваемых на территории России, стали писать кириллицей, например, «Нестле».

В номинациях мороженого есть и неологизмы: прагматоним «*#Мнефиолетово*» создан сращением с добавлением символа # – хештэга (решётки), «*Фруктолето*» – сложением основ. Способом наложения, создания сложных слов, части которых накладываются друг на друга или телескопным способом образованы «*Балдѣжик*» (балдеть+ѣжик), «*Натуранчо*» (натуральный+ранчо), «*Снегуру*» (снег+кенгуру), «*Снежарики*» (снег+шарики), «*Эскиммишка*» (эскиммо+мишка), «*Шоколетта*» (шоколад+Колетта), «*Карамелита*» (карамель+Кармелита).

Таким образом, номинация мороженого по преимуществу мотивированная, то есть название ассоциируется с содержанием продукта, она вызывает яркие зрительные образы («*Караван*», «*Созвездие*», «*Тигруля*», «*Забавный Лео*»). При выборе прагматонима учитывается и целевая аудитория – это прежде всего дети, что отражено в названиях, связанных с героями мультфильмов и детских литературных произведений, хотя этот продукт востребован у всех членов семьи. Употребление продукта связана с летними каникулами, праздником, выходными днями. Этими факторами и продиктованы данные способы номинации.

Библиографический список

1. Калинин И. «Обамка», «Хохол» и «Бедный еврей»: фабрика мороженого из Татарстана снова возмутила общественность // Вечерняя Казань: сайт. URL: <https://www.evening-kazan.ru/obshhestvo/articles/obamka-xoxol-i-bednyi-evrei-fabrika-morozhenogo-iz-tatarstana-snova-vozmutila>

[obshhestvennost?ysclid=m79540uidh944091129&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru](https://obshhestvennost.ya.ru/ysclid=m79540uidh944091129&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru) (дата обращения 17.02.2025)

2. Кот казанский, или почему в Казани так популярны коты // Шагаем по миру: сайт. URL: <https://shagau.ru/2013/11/12/kot-kazanskij-ili-pochemu-v-kazani-tak-populyarny-koty> (дата обращения 17.02.2025).

3. Лапинская И.П., Денисова М.А., Гостева О.В. и др. Стиль рекламы: Речевые формы: монография. Воронеж: ВГТУ, 2016. 161 с.

4. Лапинская И.П., Денисова М.А. Нейминг: условия и перспективы // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы II Международной научной конференции. Воронеж, 2021. С. 42-46.

5. Лапинская И.П., Денисова М.А. Инновации семантики и графики слова в стиле рекламы // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития. Материалы 16-ой всероссийской научно-практической конференции. Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2018. С. 151-157.

6. Троицкий М. New York Post: Мороженое "Обамка" разозлило американских чиновников (выпуск 07.05.2016) // Комсомольская правда: сайт. URL: <https://www.kazan.kp.ru/daily/26526.7/3543110/> (дата обращения 17.02.2025)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Денисова Марина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент;

доцент кафедры русского языка

и межкультурной коммуникации,

Воронежский государственный технический

университет,

SPIN-код 4722-0767;

e-mail: deni-mar@list.ru

Denisova Marina Aleksandrovna,

PhD in Philology, Associate Professor;

Associate Professor of the Department of Russian Language,

and Intercultural Communication,

Voronezh State Technical University,

SPIN-code 4722-0767;

e-mail: deni-mar@list.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 81.373.2

Ю.А. Кульпинов

*Средняя общеобразовательная школа № 3
(Изобильный, Российская Федерация)
e-mail: yurij-kulpinov@yandex.ru*

КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются зоонимы в этнолингвистическом осмыслении, дается их классификация в зависимости от значения основы аппеллятива, приводятся примеры словообразовательных формантов, используемых при образовании данного вида онимов.

Ключевые слова: ономастика, зоонимы, клички, этнолингвистика, словообразовательные форманты, станица Гаевская Изобильненского района Ставропольского края.

Yu.A. Kulpinov

*Secondary comprehensive school No. 3
(Izobilny, Russian Federation)
e-mail: yurij-kulpinov@yandex.ru*

CULTURAL PECULIARITIES OF ZOONIMS

The article examines zoonyms in ethnolinguistic understanding, classifies them depending on the meaning of the base of the appellative, and provides examples of word-forming formants used in the formation of this type of onyms.

Keywords: onomastics, zoonyms, nicknames, ethnolinguistics, word-forming formants, the village of Gaevskaya, Izobilnensky district, Stavropol territory.

Зоонимы – это пласт духовной культуры народа, который кодирует информацию об окружающем мире, а его восприятие человеком является одной из важнейших составляющих национальной модели мира. В кличках животных закрепились определенные механизмы, отражающие формирование наивной картины мира, показывающие огромную роль животных в самопознании и в мировосприятии человека.

Ономастическое творчество человека своеобразно проявляется в зоонимах. «Зооним – вид онима, собственное имя (кличка) животного, в том числе домашнего» [5; с. 59]. Это «имена собственные, присваиваемые животным (в просторечии – клички животных)» [3; с. 113]. Одной из характерных особенностей образования онимов этой группы является онимизация – лексико-семантический переход слов в разряд собственных имен без изменения их формы. Также можно говорить и о трансоимизации, т.е. переходе любого онима в зооним.

Среди записанных нами в станице Гаевской Изобильненского района Ставропольского края более 450 кличек животных индивидуальных хозяйств большое количество занимают отпроприальные зоонимы. Как правило, данный вид онимов образован от имен, отчеств, фамилий хозяев, людей, подаривших это животное, встречаются (редко) и клички, данные в честь известных актеров, певцов, спортсменов. Приведем данные из нашей зоонимической картотеки.

Собаки: Боб, Бой, Ваня («Мужык мой так кабиля назвал ф честь тестя»), Джек, Казбек, Каиштанка, Лада, Матильда, Мухтар, Рекс, Семеныч (щенка назвали от фамилии хо-

зяина Семенов), *Тарзан*, *Тузик*, *Цезарь* (важный), *Юлька* (сосед назвал в честь любимой девушки).

Кошки, коты: *Алиска*, *Алла Борисовна* (названа в честь певицы А.Б. Пугачевой из-за рыжего цвета шерсти), *Анфиска*, *Василиса*, *Васька*, *Джерри*, *Джина*, *Дунька*, *Кузя*, *Ланка*, *Лиза*, *Лео*, *Мальвинка*, *Мишка*, *Сарра*, *Сонька*, *Том*.

Коровы, быки: *Борька*, *Гаврюша*, *Горбачев* (пятно белое на лбу), *Зойка*, *Майка* (от имени хозяйки Майи), *Милка*, *Нефедиха* (от фамилии хозяйки Нефедова), *Роза*.

Козлы, козы: *Вася*, *Лизка*, *Марта*, *Машка*, *Яшка*.

Бараны, овцы: *Катька*, *Машка*, *Мотька*, *Степка*.

Кабаны, свиньи: *Васька*, *Катька*, *Машка*, *Февронья*.

Рассматриваемые нами отапеллятивные зоонимы в зависимости от значения основы апеллятива можно распределить на 4 группы.

1) Особенности внешнего вида животного. Лингвистические исследования давно выявили связь прозвищ и фамилий человека с характеристикой внешнего вида. Подобный подход наблюдается и в кличках домашних животных:

а) цвет: *Белка*, *Бельчик*, *Буренка* (бурый цвет шерсти), *Вороной*, *Гнедой*, *Дымок* (дымчатая шерсть), *Жук* (черный, как смола), *Картинка* («Очень красивая карова была, как с картинки»), *Каурка*, *Красавчик* (бычок), *Краснуха*, *Лоскуток* («У бычка на лбу была белая палоска, как ласкут»), *Огонек* (рыжий), *Пеструха*, *Рябушка*, *Рябчик*, *Рыжик*, *Снежинка*, *Снежок*, *Чернушка*, *Черныш*, *Цыганка* (черный окрас шерсти);

б) размер: *Кнопка*, *Копейка* (маленькая), *Малыш*, *Малютка*, *Муха* (маленькая), *Пятак* (из-за большого рыла), *Шарик* (маленький, толстый);

в) наличие волосяного покрова: *Кудрявка*, *Кукла* (красивая белая собачонка, глаз из-за волос не было видно), *Пушок* (пушистая).

2) Особенности нрава, поведения животного, его физического состояния: *Барсик*, *Буяна*, *Герой* (смелый, чужих во двор не пускал), *Граф* (важно ходил), *Дружок* (дружелюбный), *Жуля* (хитрый, жулик), *Звонок* («Звонкий голос у кабия, залиvistый, сразу слышна была, што чужой пришел»), *Ласка* («Телачка ласкаца любила»), *Лизун*, *Лорд* (благородного происхождения), *Маркиз*, *Пантера* (злая), *Полкан* (злой), *Пират* («Гаскал тапачки и прятал их»), *Чертенюк* («Ниспакойный, шкадливый»).

3) Время рождения, возраст, пол: *Девочка*, *Дочка* (телочка от имеющейся в хозяйстве коровы), *Жданка*, *Зоренька*, *Зорька*, *Майка* (родилась в мае), *Мальчик*, *Марта* (родилась в марте), *Ночка*, *Февралек*.

4) Образованы от названий растений, явлений природы, абстрактных существительных: *Буран*, *Ветер*, *Град*, *Гром*, *Звездочка*, *Роза*, *Ромашка*, *Солнышко*, *Тумана*.

Зоонимическая лексика отличается большим набором экспрессивных образований, поскольку в этой семантической сфере имен особенно ярко проявляются ценностно-целевые ориентации человека. При образовании зоонимов от нарицательных имен в рамках морфологического способа используются следующие словообразовательные форманты: *-ёк* (Малек), *-авк(а)* (Красавка), *-ик* (Барсик, Рыжик, Тузик, Шарик), *-их(а)* (Нефедиха), *-янк(а)* (Зорянка), *-еньк(а)* (Зоренька), *-к(а)* (Белка, Борька, Жданка, Ночка), *-очк(а)* (Звездочка, Ласточка), *-ух(а)* (Чернуха), *-ыш* (Черныш), *-енк(а)* (Буренка), *-ок* (Лоскуток), *-ышк(о)* (Солнышко), *-отк(а)* (Красотка), *-ютк(а)* (Малютка), *-ушк(а)* (Чернушка), *-авчик* (Красавчик), *-инк(а)* (Снежинка), *-еньк(а)* (Зоренька), *-енок* (Чертенюк).

Нулевая флексия как способ словопроизводства в качестве производящих использует наименования:

а) лиц мужского и женского пола (*Джсек – Джсека*, *Буян – Буяна*);

б) месяцев года (*март – Марта*);

в) явлений природы (*туман – Тумана*, *град – Град*).

Морфолого-синтаксический способ избирается в соответствии с производящим-прилагательным: *Вороной*, *Гнедой*, *Меченый*.

Своеобразным показателем изменения этноязыкового сознания является зоонимия. Этнолингвистическое осмысление данного вида онимов направлено на выявление закономерностей мировосприятия, что диктует необходимость выявления различных зоонимических групп: словообразовательных (*Красавка, Красавчик, Красотка*), семантических (*Копейка, Кнопка, Малыш, Муха*), по специфичности образности названий (*Бельчик, Снежок, Белянка*).

Для этноязыкового сознания казаков характерно мягкое и бережное отношение к животному: *Ночка, Дочка, Лоскуток, Марта, Красавка, Кукла* и др. В подобном характере ономастической информации фиксируются предпочтения казаков, жителей станицы Гаевской, традиции восприятия соответствующей группы объектов.

Таким образом, в производных именах нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной деятельности человека, благодаря чему делается вывод о мышлении человека, формируется представление о системе его ценностей. Разнообразие мотивировочных признаков словообразовательно маркированного имени в своей совокупности формируют целостную картину мироощущения и мировидения русского народа.

Библиографический список

1. Болгова Е.В. Лексикографирование зоонимов современного русского языка (на материале зоонимов тематической группы «Млекопитающие копытные, дикие») // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы развития: монография. Петрозаводск: Новая наука, 2020. С. 54-76.
2. Дорогайкина Е.М., Игнатьева Т.Г. Зоономинации как объект лингвистического исследования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 53-66.
3. Ермолович Д.И. [Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода](#). М.: Р. Валент, 2001. 198 с.
4. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыцыковна. Иркутск, 2000. 162 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1998. 192 с.

Информанты:

1. Кульпинов Анатолий Иванович (1942–2018).
2. Сазонова Людмила Ивановна (1935–2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Кульпинов Юрий Анатольевич,
кандидат филологических наук,
средняя общеобразовательная школа № 3,
учитель русского языка и литературы,
SPIN-код 539697,
e-mail: yurij-kulpinov@yandex.ru

Kulpinov Yuri Anatolyevich,
PhD in Philology,
Secondary Comprehensive School No. 3,
Teacher of Russian Language and Literature,
SPIN-code 539697,
e-mail: yurij-kulpinov@yandex.ru

УДК 81.37

А.К. Баркалова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: barkalova.albina@mail.ru*

ОСВОЕНИЕ АНТРОПОНИМОВ В СОЦИОЛЕКТАХ

В статье рассматриваются антропонимы в социолектах пользователей компьютеров, медицинского персонала, работников ресторанов и салонов сотовой связи. Определены способы словообразования лексических единиц, представлена характеристика их семантического значения.

Ключевые слова: антропоним, социолект, жаргон, словообразование, семантика.

А.К. Barkalova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: barkalova.albina@mail.ru*

MASTERING ANTHROPONYMS IN SOCIOLECTS

The article examines anthroponyms in sociolects of computer users, medical personnel, restaurant and mobile phone store employees. The methods of word formation of lexical units are determined, and the characteristics of their semantic meaning are presented.

Keywords: anthroponym, sociolect, jargon, word formation, semantics.

Изучение антропонимов занимало умы ученых еще в царские времена. Одними из первых словарей-справочников имен собственных были «Славянский именовслов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке» М.Я. Морошкина и «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова. При этом в отдельную науку антропонимика выделилась из ономастики лишь в 60-70-е годы XX века, когда свой вклад в науку об именах внесли Н.А. Перовский, А.М. Селищев, Б.А. Успенский, С.И. Зинина, А.Н. Мирославская. В 1974 году академиком С.Б. Веселовским был выпущен большой справочник, собравший имена, фамилии и прозвища Северо-Восточной Руси XV-XVIII веков.

Вместе с развитием науки расширяется и перечень объектов исследования. В настоящее время изучение антропонимов происходит в самых разных направлениях. Авторам интересно исследовать примеры из книг современных писателей и поэтов, например, Виктора Пелевина [10, с. 230-235], Дины Рубиной [8, с.49-55], Татьяны Устиновой [9, с. 47-50] и др. При этом сохраняется интерес и к антропонимам в классической литературе: драматургии Л.Н. Толстого [6, с.107-111], стихотворениях А.С. Пушкина [1, с. 389-392], прозе А.П. Гайдара [7, с. 60-66] и т.п.

Стремительное развитие культуры использования интернета в повседневной жизни, обилие соцсетей и платформ для коммуникаций вызвали отдельный интерес исследователей к виртуальным именам. Понятие «никнейм» уже рассматривается как отдельное антропонимическое явление. Анализируя мотивацию пользователей социальных сетей и способы словообразования онимов, формируются соответствующие классификации [5, с. 98-104]. Развитие сайтов, подразумевающих регистрацию пользователей, обусловили рождение нового класса имен – персонимов, т.е. имен компьютерных пользователей. Как правило, это неформальное, условное имя человека, созданное им самим в условиях компьютерной сферы коммуникации. С ним связаны особые номинативные стратегии и тактики, выработанные в рамках искусственной номинации [3, с. 47].

Несмотря на активное изучение социолектов, и жаргонов в частности, на примере этой группы разговорной лексики изучение антропонимов почти не ведется. Среди обширного объема статей последнего десятилетия, в которых объектом исследования являются социолектизмы и описываются принципы их образования, можно выделить буквально несколько научных материалов, в которых рассматриваются имена собственные в каком-либо аспекте.

Например, в статье 2017 года «Неофициальный антропоним как социально маркированная единица в профессиональной сфере» рассматриваются неофициальные антропонимы в профессиональных сообществах. Исследователь считает: «Антропонимикон конкретного социолекта отвечает требованию корпоративности – предполагается, что его члены знают друг друга и владеют традицией построения своего ономастикома. Неофициальный антропонимикон изначально обладает ярко выраженной мотивированностью, нередко выступают альтернативой официальным онимам» [2, с. 109]. При этом в качестве языкового материала выступают неформальные антропонимы не русского, а немецкого языка, и идет изучение именно форм обращения к человеку, являющихся производными от его имени или фамилии.

Единственным материалом, исследующим антропонимические жаргонизмы, является статья 2015 года, написанная на базе Воронежской Военно-воздушной академии им. Профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина [4, с. 461-464]. Сравнивая американскую и русскую специальную военную лексику, исследователи обнаружили некоторое количество антропонимов, неформально и завуалированно называющих технику (*Аннушка, Антоша, Антошка – самолет Ан-2*), звания (*Ванька – командир взвода, Иван Грозный – комбат*), предметы повседневной деятельности (*Машка – швабра, чурбак для натирания пола в казарме либо кусок шинели, пропитанный настой ГОИ для натирания ременной бляхи*). Проведя сравнительный анализ частотности употребления в жаргоне военных антропонимов, И.Н. Путова и А.А. Захаренков, отмечают: «...в русском военном жаргоне лексем с антропонимами не так много по сравнению с американским» [4, с. 463]. Редкость использования антропонимов в социолектах подтверждает и материал, являющийся объектом моего научного интереса.

При изучении лексики десяти разных социальных групп, не связанных общей деятельностью, таких как, например, вожатые детских лагерей, футбольные фанаты, работники театра, было определено, что имена собственные в номинации объектов встречаются только в 2% социолектизмов. Это представлено 28 словами из более чем 1300 лексем личной картотеки.

По способу словообразования обнаруженные примеры можно разделить на две группы: образованные семантическим способом, путем переноса значения производного слова на образуемое, и морфемным способом, при котором то, что на первый взгляд является именем собственным, на самом деле является производным от основы исходного слова путем изменения его морфемного состава.

Группа семантически-образованных лексем немногочисленна. В качестве разных по принципу проникновения в специальную лексику групп можно привести следующие примеры. В жаргоне пользователей компьютера восточным именем *Момед* долгое время называли модем, и до сих пор можно встретить имя *Емеля* в значении *электронной почты* (от англ. *e-mail*). У работников ресторана *Бармалей* – это *бармен*, что представляет собой наглядные принципы номинации по созвучию с исходным словом.

Редкий пример из того же социолекта – *Карлсон*, демонстрирующий перенос значения по принципу схожести обозначаемого процесса. Так называют *вентилятор*, охлаждающий процессор, а также встроенные устройства компьютера с целью поддержания оптимальной рабочей температуры. Вероятно, значение взято из-за схожести лопастей известного персонажа и части оборудования.

На границе между семантическими и морфемными способами находится транслитерация. Адаптация английских названий используется преимущественно в социолектах, где у объектов номинации нет русских вариантов либо не было до определенного времени. Выше-

названная граница между способами словообразования проходит там, где лексема после транслитерации остается неизменной (это можно отнести к семантическому словообразованию), либо подвергается изменению морфемного состава методом усечения или добавления суффиксов. Так, *Ирка* вызывает ошибочное представление о наличии суффикса *-к-*, который есть в разговорном производном от имени *Ира*. В жаргоне компьютерщиков оно является транслитерацией программе обмена сообщениями *IRC (Internet Relay Chat)*, где «к» является частью корня. При этом *Димка*, в качестве имени собственного образованный тем же принципом, суффикс *-к-* имеется, потому что социолектизм создан путем транслитерации модуля памяти *DIMM* с добавлением суффикса существительного *-к-*.

Безаффиксным способом, путем усечения части исходного корня, образованы названия популярных телефонных марок в жаргонах салонов сотовой связи – Семен (Siemens), Филя, он же Фил (Philips).

Несмотря на то, что вышеназванные примеры доказывают, что образование антропонимов в социолектах происходит преимущественно при переходе из иностранного языка, существуют и единичные примеры, образования лексем от исходных русских слов. В первую очередь сюда можно отнести широко известную *Клаву (клавиатуру)*, которая из профессиональной речи компьютерщиков давно проникла в повседневное употребление вместе с тем, как сами компьютеры стали неотъемлемой частью современной повседневности.

Несколько антропонимов обнаружено в социолекте медицинских работников. *Оксибутират натрия*, психотропный препарат, представлен сразу двумя именами – *Оксана* и *Ксюха*. Стоит отметить, что исходное слово является достаточно сложным для морфемного разбора. В данном случае он основан на принципе создания химических веществ. В сложном слове *окс/и/бутир/ат* в обоих случаях подверглись усечению второй корень и суффикс. С первым корнем словообразовательный процесс происходит в двух направлениях. Добавление суффикса *-ан-* создало антропоним *Окс/ан/а*, а добавление суффикса просторечий *-юх-* в сочетании с усечением первой буквы корня создало *Кс/юх/у*. Учитывая, что *Ксюха* является разговорной версией имени *Оксана*, можно сделать вывод, что словообразовательный процесс шел одновременно и через морфемы от производного *оксибутират*, и по аналогии с разговорным вариантом антропонима *Оксана*.

Важно обратить внимание, что носители жаргона не просто изменили протяженность слова, но и привели термин к знакомым и понятным именам собственным. Можно предположить, что причина явления в том, что в речи медиков существует и так очень много терминов, длинных и коротких, поэтому просто использование короткой версии слова не сохраняет его семантики, а, наоборот, может ввести в заблуждение. Названия этих веществ не единственные, использующие эти корни. Оставив лишь один из них, можно совершить чудовищную ошибку в виде перепутанных препаратов для введения, что категорически недопустимо.

Подводя итоги анализа антропонимов в социолектах, можно сделать вывод о том, что при употреблении в специальной речи социальных групп антропонимы не несут традиционного семантического значения. Если само по себе имя собственное не имеет денотата, но при попадании в социолект оно его обретает. Стоит обратить внимание, что в речь этих групп антропонимы добавляются сразу не в качестве имен, а иными методами и словообразовательными приемами. По своей сути антропонимы в социолектах не являются именами собственными, а их морфемный разбор может отличаться между собой.

Библиографический список

1. Ачилова Д.О., Щербак А.С. Пушкинский антропоним «Балдушка» // А.С. Пушкин как культурный код России. Сборник статей Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция, в рамках гранта «Выставка-перформанс по произведениям вели-

кого русского писателя А.С. Пушкина, посвященная 225-летию со дня рождения». Москва, 2024, С. 389-392.

2.Буркова Т.А. Неофициальный антропоним как социально маркированная единица в профессиональной сфере // Вестник Башкирского университета. Т.22. №1. 2017. С.108-112

3.Голованова Е.И. Антропоним как базовое средство индивидуальной и корпоративной идентификации и презентации в современной культуре // Челябинский гуманитарий. №1 (18). 2012. С. 45-50.

4.Захаренков А.А., Путова И.Н. Антропонимы в военном жаргоне (на материале английского и русского языков) // Science Time. №3 (15). 2015. С.461-464

5.Ибрагимова М.Н. Виртуальное имя (никнейм) как антропоним: определение и классификация // Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сборник материалов Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Махачкала, 2023. С. 98-104

6.Ивашенко Ю.Ю. Функции антропонимов в прозе и драматургии Л.Н. Толстого // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. №3. 2022. С.107-111.

7. Кочергина И.В. Особенности употребления антропонимов в художественных произведениях А.П. Гайдара // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 8. №4 (29). 2018. С.60-66.

8. Ланге Н.В. Функция прецедентных антропонимов, называющих писателей, в романе Д.И. Рубиной «Маньяк Гуревич» // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. №11. 2023. С.49-55.

9.Шаройко А.В. Textoобразующая функция антропонимов (на материале современной беллетристики) // Молодежный исследовательский потенциал. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2020. С. 47-50

10.Антропонимы в романе В. Пелевина «Непобедимое солнце» // Язык. Личность. Культура. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора педагогических наук, профессора Г.А. Анисимова и 80-летию кандидата филологических наук, доцента Л.П. Бирюковой. Чебоксары, 2024. С. 230-235

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS' INFORMATION

Баркалова Альбина Константиновна,

Соискатель ученой степени кандидата
филологических наук,

Воронежский государственный технический
университет,

SPIN-код: 1933-1608;

e-mail: barkalova.albina@mail.ru

Barkalova Albina Konstantinovna,

Applicant for the degree of candidate
of philological sciences,

Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 1933-1608;

e-mail: barkalova.albina@mail.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);
- 3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);
- 4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;
- 8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);
- 10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микропонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллативно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микропонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микропонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**MICROTOPYNOMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ...

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

супс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1 (1) 2025

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 05.05.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13,3. Усл. печ. л. 14,6. Тираж 25 экз. Заказ № 121
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84